

894.342-3

A938 к

Л.М. АУЭЗОВА

И
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
ЭПОПЕИ
ПУТЬ АБАЯ.

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова

Л. М. АУЭЗОВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭПОПЕИ „ПУТЬ АБАЯ“

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1969

В книге на примере эпопеи М. О. Ауэзова «Путь Абая», которая охватывает полувековую историю казахского народа и может быть приравнена к надежному историческому источнику, раскрывается сущность историзма советской романистики.

На основе большого количества литературных и архивных источников автор работы рассматривает наиболее важные особенности патриархально-феодальных отношений в Казахстане, в частности такие вопросы, как классовая структура казахского общества, формы эксплуатации, особенности пастбищно-кочевого скотоводства и пр. Большой интерес представляют впервые вводимые в научный оборот воспоминания современников об Абае и его эпохе, записанные М. О. Ауэзовым.

В работе исследуются также особенности советского исторического романа: конкретно-историческое изображение рассматриваемой эпохи с выявлением главных закономерностей социально-экономического развития общества, воссоздание прошлого через связь с современностью, соотношение исторической правды и художественного вымысла, связи исторической науки и художественной литературы.

Книга рассчитана на историков, филологов, студентов вузов и широкий круг любителей казахской литературы.

Ответственный редактор
академик АН КазССР, доктор филологических наук,
профессор М. С. СИЛЬЧЕНКО

Великая Октябрьская революция освободила угнетенные народы России и вызвала закономерный интерес к объективному изучению и переосмыслению с позиций марксистско-ленинского мировоззрения их исторического прошлого, подвергавшегося в буржуазной историографии шовинистическим и националистическим искажениям.

Многие писатели, отражая этот закономерный интерес народа к своему прошлому, стремятся художественно раскрыть историю, выявить в ней прогрессивные тенденции, приведшие к совместной борьбе народов за свое освобождение. С этим связано и большое внимание художников слова к вопросам изучения духовных ценностей в национальной культуре прошлого, к ее выдающимся деятелям. Наиболее яркое выражение эти тенденции получили в творчестве С. Айни, Айбека, Г. Ибрагимова, Н. Рыбака, Ст. Зорьяна, Б. Кербабаева, Е. Гамсахурдиа, Д. Демирчяна, А. Файзи, Н. Лордкипанидзе, Г. Абашидзе, А. Упита и др., создавших первые исторические романы в своих литературах.

Лучшие традиции советской исторической романистики были творчески восприняты и продолжены казахской советской литературой. в таких получивших широкую известность романах, как «Тернистый путь» С. Сейфуллина, «Ботагоз» и «Школа жизни» С. Мука-

нова, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Очевидец» Г. Мустафина, трилогиях Х. Есенжанова «Яик — светлая река» и А. Нурпеисова «Кровь и пот» и др.

Эти традиции советского исторического романа развил и обогатил М. О. Ауэзов в эпопее «Путь Абая», которая является предметом настоящего исследования.

Из новых произведений исторического жанра можно назвать недавно вышедшие из печати романы Д. Абилева «Мечта поэта», А. Алимжанова «Стрела Махамбета» и И. Есенберлина «Проклятье».

Новаторская сущность советского исторического романа заключается прежде всего в том, что в основе его лежат не вымышленные, как в классических романах вальтер-скоттовского типа, а подлинно исторические события. Жизнь народа в ее закономерном развитии, участие в ней множества известных из прошлого лиц и вымышленных персонажей и составляют в большинстве случаев сюжет советских исторических романов.

Следовательно, советскому романисту, воссоздающему в своем произведении исторический процесс, особенно в переломный момент истории народа, необходимо осмыслить минувшее с позиций марксизма-ленинизма.

Лучшие советские исторические романы отвечают требованиям глубокой достоверности изображаемой эпохи, верности правде истории. В них взаимодействуют правда и вымысел в той мере, в какой писатель силой художественного воображения воссоздает историческую действительность, научно им познанную.

Однако ни одному жанру литературы не под силу так широко, многогранно и всеобъемлюще отразить процесс общественной жизни во всех ее сферах сверху донизу, выдвинув на первый план важнейшие проблемы исторического развития народа, как роману-эпопее. Недаром, говоря о романе-эпопее как жанре зрелого реализма, А. В. Чичерин в монографии, специально посвященной анализу романа-эпопеи, отмечал, что «первый признак этого жанра — полнота и огромный объем настоящего знания человека и общества»¹.

¹ А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958, стр. 14.

Поскольку история составляет основу эпического повествования, то отображение прошлого в художественной литературе наиболее полно и многосторонне можно проследить на примере жанра романа-эпопеи.

«Роман-эпопея — это произведение большого масштаба, — пишет А. В. Чичерин, — в котором частная жизнь связана с историей народа. В романе-эпопее сопоставлены и противопоставлены разные классы общества; при изображении смены поколений семья приобретает социальный, исторический смысл; в числе других изображены лучшие мыслящие люди своего времени, в сознании которых осмыслены и трагедии и мечты их современников»².

Объектом настоящего исследования является роман М. Ауэзова «Путь Абая», в котором, по утверждению литературоведа М. Каратаева, первым давшего определение жанра произведения М. Ауэзова как романа-эпопеи, «писатель с большой глубиной отображает жизнь народа в неразрывной связи с историческими событиями и деятельностью исторической личности»³.

Исследование романа-эпопеи убеждает, что М. О. Ауэзов, подобно А. Н. Толстому, Ст. Злобину, Ю. Тынянову, В. Шишкову, Айбеку и другим мастерам советского исторического романа, подошел к изображаемой им эпохе не только как художник, но и как ученый. Поэтому представляет большой интерес изучение самого характера исследовательской работы, проведенной М. О. Ауэзовым в период сбора опросных сведений, тщательного ознакомления с историческими архивными и литературными источниками, их критический отбор. К М. О. Ауэзову, почти половину своей жизни занимавшемуся изучением биографии и творчества Абая Кунанбаева, вполне применимо определение, данное литературоведом А. Белинковым творчеству Ю. Тынянова. «Своеобразие Ю. Тынянова заключается в тесном сцеплении научного и художественного творчества, в том, что его художественное творчество вытекает из научного, в том, что между ними нет непреходимой границы»⁴, — писал А. Белинков.

² Там же., стр. 18.

³ М. Каратаев. Первая казахская эпопея. «Казахстанская правда», 1956, 8 сентября.

⁴ А. Белинков. Юрий Тынянов. М., 1960, стр. 43.

Анализ эпопеи с этих позиций делает совершенно правомерным исследование проблемы историзма в эпопее «Путь Абая», творчески решенной писателем. Закономерность такого подхода к изучаемому вопросу подтверждает и известное высказывание выдающегося казахского ученого К. И. Сатпаева, отметившего, что эпопея «Путь Абая», не говоря о ее художественных достоинствах, представляет собой «большой по ценности научный труд, который, несомненно, всегда будет привлекать к себе внимание специалистов самых разнообразных отраслей науки. Мимо этой книги не пройдет ни один историк, изучающий прошлое казахского народа, ученый-филолог почерпнет здесь богатый материал...; ученый-этнограф найдет здесь интереснейшие детали жизни и быта, ныне уже ушедшие в прошлое...; ученые-экономисты получают яркую и правдивую картину структуры скотоводческого народного хозяйства Казахстана XIX в., своеобразных и отсталых форм классовой борьбы в нем; ученые-юристы найдут ценнейшие сведения о правовой жизни степи — от шарията до суда биев и т. д.».

Рассмотрение эпопеи с точки зрения ее «огромного научно-познавательного значения» дало основание К. И. Сатпаеву сделать заключение, что она представляет собой «подлинную энциклопедию всех многогранных сторон жизни и быта казахского народа во второй половине XIX в.»⁵

Глубокое художественное освоение полувековой истории казахского народа, фигура выдающегося деятеля казахской культуры, поэта-демократа и просветителя Абая Кунанбаева в центре повествования — все это придает эпопее и большое историко-познавательное значение. Отсюда цель исследования — детально рассмотреть вопрос об историзме «Пути Абая» в сопоставлении с документальными источниками, дать его обоснование, подтверждающее, что этот основной труд жизни М. О. Ауэзова содержит богатейший материал по истории Казахстана. Последнее признают и казахстанские историки.

Так, академик АН Казахской ССР А. Н. Нусупбе-

⁵ К. И. Сатпаев. Выдающееся произведение казахской советской литературы. В сб.: «М. Ауэзов». Сборник статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959, стр. 28—29.

ков полагает, что М. О. Ауэзов, сознавая всю глубину ответственности перед историей, «тщательно отбирал самые характерные и типичные факты из жизни родного народа. Вот почему ученые-обществоведы в своих исследованиях с законным основанием ссылаются на исторические романы Ауэзова «Абай» и «Путь Абая», как на достоверный исторический источник»⁶.

Рассмотрение сущности историзма эпопеи «Путь Абая» тесно связано с изучением на ее примере основных особенностей труда писателя, исходившего из марксистско-ленинского понимания истории и создавшего свое произведение на основе метода социалистического реализма.

Решая вопрос об историзме романа, необходимо прежде всего сказать о том, насколько глубоко и правильно раскрыты в нем ведущие закономерности и движущие силы исторического процесса. Следовательно, исключительно важно и интересно, на наш взгляд, проследить, насколько полно и верно в сопоставлении с исторической наукой М. О. Ауэзов сумел отразить в эпопее проблемы истории Казахстана второй половины XIX века.

Вместе с тем изучение эпопеи в таком аспекте дает возможность выявить принципы отбора, умение М. О. Ауэзова оперировать историческими фактами в изображении многогранной жизни народа, перспектив его развития.

Эпопея «Путь Абая» принадлежит к тем историческим романам, где в центре стоит образ выдающейся личности, сыгравшей прогрессивную роль в истории духовной культуры народа. Образ Абая как бы организует сюжет романа, построенного в целом на поступательном развитии самой истории, исторической судьбы народа. Изучение эпопеи убедительно свидетельствует, что Абай не мог бы быть понят и показан с достаточной глубиной в отрыве от своей эпохи с ее противоречиями, от жизни народа, выразителем интересов которого он выступал, прозорливо определяя дальнейший путь его развития.

⁶ А. Н. Нусупбеков. М. О. Ауэзов в советской историографии. «Известия АН КазССР», серия общественная, 1968, № 3, стр. 63.

Следовательно, автор стремился показать эпоху через ее героя, вскрывая социально-исторические условия, определявшие творческую и общественную деятельность Абая.

Только так понимая свою задачу, М. О. Ауэзов говорил о противоречиях творческого метода основателя жанра биографического романа в западноевропейской литературе, известного французского писателя А. Моруа, описавшего жизнь Байрона в отрыве от его времени, в зависимости от отдельных случайностей. Историческая почва, определившая революционно-романтический характер творчества Байрона, подменена в его романе воспроизведением второстепенных, нехарактерных обстоятельств его интимной жизни.

Изучая опыт советских и зарубежных писателей в создании историко-биографических романов о творческих личностях, М. О. Ауэзов отмечал, что он не только воспринимал положительное в их художественных решениях, но и старался избежать в своей писательской практике допущенных ими просчетов.

Так, например, выступая против «натуралистического изображения жизни гения прошлого», которым отмечен роман А. Моруа о Байроне, Ауэзов писал: «Нас интересуют в их биографиях не случайные подробности и факты. В памяти народа живут те стороны жизни выдающихся деятелей, которые наиболее существенны, с которыми собственно и связана их роль в истории. Думается, именно с этой точки зрения прежде всего и нужно рассматривать биографии замечательных людей»⁷.

Эту же мысль высказал и другой советский исторический романист С. Голубов, делясь своими раздумьями над материалом истории в романе о Багратионе: «Герой художественного произведения есть сгусток того, как понимает и объясняет писатель изображаемую им эпоху. Собственно говоря, именно эпоха и является настоящим героем исторического романа в образе его литературного героя»⁸.

⁷ М. О. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 358.

⁸ С. Голубов. Правда и вымысел в советском историческом романе. «Вопросы литературы», 1958, № 1, стр. 84.

Нам представляется важным в настоящей работе исследовать, как М. О. Ауэзов путем тщательного и достоверного показа в романе социально-исторической обстановки подошел к изображению формирования личности и мировоззрения Абая, истоков его деятельности.

В. Г. Белинский отмечал: «Чем выше поэт, тем больше принадлежит обществу, среди которого родился, тем теснее связано его развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества»⁹.

Следовательно, рассмотрение особенностей историзма эпопеи «Путь Абая» представляет интерес и для изучения проблемы изображения выдающейся личности, ее роли в истории и связанной с ней задачей воссоздания самой эпохи, воспринимаемой ярко и зримо через отражение в судьбе этой личности.

Эпопея «Путь Абая» вызвала появление большой критической литературы, которая, однако, менее всего касалась вопросов соотношения истории и художественного вымысла¹⁰.

⁹ В. Г. Белинский. Соч., т. I. СПб., 1907, стр. 430.

¹⁰ «Первая казахская эпопея» (сб. статей на каз. языке). Алма-Ата, 1957; Е. Исмаилов. О романе «Абай» (на каз. языке). «Майдан», 1915, № 2; В. Иванов. Роман о песне. «Литературная газета», 1948, 10 ноября; П. Скосырев. Роман об Абае. «Комсомольская правда», 1949, 14 апреля; М. Каратаев. Первая казахская эпопея. «Казахстанская правда», 1956, 8 сентября; З. Ахметов, И. Дюсенбаев. Романы Мухтара Ауэзова об Абае. «Коммунист Казахстана», 1956, № 11; М. Каратаев. Предисловие к эпопее «Путь Абая». Алма-Ата, 1960; «Мухтар Ауэзов» (Заметки о творчестве). Алма-Ата, 1967; К. Зелинский. Путь поэта (о романе «Путь Абая»). «Правда», 1958, 3 августа; В. Смирнова. Путь Абая — путь народа (о романах «Абай» и «Путь Абая» М. Ауэзова). «Литературная газета», 1958, 16 декабря; З. Кедрин. «Абай». «Правда», 1948, 20 декабря; е е ж е. Эпопея народной жизни. В кн.: З. Кедрин. Из живого источника. М., 1960; А. Нуркатов. Творчество Мухтара Ауэзова. (Сб. статей на каз. языке). Алма-Ата, 1965; Е. В. Лизунова. Мастерство Ауэзова-романиста. В кн.: Е. В. Лизунова. Современный казахский роман. Алма-Ата, 1964; И. Дюсенбаев, М. Базарбаев. М. О. Ауэзов. Предисловие к собранию сочинений М. Ауэзова в 12 томах, т. 1. Алма-Ата, 1967; Р. Бердибаев. Роман и современность (на каз. языке). Алма-Ата, 1967; Е. В. Лизунова. Поэт и народная эпопея. В кн.: Е. В. Лизунова. Мастерство Мухтара Ауэзова. Алма-Ата, 1968, и др.

Вопросы же об источниках, использованных М. О. Ауэзовым при создании эпопеи, ее исторических основах, характере творческого освоения автором этих материалов до сих пор не были предметом детального, конкретного изучения. Поэтому в настоящей монографии впервые рассматривается не только работа М. О. Ауэзова над сбором исторических фактов, на которых строился сюжет романа, но и творческий подход к ним писателя с позиций нашего времени, приемы использования их в художественном произведении, когда историческая истина сливается с искусством.

Нам представляется особо важным исследование сложного процесса изучения автором противоречивых исторических свидетельств, раскрытие их сути, обусловленности закономерностями эпохи, творческой переработки их автором, который с помощью художественной типизации и творческого воображения вводит их в сферу искусства.

Таким образом, работа имеет целью рассмотрение на примере эпопеи «Путь Абая» сложного и малоизученного вопроса: на каких принципах строятся художественное осмысление автором подлинных исторических фактов и претворение их в художественные образы, соотношение художественной и исторической правды при создании литературного произведения на историческую тему.

Вместе с тем изучение исторических источников, на которых базируется эпопея «Путь Абая», дает возможность исследовать интереснейшую проблему роли художественного вымысла в историческом романе и его сочетании с документальными свидетельствами описываемой эпохи.

В историографическом обзоре правомерно поставить вопрос и о том, какими источниками пользовался М. О. Ауэзов в своей многолетней работе над романом, одновременно изучая биографию, творчество и эпоху Абая Кунанбаева.

М. О. Ауэзов писал, что он начал интересоваться Абаем еще будучи воспитанником учительской семинарии, а затем студентом Ленинградского университета. Уже в эти годы он, будущий автор эпопеи, смог накопить интересные факты из биографии Абая, которые почерпнул из бесед с его близкими: женами Айгерим

(умерла в 1918 г.) и Дильдой (дожила до 1924 г.), последней женой Кунанбая — Нурганым, поэтом Кокпаем и др. Современником Абая Кунанбаева был и дед писателя Ауэз, близко знавший поэта и также поведавший внуку много интересных сведений, связанных с биографией казахского классика.

Однако в тот период М. О. Ауэзов еще не рассматривал свое увлечение Абаем как нечто серьезное. Он писал впоследствии: «Вплотную как биограф я занялся собиранием материала о жизни Абая уже после 1930 г. К сожалению, в это время из людей, лично знавших его, в живых осталось только несколько стариков. И все же мои записи рассказов, услышанных непосредственно из уст современников Абая, начиная с 1933 г. стали появляться в печати»¹¹.

Как известно, дореволюционные письменные источники об Абае сводились главным образом к биографии поэта, написанной К. Исхаковым в предисловии к изданному в 1909 г. стихам Абая, и к ряду публикаций в местной прессе. Ввиду полного отсутствия таких материалов, как дневники, письма, мемуары, на которых обычно строится изучение биографии исторического деятеля, основным источником для воссоздания жизненного пути Абая явились воспоминания его современников.

В личном архиве М. О. Ауэзова сохранились уникальные записи рассказов современников Абая Кунанбаева о его жизни и эпохе, собранные писателем в период поездок в 30-е и 40-е годы в Абаевский район Семипалатинской области — на родину Абая.

Наиболее ранними из них, относящимися к 30-м годам, являются записи автора со слов лиц, знавших Абая лично или сохранивших в памяти воспоминания о нем своих отцов, близких и современников поэта. Среди этих сведений есть полученные М. О. Ауэзовым от стариков Мадияра, Ермусы, Тумабая Наданбаева, внука Кулиншака, старейшины рода торгай, Алимбета, Катпы Курамжанова, Сыдыка Махмудова, Касена, Букена, Архама Исхакова, акына Толеу Кобдыкова, внучки Абая Уасили, его невестки Камалии и др.

¹¹ М. О. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев, стр. 360.

Ценные сведения были переданы М. О. Ауэзову писателем Сапаргали Бегалиным (собраны последним в эти же годы на родине Абая), которые также были использованы автором «Пути Абая» при работе над романом. Имеющиеся в материалах С. Бегалина записи бесед с Баймагамбетом Айтхожиным богаты интересными деталями, касающимися характера Абая, заключают в себе отдельные высказывания, шутки, приписываемые поэту, подробные сведения о музыканте Мухе Адильханове и пр.

Наряду с фактами биографии поэта все эти записи содержат также народные поговорки, старинные слова и обороты речи, использованные впоследствии М. О. Ауэзовым для верной передачи духа эпохи, ее языка.

Большое количество сведений, записанных М. О. Ауэзовым на родине Абая, связано с казахским обычным правом в области земельного вопроса, брака и пр., этнографическими данными, касающимися похоронных обрядов, свадеб, народных обычаев, сведений о казахском календаре, космогонических понятиях.

Надо сказать, что эти записи М. О. Ауэзова носят лаконичный и отрывочный характер, они являются как бы дополнением к тем фактам, которые были ему хорошо известны и ранее, сохранились в его памяти с молодых лет. М. О. Ауэзов образно сравнивал эту свою длительную работу по сбору материалов об Абаяе, предшествовавшую художественному воссозданию его образа, с «трудом запоздалого путника, который приходит к месту стоянки давно ушедшего каравана, находит последний тлеющий уголек угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголек в яркое пламя». «Потускневшая память стариков, — говорил Мухтар Омарханович, — служила мне путеводителем по юности Абая, по лицу шестидесятилетней Айгерим я старался восстановить красоту ее пленительной юности, некогда обворожившей поэта»¹².

Подчеркивая решающее значение опросных сведений для воссоздания биографии Абая Кунанбаева, М. О. Ауэзов отмечал, что само поэтическое творчество Абая мало биографично. Он говорил, что многие имена или детали, связанные с отдельными личностями, в свое время вычеркивались самим поэтом или

¹² М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев, стр. 360.

упускались современниками при устном распространении его поэзии. М. Ауэзов в тезисах к лекции об истории своей работы над романом отмечал, что им были собраны некоторые посвящения стихов Абая, восстановлены отдельные личные имена в его стихах¹³.

Наряду с источниками мемуарного характера М. О. Ауэзов в работе над воссозданием эпохи Абая широко пользовался, как он сам подчеркивал, исследованиями историков, осветивших прошлое Казахстана с позиций марксистско-ленинского понимания его. Насколько широк был круг исторических источников, привлекавшихся М. О. Ауэзовым при работе над эпопеей, свидетельствуют обширные выписки из отдельных исторических статей и исследований, пометки в трудах, посвященных эпохе, в которую жил и творил Абай, изучение архивных источников, характеризующих поэта и его время. Важное значение в овладении историческим материалом имело и непосредственное участие М. О. Ауэзова в качестве одного из авторов и редакторов в монументальном труде «История Казахской ССР». В архиве писателя нашло отражение и его углубленное изучение трудов классиков марксизма-ленинизма применительно к различным проблемам рассматриваемой им эпохи. Так, например, широко включая вопросы политической истории России в последнюю книгу эпопеи, М. О. Ауэзов руководствовался ленинской оценкой событий, о чем, в частности, свидетельствуют его выписки из трудов В. И. Ленина, касающихся проблемы переселения крестьян, истории революционно-демократического движения в России, русско-японской войны и пр.

Большое познавательное значение эпопеи «Путь Абая» связано, на наш взгляд, также и с тем, что многие стороны народной жизни, так живо и достоверно воспроизведенные в романе, были построены не только на изучении специальной исторической литературы, но и на личных воспоминаниях автора, относящихся к его детству и юности, проведенным до Октябрьской революции в тех местах, где происходит действие его романа. Недаром М. О. Ауэзов, родившийся в 1897 г. и непосредственно наблюдавший дореволюционную жизнь казахов, говорил о себе: «Я мог бы явиться человеком-

¹³ Архив ЛММА, папка № 395, л. 97.

справкой, у которого между отрочеством и сегодняшним днем лежат буквально века. По всему тому, что я видел, пережил, наблюдал, я пришел к середине XX столетия как бы из далекого, даже не европейского, а азиатского средневековья»¹⁴.

Эта особенность труда М. О. Ауэзова, основанного в значительной мере на личном, непосредственном знакомстве с бытовым материалом эпохи, которое не могла бы восполнить никакая эрудиция в изучении исторического прошлого народа, сближает его творчество с некоторыми особенностями работы А. Н. Толстого над «Петром I».

Критика не раз обращала внимание на то, что в роман о петровской эпохе у А. Толстого «входило непосредственное ощущение русской старины, которое поддерживалось в писателе воспоминаниями детства, его глубоким знанием русской патриархальной провинции, деревни»¹⁵. Алексей Толстой и сам подчеркивал эту связь своих личных воспоминаний с зарисовками русского быта в романе о Петре I: «Если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда появилось ощущение эпохи, ее вещественности. Этих людей, эти типы я потом проверял по историческим документам. Документы давали мне развитие романа, но вкусовое, зрительное восприятие, идущее от глубоких детских впечатлений, те тонкие, едва уловимые вещи, о которых трудно рассказать, давали вещественность тому, что я описывал»¹⁶.

В архиве писателя сохранились записи, из которых видно, что, изучая взаимоотношения Абая с политическими ссыльными Семипалатинска, М. О. Ауэзов внимательно знакомился с исторической литературой, связанной с различными периодами революционно-демократического движения в России во второй половине

¹⁴ М. О. Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961, стр. 56.

¹⁵ А. Н. Толстой. «Петр I». М., 1947, комментарии, стр. 793.

¹⁶ А. Н. Толстой. О литературе. М., 1956, стр. 332.

XIX века. Судя по его конспектам, датированным еще 1946 г., он делал обширные выписки из специальной литературы, посвященной Н. Г. Чернышевскому, его соратникам Н. В. Шелгунову, М. Л. Михайлову, А. Серно-Соловьевичу, а также Е. П. Михаэлису¹⁷, впоследствии политическому ссыльному, оказавшему большое влияние на Абая.

С такой же тщательностью подошел М. О. Ауэзов и к изучению деятельности народовольцев, знакомясь не только с исторической литературой, но и с периодической того времени. В его архиве содержатся сведения о событиях 1 марта 1881 г., почерпнутые из журналов: «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки», из провинциальных газет: «Семипалатинские областные ведомости», «Туркестанские областные ведомости» и пр.¹⁸ Касаясь событий, связанных с убийством Александра II, М. О. Ауэзов стремился отразить их в романе, исходя из непосредственных откликов в печати того времени. Наряду с этим М. О. Ауэзовым были сделаны обширные выписки из следственного дела Н. Долгополова, хранящегося в Центральном государственном архиве Казахской ССР.

По этим конспективным записям писателя видно, что М. О. Ауэзов, изучая деятельность народовольцев, исходил из ленинских оценок их значения в истории революционного движения в России¹⁹.

Необходимо отметить, что успехи в творческих поисках и решениях проблем художественного осмысления исторического прошлого у С. Айни, Айбека, М. Ауэзова, А. Файзи, Н. Рыбака, К. Лордкипанидзе, Ст. Зорьяна и других писателей народов СССР во многом связаны с использованием ими традиций русского советского исторического романа, творческого опыта в области исторического жанра М. Горького, А. Толстого, Ю. Тынянова, А. Серафимовича, С. Сергеева-Ценского и др., утвердивших принципы правдивого показа прошлого с позиций социалистического реализма, при-

¹⁷ Архив ЛММА, папка № 395, лл. 55, 56, 61, 62, 63, 64—69 и др.

¹⁸ Там же, лл. 3—6, 60.

¹⁹ Там же, лл. 45, 57, 58 и др.

чем первенствующая роль здесь принадлежит М. Горькому.

«Углублению историзма советской исторической беллетристики, усилению ее эпических тенденций в большой мере способствовали грандиозные проникнутые глубоким социальным историзмом эпопеи Горького «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина»²⁰, — отмечает в своей монографии С. Петров.

Во многих ценных высказываниях М. Горького, которого критика недаром называет крестным отцом советского исторического романа²¹, настойчиво проводится мысль о том, что советская художественно-историческая литература должна уделять больше внимания жизни народа²². Анализ эпопеи «Путь Абая» со всей наглядностью обнаруживает, что М. О. Ауэзов в своей творческой практике при работе над эпопеей имел в виду и это важное высказывание М. Горького.

При изучении идейного содержания романа, связанного с авторским толкованием истории, несомненный научный интерес представляют критические замечания к рукописи романа и творческая реализация их автором. Подобного рода плодотворное сотрудничество писателя с критиками его романа можно проследить на примере работы М. О. Ауэзова с редакцией журнала «Знамя», впервые издавшей на русском языке третью и четвертую книги романа.

Так, в числе серьезных замечаний, принятых автором, судя по пометкам, во внимание, были и следующие: «... более отчетливо показать социальное расслоение казахского общества конца XIX века. Вам удалось убедительно показать варварскую эксплуатацию казахской бедноты со стороны местных феодалов, но вы еще явно недостаточно показали колониальную эксплуатацию казахского народа со стороны царского правительства.

...Тема двойной эксплуатации казахской бедноты должна быть выражена в романе предельно отчетливо...»

²⁰ С. Петров. Советский исторический роман. М., 1960, стр. 73.

²¹ М. Ленобль. История и литература. М., 1960, стр. 248.

²² И. Т. Изотов. Из истории критики советского исторического романа (20—30-е гг.). Оренбург, 1967, стр. 84.

М. О. Ауэзову советовали также раскрыть яснее внутренний мир Базаралы: «... ведь очевидно, что этот стихийный бунтарь после всех поражений задумывался о путях борьбы с баями». Одновременно редакция рекомендовала «еще более наполнить роман реальными историко-революционными событиями того времени. Это можно убедительно решить прежде всего через образ Абиша, дважды приезжающего (на страницах романа) в степь из Петербурга. Очевидно, что образ Абиша должен быть наполнен передовыми интересами того времени, ведь Абиш проездом мог быть и в Казани, где выступал в это время молодой Ленин. Сейчас фигура Абиша, по нашему мнению, бледная, условно-романтическая, неинтересная...»²³

Если сопоставить рукопись третьей книги романа с опубликованными вариантами, то легко убедиться, что большинство этих пожеланий было учтено М. О. Ауэзовым: им в процессе подготовки романа к печати сделаны соответствующие вставки и дополнения. В данном случае нам хотелось подчеркнуть существенное значение критики, направлявшей внимание автора на углубление историзма романа. Подробный же анализ самого характера переработки текста, его исправлений, дополнений, работа над стилем, которая ясно видна по оригиналам рукописей М. О. Ауэзова, их вариантам, разночтениям, сосредоточенным в личном архиве писателя, представляют, на наш взгляд, как изучение творческой лаборатории писателя предмет самостоятельного исследования.

Специфика настоящего исследования, связанная с необходимостью изучения источников создания эпопеи «Путь Абая» и всесторонним анализом ее историзма, потребовала внимательного ознакомления с широким кругом литературы по дореволюционной истории Казахстана²⁴. Вместе с тем работа базируется на основ-

²³ Архив ЛММА, папка № 395, л. 102.

²⁴ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957; Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; его же. Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966; Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1963; С. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVIII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; С. Зиманов. Политический строй казахов конца XVIII — первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; его же. Об-

ных трудах по абаеведению²⁵, представляющему, как известно, важную отрасль казахского литературоведения.

Изучение историографии вопроса, связанного с историческим романом, обнаруживает достаточную полноту исследований в отношении русского советского исторического романа. В них наряду с рассмотрением содержания и мастерства поднимаются в той или иной степени и общетеоретические вопросы специфики жанра. Из работ такого рода необходимо назвать монографии Г. Ленобля «История и литература» (М., 1960); С. М. Петрова «Советский исторический роман» (М., 1958); М. Серебрянского «Советский исторический роман» (М., 1936); Ю. Андреева «Русский советский исторический роман» (М., 1962); Р. Мессер «Советская историческая проза» (Л., 1955) и др.

В методологическом отношении большую ценность представляют отдельные работы, посвященные авторам лучших советских исторических романов: А. В. Алпатов «Алексей Толстой — мастер советского исторического романа» (М., 1958); А. Белинков «Юрий Тынянов» (М., 1960); А. И. Овчаренко «Роман-эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (М., 1965) и др.

Отдельные вопросы становления жанра исторического романа хотя и затрагиваются в трудах многих исследователей, посвященных национальным литературам, однако монографических работ на эту тему еще недостаточно. В частности, в казахском литературове-

дественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960; В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; Е. Дильмухамедов, Ф. Маликов. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана (вторая половина XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1963; Г. Сапаргалиев. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966; А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965; «Казахстан в канун Октября». Сб. статей. Алма-Ата, 1968, и др.

²⁵ М. О. Эуезов. Абай Құнанбаев. Мақалалар мен зерттеулер. Алматы, 1967; Мұқанов Сәбит. Жарқын жұлдыздар. Шоқан Уәлиханов пен Абай Құнанбаевтың өмірі мен творчествосы туралы. Алматы, 1964; Х. Жұмалиев. Қазақ әдебиеті тарихының мәселелері және Абай поэзиясының тілі, 2 т., Абайдың өмірі мен творчествосы. Алматы, 1960; А. Нұрқатов. Абайдың ақып-

дени делаются первые попытки обобщения этих вопросов в некоторых трудах²⁶.

Наряду с использованием названных выше литературных материалов, введением в научный оборот уникальных записей М. О. Ауэзова, воспоминаний современников Абая нами также привлечено большое количество неопубликованных исторических источников, почерпнутых из фондов центральных и местных архивов СССР.

Большой интерес представляет в сопоставлении с воспоминаниями современников впервые исследуемое и публикуемое нами объемистое следственное дело отца Абая Кунанбая Ускенбаева, обнаруженное в Омском областном архиве академиком АН Казахской ССР А. Х. Маргуланом.

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, архиве Октябрьской революции, Военно-историческом архиве в Москве, Государственном историческом архиве Казахской ССР и Омском областном архиве нами было выявлено большое количество новых источников, связанных с эпохой Абая, именами русских политических ссыльных — друзей Абая, участвовавших в различных этапах революционно-демократического движения в России, их деятельностью в Казахстане во время административной ссылки. При этом наиболее важное значение для на-

дық дәстүрі. Алматы, 1966; Э. Жиреншин. Абай және орыстың ұлы революцияшыл демократтары. Алматы, 1959; Дербиселин Әнуар. Қазақтың Октябрь алдындағы демократияшыл әдебиеті. Алматы, 1966; Б. Кенжебаев. Қазақ халқының ХХ ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1968; Х. Сүйіншәлиев. Абайдың қара сөздері. Алматы, 1956; М. С. Сильченко. Абай. Очерк жизни и творчества. Алма-Ата, 1945; его же. Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957; З. Ахметов. Лермонтов и Абай. Алма-Ата, 1954; «Жизнь и творчество Абая». Сб. статей под ред. М. Ахинжанова и З. Ахметова. Алма-Ата, 1954; К. Бейсембиев. Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1957; И. Дюсенбаев. Проблемы изучения истории казахской литературы дореволюционного периода (XVIII, XIX и начало XX вв.). Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1966, и др.

²⁶ «Современность исторических романов». В кн.: Ш. Елеукинов. Казахский роман и современность. Алма-Ата, 1967; З. Сериккалиев. Некоторые вопросы современного казахского исторического романа. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969.

стоящей работы имели материалы из следующих архивных фондов: Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде (ЦГИА СССР), ф. 1405 — Министерство юстиции, ф. 1282 — Канцелярия министра; Центрального государственного военно-исторического архива СССР в Москве (ЦГВИА СССР), ф. 400 — Главный штаб, ф. 310 — Михайловская артиллерийская академия и училище; архива Артиллерийского исторического музея в Ленинграде, ф. ГАУ, I отдел; Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР в Москве (ЦГАОР СССР), ф. 102 — Департамент полиции, ф. 109 — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии (I экспедиция); Центрального государственного архива Казахской ССР (ЦГА КазССР), ф. 15 — Семипалатинское областное правление, ф. 64 — Канцелярия степного генерал-губернатора, ф. 369 — Акмолинское областное правление; Государственного архива Омской области в Омске (ГАОО), ф. 3 — Главное управление Западной Сибири, ф. 86 — Западно-Сибирский отдел Российского географического общества (ЗОРГО); архива Литературно-мемориального музея М. О. Ауэзова (Архив ЛММА) и др.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОПЕЕ «ПУТЬ АБАЯ»

«Исторический роман есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством, есть дополнение истории, ее другая сторона»¹, — писал В. Г. Белинский, раскрывая основную особенность исторического романа, художественно отражающего историческую правду.

Один из крупнейших мастеров советского исторического романа Степан Злобин вносит в это глубоко верное определение существенное дополнение с позиций нашего времени:

«Поскольку подлинная историческая наука зарождается лишь от Маркса и переживает свой расцвет именно в наше время, когда марксистско-ленинская философия стала господствующей и исторический материализм, как часть ее, является основой исторической науки — именно в наше время исторический роман является в особенности той «точкой», в которой сливаются искусство и наука»².

Следовательно, одним из важных критериев при анализе исторического романа является его историзм, т. е. образное конкретно-историческое воспроизведение эпохи, связанное с глубоким проникновением в сущ-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 41.

² Ст. Злобин. О моей работе над историческим романом. В сб.: «Советская литература и вопросы мастерства». М., 1957, вып. 1, стр. 146.

ность общественных отношений, умение раскрыть прошлое с подлинно научной обоснованностью, достоверностью и объективностью.

Таким образом, одним из принципиальных отличий советских исторических романов в сравнении с буржуазной исторической беллетристикой является то обстоятельство, что при разработке исторической тематики советские писатели исходят из данных марксистской исторической науки.

Марксистско-ленинское мировоззрение, вооружив советских писателей подлинно научным пониманием сущности исторического процесса, открыло им широкие возможности для воссоздания художественными средствами этого процесса во всей его сложности и многообразии.

Более глубокое понимание исторической правды, а следовательно, и более верное ее художественное воспроизведение с позиций теории научного коммунизма, которая помогает писателю осмыслить ведущие закономерности развития исследуемой эпохи, определяют идейные концепции и новаторскую сущность советского исторического романа.

Другим более важным качественным завоеванием советского исторического романа наряду с углублением историзма явилось стремление к изображению прошлого в революционном развитии, в борьбе прогрессивных и реакционных сил, воспроизведение героических страниц истории, воссоздание образов прогрессивных деятелей прошлого.

М. О. Ауэзов, подобно большинству советских писателей, обращавшихся к историческому жанру, изучая изображаемую эпоху как художник, вместе с тем стремился с самой высокой научной тщательностью как историк-марксист собирать и исследовать связанные с ней материалы.

Изучение эпопеи «Путь Абая» в таком аспекте показывает, что автором была проделана огромная работа, определившая безусловное научно-познавательное значение этого произведения, явившегося для самого взыскательного советского читателя серьезным источником изучения прошлого Казахстана, воссозданного при всей исторической достоверности в ярких художественных образах.

Абай (Ибрагим) Кунанбаев.

Литературная критика, многократно обращавшаяся к анализу эпопеи М. О. Ауэзова, единодушно отмечала наличие и творческое развитие автором названных выше важнейших черт, присущих лучшим советским историческим романам.

Нам же представляется исключительно интересным и поучительным в первой главе монографии провести подробный анализ эпопеи с точки зрения ее исто-

рической достоверности и научно-познавательного значения для изучения истории Казахстана второй половины XIX века, раскрывая тем самым и особенности историзма «Пути Абая».

Главной отличительной чертой эпопеи М. О. Ауэзова, как обнаруживает исследование, является то, что это произведение базируется на глубоком проникновении автора в сущность социально-экономических отношений казахского общества второй половины XIX века, стремлении к обоснованию многих явлений подлинными историческими документами.

Вполне закономерно поэтому, что жизнь и деятельность классика казахской литературы Абая Кунанбаева, показанная в тесной связи с жизнью и историей народа, дана на фоне социального строя казахского общества.

С первых же страниц романа со всей полнотой представлены два антагонистических класса: феодалов в виде различных категорий феодально-родовой знати и феодально-зависимых крестьян — шаруа.

Хронологически начало эпопеи относится к середине XIX века, когда в Среднем жузе была ликвидирована ханская власть, а вместе с ней произошло ущемление прав прежней правящей верхушки — султанов, считавшихся потомками Чингис-хана.

По новому административному устройству территория Среднего жуза, где происходит действие романа, делилась на округа, во главе их стояли ага-султаны, должность которых была выборной, а не наследственной, как раньше. Избирались они из феодально-родовой знати, поднявшейся в отличие от султанов, принадлежавших к так называемой «белой кости» — чингизидам, из самих кочевых казахских общин.

В рассматриваемое время наиболее влиятельную господствующую верхушку в составе феодально-родовой знати представляли бии, стоявшие во главе родов и его колен и называемые нередко в русских источниках родовыми старейшинами.

Экономическое господство, судебные функции поставили биев в привилегированное положение в подвластных им родах, которое обеспечило им возможность распоряжения землей и подняло их политическую роль в делах родовых коллективов.

Эпопея «Путь Абая» дает возможность наглядно представить себе роль и значение господствующей верхушки феодально-родовой знати — наиболее влиятельных биев племени тобыкты: Куанбая, представлявшего род иргизбай; Божея, влиятельного бия рода жигитек; Байсала, возглавлявшего крупный род котибак; Суюндика, стоявшего во главе рода бокенши, более бедного и малочисленного по сравнению с другими родами тобыкты; Каратая, главы рода кокше; Кулишака — рода торгай.

В руках этих представителей феодально-родовой знати «судьбы тысяч семей племени тобыкты, вся сложная паутина родовых и племенных дел, вся бесконечная путаница отношений, все узлы, все связи, все ходы...»³.

«Хотя тобыкты состоит из множества родов и кланов, ключи всех дел в руках только тех пяти-шести, аксакалы которых собраны здесь. По ним равняются все, и все прислушиваются к их голосу. Они и верховодят в тобыкты»⁴. Поэтому «все, что сделают, скажут или решат сидящие здесь старейшины, будет бесспорно и безоговорочно принято остальными — и старыми, и малыми, и умудренными опытом аксакалами, и зрелыми мужами»⁵. Это подтверждается с первых же страниц эпопеи: на совете старейшин племени тобыкты было вынесено и вскоре приведено в исполнение жестокое и несправедливое решение о казни Кодара, хотя у рядовых членов родовых объединений не было уверенности в его виновности.

Небезынтересно отметить, что названные бии родов тобыкты, как, впрочем, и подавляющее большинство других персонажей романа, — подлинные исторические личности. Их борьба с Куанбаем за власть в племени тобыкты нашла свое отражение в архивных источниках в виде многочисленных жалоб русской администрации на Куанбая, старшего султана Каркаралинского округа.

Насколько велика была в это время политическая роль отдельных наиболее влиятельных биев, убедил-

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 1. М., 1958, стр. 55.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 56.

тельно свидетельствуют следующие размышления Кунанбая: «Алшинбай — самый влиятельный бий во всем Каркаралы. К нему идут целые племена за разрешением тяжб и ссор... А, кроме того, ведь лишился же своего ага-султанства тюре Кусбек, не поладив с ним!»⁶

Эпопея дает основание сделать вывод, что биями могли быть лишь представители феодально-родовой знати, зачастую их власть передавалась по наследству в рамках рода. Достаточно сказать, что предком Божея был бий рода жигитек Кенгирбай, а предком Кунанбая — бий Иргизбай, родоначальник иргизбаев. После смерти Божея «во главе рода (жигитек.—Л. А.) стояло теперь новое поколение: сыновья Божея Жабай и Адиль...».

Вместе с тем уже в середине XIX века наряду с биями важную роль в экономической и политической жизни играют баи, крупные скотовладельцы, нередко включавшиеся в выгодные торгово-ростовщические операции. Так, например, стоявший во главе рода бокенши «Сугир, владелец многотысячных табунов пегих коней, в короткое время сделался одним из влиятельнейших крупных баев. Он сумел разбогатеть на своих косяках, выгодно отдавая их в пользование соседям, и про него говорили, что стоит ему увидеть всадника на холеной пегой лошади, как он озабоченно спрашивал: «Не мой ли конь под этим человеком?»⁷.

В эпопее «Путь Абая» изображена и другая влиятельная часть эксплуататорской верхушки казахского общества — так называемые аткаминеры.

✓ Автор воспроизводит один из съездов аткаминеров Чингизской волости, происходивший на зимовке Оспана в Жидебае в 1888 г., куда съехалось около сотни представителей казахской плутократии того времени. Аткаминеры представлены здесь М. О. Ауэзовым как новое социальное явление, связанное с колониальным аппаратом управления степью. Это прежде всего волостные управители, судьи, аульные старшины, переводчики, елюбасы (пятидесятники) и прочие родовые воротилы, которые благодаря своему экономическому

⁶ Там же, стр. 145.

⁷ Там же, стр. 484.

господству и обладанию административной властью оказывали решающее влияние на политическую жизнь племени.

Особую роль в этом отношении играли, в частности, елюбасы — выборщики от 50 семейств, непосредственно участвовавшие в выборах волостных управителей. Причем в число выборщиков попадали лишь аткаминеры — влиятельные и богатые лица.

В романе нашла верное отражение обстановка подкупа, обещаний и даже угроз, которые применяли различные группы господствующего класса для избрания на должности волостных одних претендентов и провала других. Характерным примером может служить история поражения на выборах Оспана Кунанбаева. Оспану покровительствовал сам уездный начальник Казанцев, однако волостным избрали представителя рода бокенши Кунту, для чего был составлен тайный сговор воротил семи крупных родов, которым удалось на этот раз вырвать власть у иргизбаев, сумев привлечь на свою сторону выборщиков — елюбасов. Заговорщики правильно рассчитали, что «именно этих людей, и только этих людей, которые буквально держат в своих руках судьбы будущего избранника, следовало привлечь на свою сторону»⁸. Подкупленные выборщики опустили шары за Кунту.

Классу феодалов противостояло феодально-зависимое крестьянство — шаруа, которое вело свое хозяйство, основанное на личном труде, в составе аульных общин. Именно середняцкие и бедняцкие хозяйства составляли большинство хозяйств рода. В этом можно убедиться, обратившись к описанию в романе бедных родов бокенши и борсак, где своим достатком выделялись лишь три аула: Суюндика, Жексена, Сугира — родовых старейшин. Перекочевка этих родов на зимние пастбища сразу показывала, что основная масса общинников — бедняки; верховых было совсем мало, на конях ехали лишь погонщики скота. «Все остальные — дети, старики, старухи — сидели на вьючных верблюдах. Было похоже, что эти аулы уже отослали табуны на зимнее пастбище, оставив лишь необходи-

⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 48.

мых на зиму лошадей... Но отсутствие коней объяснялось другим — бедностью этих двух родов»⁹.

Картины социальной дифференциации казахского общества, особенно обострившейся в последней четверти XIX века, проходят через всю эпопею. Углубление имущественного неравенства вело к резкому разделению членов рода на богатых и бедных. Писатель рядом с изображением хозяйств феодально-родовой знати показывает хозяйства бедняков, владевших ничтожным количеством скота, в лучшем случае достаточным лишь для прожиточного минимума, но часто не отвечающим и ему.

Например, во время длительного снежного бурана, когда у бедняков, не имевших доступа к удобным, богатым кормами пастбищам, скот погибал от бескормицы, Абай поручает Даркембаю перегнать их стада на урочища иргизбаев Мусакул и Жидебай.

«Он (Даркембай.— Л. А.) мчался с поручением Абая ко всей безземельной бедноте родов карабатыр, торгай, борсак и жуантаяк. Он объезжал тех, кто имел скудное хозяйство, не больше 30—40 голов овец, и не пропустил ни одного бедняка вблизи богатых урочищ Мусакул и Жидебай»¹⁰.

Бедственное положение рядовых общинников, которые пытаются вести самостоятельное хозяйство, отражено и в горьких раздумьях Абая: «Ведь большинство хозяйств владеет лишь двумя-тремя десятками овец и тремя, много четырьмя головами крупного рогатого скота. И этот скот должен пропитать своих владельцев в течение круглого года: он служит тягловой силой, его бьют на котел, продают на нужды хозяйства, он дает одежду и покрывает все расходы домашнего очага. Даже когда этот скот и не терпит урона — какое убожество и скудость!»¹¹

Среди многих описаний социальных контрастов в эпопее особенно выделяется картина раскинувшегося на жайляу аула Кунанбая: «Белые просторные юрты большого аула занимают весь правый край широкого луга, в стороне от овечьего загона с его запахами и шумом. На левом, возле загона, раскинуты одни серые

⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 100.

¹⁰ Там же, стр. 318.

¹¹ Там же, стр. 320.

юрты, ветхие, рваные шатры, темные, закопченные палатки и маленькие шалаши. Здесь живут соседи-бедняки, обслуживающие огромную семью Кунанбая, старики чабаны, мальчишки-подпаски, доярки, табунщики, пастухи»¹².

Или в другом случае. На жайляу урочища Коль-Кайнар собрались более десяти аулов иргизбаев и аулы родов карабатыр, анет, торгай и топай, тесно сгрудившиеся на равнине. «Теперь особенно резко бросались в глаза стоящие на краю каждого черные, дырявые юрты, а порой и просто шалаши бедняков. Жайляу как бы нарочно выставило их напоказ. Даже при первом взгляде на эти нищие юрты легко было понять, какой тяжелой нуждой придавлено к земле большинство семей каждого аула»¹³.

Как известно, в буржуазной историографии Казахстана крайне скупо представлены сведения о классовой дифференциации казахского аула. Материалы романа, с большой художественной достоверностью воссоздавая жизнь аула с ее глубоким имущественным неравенством, в известном смысле восполняют этот пробел, наглядно представляя, на какой основе возникали отношения господства и подчинения, жестокой эксплуатации народа.

Вместе с тем по эпопее можно проследить, как углубляясь имущественное неравенство трудового крестьянства — шаруа, как по мере усиления социальной дифференциации казахского общества из его среды выделялись новые категории феодально-зависимых крестьян и соответственно возникали новые формы патриархально-феодальной эксплуатации (последние будут рассмотрены ниже).

Таким образом, уже с первых страниц романа перед читателем проходят все социальные слои казахского общества, что дает возможность воспроизвести исторический облик народа в целом, составить представление о взаимоотношениях его классов.

Эпопея «Путь Абая» содержит исключительно интересный, глубоко достоверный материал, характеризующий основную особенность казахского феодализ-

¹² Там же, стр. 444—445.

¹³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 156.

ма — живучесть пережитков патриархально-родового строя, которые «пронизывали феодальные отношения, придавая им своеобразную форму»¹⁴.

Широкая эрудиция в области этнографии казахов, основанная отчасти и на жизненных наблюдениях, дала возможность автору исторически конкретно отобразить родоплеменную структуру казахского общества, прежде всего на примере племени тобыкты, его общественной, экономической и политической жизни.

По авторским примечаниям к роману, «тобыкты — многочисленное племя казахов Среднего жуза, населявшее юг нынешней Семипалатинской области — всю территорию Чингизского хребта и степи к северу от него. Соседями тобыкты были племена: на юге — керей, на западе — каракесек, на севере — уак, на востоке — сыбан.

Племя тобыкты разделялось на несколько родов, из которых в романе действуют иргизбай, жигитеки, бокенши, торгаи, топай, карабатыры, кокше и др. Абай происходил из рода иргизбай»¹⁵.

На многих сторонах жизни племени тобыкты, воспроизведенной в эпосе, можно видеть, что каждый род имел обособленные районы сезонных пастбищ, строго определенные районы кочевых путей. Это единство территории помимо представлений о кровнородственной связи (происхождения от одного предка) и служило основой для экономического и политического объединения рода, которое поддерживалось господством патриархально-родовых пережитков в идеологии.

Так, например, род иргизбай происходил от деда Кунанбая Иргизбая, аулы жигитеков были связаны между собой общим предком — Кенгирбаем и т. д. Это давало основание всем членам рода считать себя сородичами, родственниками, создавая тем самым необхо-

¹⁴ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 143.

¹⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 36, прим. автора.

Примечание. По принятой советскими этнографами классификации родоплеменной структуры казахов XIX века *тобыкты* является крупным родом, входящим в племя аргын, и имеет отдельные подроды: иргизбай, жигитек, бокенши, торгай, кокше и др. (См.: В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968). В работе для удобства исследования сохраняется классификация, принятая М. О. Ауэзовым.

димые условия для длительного господства патриархально-феодалных форм эксплуатации под видом оказания «помощи» обедневшим сородичам.

В целом же родоплеменной строй казахского общества предстает в романе как уже давно сложившееся классовое общество, где отдельные традиции родового быта сохранялись лишь как внешняя форма, в корне противоположная внутреннему содержанию производственных отношений общества, строившихся на фактическом монопольном праве феодалов распоряжаться пастбищами, на глубокой имущественной, а следовательно, и социальной дифференциации.

В казахском обществе середины XIX века и позднее, вплоть до начала XX века, сохранялись лишь те нормы патриархально-родового строя, которые, как будет показано на материалах романа, были выгодны господствующему классу для эксплуатации трудового крестьянства.

Именно эти стороны родового быта консервировались и приспособивались для служения господствующему классу феодалов, а следовательно, и вся родовая идеология фактически представляла собой, хотя и в несколько завуалированной форме, часть идеологической надстройки казахского феодального общества.

Например, патриархально-родовые устои в идеологии находили свое проявление в почитании родовых старейшин. Так, не только справедливостью и добротой старой Зере — матери Кунанбая, но и этой традицией объясняется уважение, с каким относился народ к мудрой родоначальнице рода иргизбай, Большую юрту которой почитали все тобыктинцы¹⁶. Недаром Божей после примирения с Кунанбаем, придя в дом к Зере, называет ее «нашей матерью», т. е. матерью племени.

Свой родовой старейшина был в каждом ауле, где всегда выделялась принадлежащая ему Большая юрта. «В самом центре аулов поднялась восьмистворчатая Большая юрта Улжан. Едва закончилась ее установка, как во всех остальных аулах стали появляться свои Большие юрты»¹⁷.

¹⁶ Там же, стр. 195.

¹⁷ Там же, стр. 511.

Однако такое почитание матери рода или умудренного опытом аксакала в середине XIX века было уже отживающей традицией, уходящей в прошлое, как уходит она из рода иргизбай со смертью Зере.

Традиции былого почитания родовых старейшин в рассматриваемое время старались использовать для усиления своей власти родовые воротилы, назначаемые царской администрацией на должности старших султанов или волостных управителей, и прочие аткаминеры. Это особенно видно на примере Кунанбая, который возглавляя самый сильный род и обладая властью старшего султана, фактически стал главой всего племени тобыкты.

«Кунанбай — единственный сын своей матери Зере, старшей жены его отца. Большая юрта рода осталась за ним; он владеет огромными богатствами, пользуется неограниченной властью. Он старше своих родных и по возрасту. И поэтому ни один из потомков его деда Иргизбая не смеет поднять против него голос, во всех 20 аулах никто не решается даже высказать ему свое недовольство. И если Кунанбаю нужна поддержка, никто не щадит себя; его покоряющая сила, его властный голос и неудержимая воля заставляют всех следовать за ним. Предстоял ли захват чужих земель, или подавление непокорных родов — каждый из старейшин понимал Кунанбая по одному едва заметному движению его век»¹⁸.

Следовательно, внутри своего рода иргизбай авторитет Кунанбая непререкаем. Он дает указание, чтобы аулы готовились к перекочевке, объясняет «старейшинам 20 аулов, до какого лога они должны следовать, где им остановиться и как ставить юрты. Это не было ни беседой, ни совещанием, — слова Кунанбая звучали продуманным приказом»¹⁹.

Такой пережиток патриархально-родового быта, как порядок родового старшинства, также широко использовался сильными родами в экономических и политических вопросах жизни рода, что находило выражение, например, в безоговорочном принятии решений сильных родов более слабыми. Как уже отмечалось, из

¹⁸ Там же, стр. 98.

¹⁹ Там же, стр. 100.

многочисленных родов племени тобыкты лишь родовые старейшины пяти-шести наиболее влиятельных родов решают все вопросы жизни племени. «По ним равняются все, и все прислушиваются к их голосу. Они и верховодят в тобыкты»²⁰.

Порядок родового старшинства особенно наглядно проявлялся в правилах перекочевки. Так, Кунанбай, собрав старейшин родов, дает указание, когда и как начинать кочевку, поскольку все роды, входившие в состав племени тобыкты, будучи связанными определенным территориальным единством, кочевали одновременно. Поэтому, когда Кунанбай, намереваясь захватить зимние пастбища рода бокенши, дает указание 20 аулам иргизбаев выступать одним, раньше положенного времени, и не известив остальные роды, его распоряжение воспринимается как грубое нарушение правил кочевки близко связанных между собой родов. Старейшина бокенши Суюндик с возмущением говорит о Кунанбае: «Пусть скажет, по каким обычаям, по каким законам бросил всех и ушел один»²¹.

Не менее сильным пережитком родового строя было сохранение крепких родоплеменных связей в быту и общественной жизни. Так, на межродовых съездах, показанных в романе, строго соблюдалось родовое старшинство. Кроме того, на этих съездах все члены одного рода выступали совместно, так как чаще всего съезды собирались для разрешения конфликтов между родами.

Пережитки патриархально-родового строя и более тесных родоплеменных связей проявлялись в целом ряде семейных и бытовых обрядов: поминках, в которых принимали участие представители рода, свадьбах, праздновании рождения ребенка.

Например, сородичи принимают на себя все хлопоты на похоронах Божея; уславливаются, сколько скота даст каждый аул иргизбаев на поминки младшего брата Абая Оспана.

В силу традиций патриархально-родового строя всех сородичей обязательно приглашали на похороны. На похоронах Божея обойден был лишь Кунанбай, что

²⁰ Там же, стр. 55.

²¹ Там же, стр. 100.

считалось неслыханным оскорблением, тем более, что «не только из близких родичей, но и из самых отдаленных аулов всего многочисленного тобыкты никто, кроме него, обойден не был»²². Такое нарушение родовых традиций, вызванное феодально-родовой враждой, было настолько необычно, что запечатлелось в памяти народа.

Беседуя со стариками, младшими современниками Абая, хорошо сохранившими в своей памяти рассказы старшего поколения о событиях прошлого, М. О. Ауэзов записал эпизод, относящийся к посещению Кунанбаем траурной юрты Божея, где он был публично осужден дочерьми покойного в поминальном плаче. Как известно, этот факт писатель художественно воссоздал в первой книге эпопеи.

Приведем отрывок из записей М. О. Ауэзова, в котором говорится, что поводом для обострения новой вражды Кунанбая с Божеем явилась смерть дочери Кунанбая Камшат, отданной на воспитание в семью недавнего врага — Божея — в знак примирения.

Божей мен Құнанбайға: — Та-тулас,— дейді ағайын.— Екеуің кісі алыс,— дейді. Құнанбай, Ысмағұлмен туысқан қызды асырауға Божейге береді. Ол қыз өледі. Жаман асырап өлтірді деседі екен²³.

«Помиритесь», — советуют старейшины Кунанбаю и Божею. Говорят: «Обменяйтесь детьми». Кунанбай дает на воспитание девочку, сестру Смагула. Эта девочка умирает. «Она погублена плохим уходом», — говорили люди.

Далее также следует точное совпадение сути этой записи с соответствующим текстом эпопеи, когда Кунанбай после смерти Божея приезжает выразить соболезнование и выслушивает карающий его плач дочерей умершего.

²² Там же, стр. 207—208.

²³ Архив ЛММА, папка № 29, л. 171 об.

В записи М. О. Ауэзова:

Шұбарлығың жыландай
Жүйріктігің құландай.
Арғы атаң Ырғызбай,
Жаулығың сенің қырғыздай.
Айыпқа бердің бір қызды-ай²⁴.

Подстрочный перевод:

С змеиной пестротой,
Дикой лошади быстротой,
Предок твой Иргизбай,
Враждебность твоя, как у киргиза,
Ты за свою вину дал девочку.

В эпосе «Путь Абая»:

Кунанбай, ты врагом нам стал,
За обиду дитя нам дал.
Кунанбаем зовется враг,
Как кулана, дик его шаг,
Как змея, он пестр и лукав...

В записи М. О. Ауэзова:

Сонда Сарыапаң деген тоғалақ Сары-
баймен туысқан қыз Құнанбай кісісі
ана жатқан отырып қоя береді²⁵.
Мынау да қарлар не дейді
Жақсыдан жаман көбейді.
Жақсының қалған сарқыты еді
Ұрлап та көмдің Бежейді».

Подстрочный перевод:

И тогда женщина по имени Сары-апа,
сестра Сарыбая, из рода тоголак, при-
верженная Кунанбая, пропела в ответ:
«Что говорят эти бесстыжие?
Плохих людей стало больше, чем хоро-
ших. Последнего потомка достойных —
Божея — похоронили тайком».

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

В эпосе «Путь Абая»:

Сары-апа... с недовольным видом вышла на середину юрты... и затянула громкую песню. Она начала с восхваления Божея и долго оплакивала его смерть. А в конце добавила:
«Эй, вы, девушки, где ваш стыд?
Мир не добрых, а злых плодит!
Иль Божей не был чтим кругом,
Чтоб его хоронить тайком?»

Таким образом, в первом случае из пяти строк плача три совпадают с текстом эпоса дословно, в ответном слове — три из четырех.

Используя эти строки, относящиеся к исторически достоверному факту, в несколько переработанном виде, автор создал в эпосе яркую сцену оплакивания Божея со всеми присущими ей атрибутами, додумал сложные психологические переживания Абая, Кунанбая и других персонажей, дал в этом эпизоде художественно убедительную мотивировку их поступков, обусловленных принадлежностью к различным враждующим группам феодальной среды.

В романе подробно описан ас²⁶ Божея, на который приехало несколько тысяч человек, представлятельствовало все племя тобыкты. Причем юрты со всей утварью и угощением, необходимые для приема гостей, выставались представителями нескольких родов, находившихся в близкой родственной связи с умершим.

Родоплеменные связи проявлялись и в праздновании свадьбы, рождения ребенка. Так, на свадьбу Умитай прибыли гости из родов иргизбай, анет, жигитек, мамы и из рода кокше, сосватавшего ее.

Вместе с тем в эпосе убедительно показано, как легко попирались представления о родственной помощи, когда они были не выгодны феодалам.

Например, народ упрекал Жексена: «Кодар в близком родстве с ним, Кодар болен, потерял сына, осиротел, что стоит Жексену оказать ему посильную помощь?» Однако, чтобы не идти на затраты, связан-

²⁶ Ас — годовые поминки по умершему.

ные с помощью обедневшему сородичу, Жексен оклеветал его. Кодар был казнен.

{ Во второй книге романа, где показаны обострение классовой борьбы и рост классового самосознания аульной бедноты (последняя четверть XIX века), писатель отобразил и все более усиливающееся разрушение патриархально-родовых представлений. Семь обедневших аулов рода жигитек, поддерживавших свое хозяйство сенокосением (чтобы брать скот на прокорм в зимнее время), жалуются Абаю на притеснения Азимбая, силой отбирающего у них сено: «Разве Азимбай не единоплеменник наш? А он хуже самого лютого врага! Живое тело народа клюет, рвет на части клыками! Топчет нас, грабит каждый год, каждый день!»²⁷

Родовые связи играли серьезную роль в случае войны, а чаще в феодальных междоусобицах. Кунанбай, готовясь совершить нападение на аул Божея, собирает вооруженных людей не только из числа сородичей в 20 аулах, но и из родов, наиболее дружественных иргизбаям.

Во время военных действий или барымты сородичей объединял родовой уран — боевой клич, имя общего предка, с которым, как с лозунгом, они бросались в бой. Так, иргизбаевцы, возглавляемые Кунанбаем, с криком «Иргизбай», «Олжай» (имена предков рода иргизбай) бросаются на противника в Мусакульской битве.

С другой стороны, Байсал, старейшина котибак, оскорбившись за Божея, которого Кунанбай подверг избиению, и решив отложиться от Кунанбая, поскакал прочь с криком «Котибак! Котибак! За мной, котибак!» — выкрикнул он родовой клич, и все котибак дрогнули от этого призыва. Большой толпой они отделились от Кунанбая и перешли на сторону жигитеков» (т. е. Божея)²⁸.

Родовой уран, мобилизуя народ на феодальные междоусобицы, безусловно, играл отрицательную роль, как и многие другие пережитки патриархально-родового быта. Последние особенно устойчиво сохранялись в области семейных отношений, где глава патриархальной полигамной семьи неограниченно господствовал над

²⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 19.

²⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 124.

женами и детьми. Так, например, страх перед Кунанбаем в семье настолько велик, что даже его младшая жена, красавица Айгыз, трепещет перед ним. С Кунанбаем осмеливается разговаривать, когда он неожиданно вошел в юрту, где сидели женщины, лишь Тан-Шолпан, одна из жен его отца, старше которой лишь Зере, родная мать Кунанбая. Глава патриархальной семьи один был полновластным хозяином ее имущества, единственным распорядителем его. Абай, например, вынужден был просить разрешения Кунанбая выделить скот и средства на ас Божея: «Позвольте мне и моим матерям израсходовать нужное количество скота и средств...»²⁹

С патриархально-родовым бытом связан был и обычай сопровождать главу рода свитой, состоящей из представителей родовой верхушки, нукеров-охранников, слуг. Особенно пышной была свита Кунанбая, у него кроме перечисленных лиц были даже телохранители черкесы.

Пережитком родо-племенных традиций была и ответственность рода в целом за преступление сородича, которая выгодно использовалась господствующей феодальной верхушкой для защиты своих классовых интересов.

Так, после уничтожения табуна Такежана во время набега возмущившейся бедноты под руководством Базаралы весь род жигитек был признан ответчиком и вынужден был возместить урон.

В середине XIX века еще применялась, согласно законам шариата, смертная казнь за преступления, грозившие моральным устоям общества. Этим и воспользовался движимый корыстными побуждениями Кунанбай. Его давно обуревало желание захватить зимовку Кодара. Эксплуатируя пережитки патриархально-родовой идеологии, он подготовил обвинительный акт Кодару: «Если гнусность негодяя Кодара заставила меня краснеть перед другими родами, то в нашем племени этот позор для всех, кто собрался здесь!»

Оклеветанный Кодар был казнен. Сила родовых традиций сослужила службу феодалу.

История Кодара и другие события введены

²⁹ Там же, стр. 282.

М. О. Ауэзовым в роман для того, чтобы в классовых противоречиях эпохи раскрыть ее социальный смысл.

Очень сильно показана в эпопее живучесть в сознании народа пережитков патриархально-родовой идеологии. Например, уход из своего рода в другой считался позорным поступком. Даже такой духовно близкий Абаю человек, как Ербол, упрекает Даркембая в том, что он покинул свой род и поселился в ауле жатаков, выходцев из разных родов. Этим пережитком широко пользовались феодалы в борьбе против перехода обедневших сородичей к земледелию и оседлости.

Патриархально-родовые пережитки тормозили и развитие классовой борьбы в ауле. В эпопее много внимания уделено изображению феодально-родовых распрей и в соответствии с правдой эпохи показано, как господство патриархально-родовой идеологии сдерживало формирование классового самосознания трудящихся, как ловко, пользуясь ею, феодалам удавалось подменять защиту классовых интересов борьбой «за интересы рода», от которой выигрывала лишь родовая знать. «Сохранение пережитков родового быта в экономической и культурной жизни казахского общества определило общую отсталость патриархально-феодального строя казахов и явилось сильнейшим тормозом на пути его дальнейшего развития»³⁰, — отмечал Е. Б. Бекмаханов.

Из эпопеи «Путь Абая» можно почерпнуть сведения о кочевом образе жизни казахов. Казахи скотоводы кочевали аулами, что было связано с сезонным характером пользования пастбищами при пастбищно-кочевом скотоводстве. В эпопее говорится о кочевании аула Суюндика, 20 аулов рода иргизбай, аула Уразбая, Сугира и др. Кочевой аул представлял собой также пережиток патриархально-родового строя — пастбищно-кочевую общину, основу которой формально составляло общинное землепользование определенными пастбищами, где, как у всякой территориально соседской общины, имела место частная собственность на скот, что уже предполагало неравномерное пользование пастбищами. Собственность на землю формально выступала

³⁰ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 67.

как собственность общины, фактически же представляла не что иное, как монопольное право феодалов распоряжаться общинной землей.

Таким образом, общины были составной частью рода, его отделений. Летом родственные общины объединялись для кочевки, образуя большой кочевой коллектив. М. О. Ауэзов неоднократно изображает эти караваны аулов, двигавшиеся по ущельям и тянувшиеся по степи на сезонные пастбища.

Во времени Абая уже давно отошло представление, что во главе общины должен стоять один из самых мудрых и старших общинников. Решающим признаком, дававшим право быть главой общины, подразделения рода и пр., были богатство и сила. Глава общины определял сроки и места перекочевков, разбирал внутренние споры, занимался раскладкой податей, представляя свою общину на собраниях старейшин рода.

Страшные картины народной нищеты, зависимости обедневших сородичей от феодала, главы общины, нарисованные в романе (например, аул Такежана с его классовыми контрастами), показывают, что, несмотря на сохранение отдельных родовых традиций, аульная община представляла собой лишь внешнюю оболочку патриархально-родового института, давно переродившись в общество, где господствовали антагонистические классовые противоречия.

Основу аульной общины непременно составляла группа семей, находившихся в кровном родстве друг с другом, что, собственно, и дает основание говорить о ее патриархально-родовом строении. Но общины, как правило, обрастали дальними родственниками (родство нередко было фиктивным), выходцами из других родов, которые подвергались различным формам патриархально-феодальной эксплуатации и зависимости.

Вместе с тем байские хозяйства, хотя и входили в состав общины, нередко кочевали отдельно, захватив в свое монопольное пользование лучшие пастбища общины; с ними же кочевали обслуживающие их бедняки.

Таким образом, в общину входили различные в имущественном отношении группы: бай, середняки, бедняки. Это имущественное и социальное неравенство обусловило и неравномерное пользование землей, что практически давало возможность баю, обладающему

огромными табунами, пользоваться по своему усмотрению лучшей частью общинных земель.

Эпопея «Путь Абая» содержит много ценных наблюдений автора из области казахского обычного права. Интересно отметить, что один из видных исследователей дореволюционного казахского права Т. М. Культелеев³¹ обратил внимание на возможность изучения обычного права по материалам эпопеи М. О. Ауэзова, дающей всестороннее освещение правовой жизни казахского общества второй половины XIX века³².

М. О. Ауэзов раскрывает феодальную природу казахского обычного права и одновременно показывает сохранившиеся в нем пережитки патриархально-родового строя. Достаточно назвать такие его нормы, широко описанные в романе, как барымта, калым, многоженство, похищение невесты, суд биев, межплеменные съезды и пр.

Понятие обычного права включало в себя совокупность юридических обычаев, сложившихся у народа в течение длительного времени, известных в юридической литературе под именем адата, а также судебную практику биев, вносивших свои изменения в судопроизводство.

Кроме того, нормы обычного права время от времени пополнялись *эреже*³³, принятыми на тех или иных межплеменных съездах биев для дополнения или изменения отдельных сторон обычного права. Как известно из литературных источников, на Чарском межплеменном съезде биев в 1885 г. в Семипалатинской области присутствовал Абай, также принявший участие в составлении эреже.

Вновь выработанное эреже подписывалось биями, участвовавшими в работе съезда, и было обязательным для данного съезда и последующих судебных разбирательств биев.

В эпопею нашло отражение и такое характерное для второй половины XIX века явление, как сосуще-

³¹ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955.

³² Т. М. Культелеев. Вопросы казахского обычного права в романе Мухтара Ауэзова «Абай». «Вестник АН КазССР», 1950, № 9.

³³ Эреже — правила, положения.

ствование, хотя и не равноценное, различных правовых норм: адата (обычного права), русского права и отдельных норм шариата, главным образом в области семейного права. В отношении последнего достаточно упомянуть, что жестокий приговор (смертная казнь через повешение) Кодару и его невестке был вынесен по положению шариата, беспощадно карающего преступления против нравственности.

На это переплетение обычного права с отдельными нормами шариата и влиянии последнего обратил внимание Т. Культелеев: «Приведенный в романе пример казни невинно осужденного Кодара и Камки якобы за кровосмешение показывает, что ага-султан сразу применил три вида наказания: смерть через повешение, сбрасывание с утеса и разбиение о камни. Для усиления вины Кодара Кунанбай и окружающая его феодальная знать придают «преступлению» Кодара религиозный характер, обвиняя его в том, «что Кодар из мести к богу сошелся со своей снохой»³⁴. Даже заставив родовых старейшин бросать камни в казненного Кодара, Кунанбай также ссылается на нормы шариата, по которым это делают те, кому поручается приведение в исполнение приговора о смертной казни. Ловко приспособив положения шариата к данной ситуации, Кунанбай перекладывает ответственность за убийство Кодара на всех родовых старейшин племени. Не случайно один из них, Каратай, говорит с горькой досадой: «Выходит, в законе — простор для уловок и хитростей. И шариат на руку Кунанбаю». Он первый понял, что Кунанбай перехитрил их.

По «Уставу 1822 г.» все государственные преступления в степи карались нормами русского уголовного права. Так, Базаралы, обвиненный в организации народных волнений, был осужден и сослан на каторгу в Сибирь.

Одновременно уголовные преступления по-прежнему определялись нормами адата. Такое совмещение совершенно чуждых друг другу правовых норм приводило на практике к большим противоречиям. Например, барымта, кровная месть и пр., утверждавшиеся

³⁴ Т. М. Культелеев. Указ. статья, стр. 106.

адатом, по русским законам приравнивались к уголовным преступлениям.

О несоответствии, а нередко и прямой противоположности русского законодательства и казахского обычного права образно говорит Абаю один из персонажей романа адвокат Андреев: «Лошадь шарахается от верблюда, а верблюд сторонится лошади... Мы и в самом деле похожи на них... Однако не только мы с тобой такие. Вот стоит свод законов, а там, — он махнул рукой к окну, — киргизская степь с ее обычным правом. И они так же смотрят друг на друга, ничего не понимая»³⁵.

С дальнейшим усилением колониального гнета некоторые важнейшие положения казахского обычного права постепенно заменялись нормами царского уголовного законодательства, направленными прежде всего на подавление антифеодального и антиколониального протеста народных масс. Крутые репрессии, как показано в эпопее, предпринимались в отношении отдельных выразителей стихийного народного возмущения: их арестовывали, заключали в тюрьму, ссылали на каторгу в Сибирь. Эксплуататорская верхушка казахского общества начинала все шире опираться на царский колониальный аппарат угнетения (карательная деятельность Кунанбая, Такежана и др.).

Из романа видно, что бии, которые, как правило, были старейшинами родов, концентрировали в своих руках и судебную, и административную власть. Лишь тяжбы между крупными родами разбирались ага-султанами при обязательном участии биев-родоначальников. Так, к старшему султану Кунанбаю, находившемуся в Каркаралинске, шли представители разных родов для разрешения спорных вопросов. На обратном пути из города его щедро вознаграждали те, в чью пользу решилось дело.

Должность бия, таким образом, была крупным источником дохода, так как за разбор дел бии получали бийлык — соответствующую плату, не говоря о различных богатых подношениях, имевших, несомненно, характер взятки.

Интересно отметить, что патриархально-феодальные пережитки в обычном праве проявлялись, в част-

³⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 389.

ности, и в том, что тяжущиеся стороны заранее объявляли о своем согласии с решением суда. Последнее восходит к устаревшему представлению о справедливости суда совета старейшин и непререкаемости их авторитета. Однако с течением времени, когда в Казахстане суд стал играть важную роль в экономическом и политическом угнетении трудящихся, о его справедливости и неподкупности биев не могло быть и речи, явным становится пережиточный характер этого выгодного для эксплуататоров положения обычного права.

В эпопею имеется богатый материал о несправедливом суде биев, его продажности.

Вот «... идет, скажем, тяжба между кереем и тобыкты, спорщики сперва обращаются к волостным, а те, передавая дело бию, обиняками дают понять: «Присудишь в пользу того-то — получишь...» А бии — святые что ли, чтобы выносить решение по справедливости? Ну и делаются»³⁶.

Или на межплеменном Балкыбекском съезде, где решался спор между племенами керей и сыбан (тяжба из-за девушки Салихи), среди представителей господствующей верхушки — аткаминеров, старейшин, биев, волостных управителей — разгорелась борьба за право быть избранным главным бием съезда. Корыстные цели участников этой борьбы раскрываются в помыслах брата Кунанбая Майбасара, который также лелеял надежду стать главным бием: «На этом съезде много запутанных крупных дел... к тому, кто будет решать их, все кинутся... Тут большим доходом пахнет! Если бог поможет, косяки и отары домой пригону»³⁷.

Как уже говорилось, спорные вопросы между разными родами разбирались старшим султаном, который также выполнял административные и судебные функции. Например, Кунанбай, будучи старшим султаном, собирает межродовой съезд в аулах жигитеков для разбора жалоб представителей племен керей и уак на взаимные угоны скота.

«Съезд требует больших расходов. На него соберутся истцы, власти и всевозможные сутяги из других племен. Это означает, что в течение целого месяца при-

³⁶ Там же, стр. 696—697.

³⁷ Там же, стр. 717.

дется колоть скот и кормить прожорливых толстых биев днем и вечером»³⁸.

Интересны описания межплеменных съездов. На одном из них, Балкыбекском, были собраны представители 9 волостей Семипалатинского и Каркаралинского уездов для разбора спорных дел между племенами тобыкты и керей, кереями и сыбаном, сыбаном и тобыкты по барымте, набегам, уводу невест и другим жалобам. Причем преобладающее число споров было связано с барымтой — самовольным угоном скота или отобранием иного имущества в ответ на обиду, согласно нормам обычного права. Фактически же в рассматриваемое время барымта нередко имела характер и простого грабежа.

Архивные дела Семипалатинского областного правления второй половины XIX века содержат массу жалоб на угон скота. В тех случаях, когда бывали выявлены похитители, дела решались «по разбирательству биев»³⁹. Среди дел такого рода имеется, например, донесение каркаралинского уездного начальника о том, что «учинен грабег 18 лошадей у киргиза Семипалатинского уезда Чингизской волости Оспана Кунанбаева, кочующего на территории Каркаралинского уезда... В погоню за хищниками были посланы два казака и вооруженные киргизы, которым при захвате грабители оказали вооруженное сопротивление огнестрельным оружием и соилами, с нанесением ран казакам и погонщикам»⁴⁰.

Эпопея «Путь Абая» содержит также интересный материал о скотокрадстве как способе обогащения, распространенном во второй половине XIX века среди казахской феодальной знати. При этом, хотя обычное право карало скотокрадство, писатель показывает, как легко уходили от ответственности богатые и «почетные» лица, содержавшие определенное количество конокрадов, которые и умножали их стада. Достаточно вспомнить, что Такежан, будучи волостным управителем, покровительствует конокрадам, даже выделяет им земли для зимовок.

³⁸ Там же, стр. 113.

³⁹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 103, лл. 22—23.

⁴⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 16932, лл. 1—2.

Насколько широко и безнаказанно родовые воротилы пользовались услугами конокрадов, увеличивавшими их табуны, красноречиво говорит следующий отрывок: «Пользуясь своей властью волостного, он (Оспан.— Л. А.) решил собрать биев, старейшин и елюбасов всей волости на съезд для разбора множества жалоб, поступивших к нему на Уразбая, который, подобно другим богачам и воротилам, создавал свое богатство откровенным грабежом. Конокрады, работавшие на него, за эти годы пригнали ему около тысячи голов от соседних племен: сыбана, уака, керея, буры, каракесека. Все жалобы потерпевших оставались без последствий: ни один волостной не рисковал привлечь Уразбая к ответственности»⁴¹.

Скотокрадство использовалось эксплуататорской верхушкой и в классовой борьбе против рядовых шаруа, жатаков. Так, Такежан поручает конокрадам выкрасть у жатаков 30 голов скота, полученного ими с баев за поправу благодаря заступничеству Абая.

Однако феодальный суд биев жестоко карал бедняков, которые занимались конокрадством из-за материальной нужды или выражали таким образом свой протест против произвола феодально-родовой знати. В романе жесточайшим преследованиям подвергаются Балагаз и Абылгазы, которые, потеряв скот после джута, занялись конокрадством. Они крадут у богатых, помогая своим бедным сородичам. Дело кончилось тем, что Такежан, сам покровительствовавший конокрадам, работавшим на него, будучи волостным управителем, вызвал воинский отряд и после поимки Балагаза и Абылгазы и суда над ними в Семипалатинске добился их ссылки на каторгу в Сибирь.

Таким образом, казахское обычное право, как это видно из эпоеи, полностью было приспособлено для обслуживания и охраны феодального базиса казахского общества и прежде всего феодальной собственности во всех ее видах (пастбища, скот и т. д.).

Барымта была и проявлением феодальной межродовой борьбы.

В архивном деле «О противозаконных поступках старшего султана Кунанбая Ускенбаева» последний

⁴¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 188.

обвиняется в угоне скота у «приверженцев противной ему партии родов кокчинского, кутебаковского и джигитековского, а они, как слышно, решились делать это из необходимости за сделанные у них прежде тоже кражи скота их противниками, за которые они не получили удовлетворения»⁴².

Одним из распространенных видов наказания в системе казахского обычного права был кун. «Смертная казнь и телесные наказания могли быть с согласия потерпевшего или его сородичей заменены по приговору суда куном, т. е. платою за кровь или увечья. Уплатой куна виновник или его родственники освобождались от мести и дальнейшего законного преследования»⁴³.

Кун — выкуп за убийство — мог требовать род, отдельная община. Поэтому старик Даркембай осмеливается от имени жигитеков говорить Кунанбаю перед его отъездом в Мекку о куне за незаконное убийство Кодара. Он бросает Кунанбаю: «Кодар ни в чем не виновен... Но тогда никто не осмелился и заикнуться о куне. Кто поднял бы голос? Была твоя пора — суровая пора».

Как правильно отмечает один из персонажей романа, политический ссыльный Михайлов, недоверие к русскому законодательству, несшему казахскому народу новые формы колониального угнетения, привело к тому, что в степи широкое распространение получили клевета и ложный донос, исходившие обычно от представителей господствующего класса, сумевшего быстро приспособиться к новым условиям.

В романе с жизненной достоверностью (это подтверждается множеством дел из архивов областных правлений и окружных приказов) показано, как пагубно сказывались на судьбах людей клеветнические обвинения враждующих сторон, конкурентов на выборах волостных управителей, аульных старшин и биев.

Если объектом ложных доносов приходилось быть и представителям господствующего класса, тем более

⁴² ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 333.

⁴³ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 183.

они широко применялись в отношении рядовых общинников. В романе показано, как, стремясь избавиться от Базаралы, волостной управитель Такежан добивается путем ложного доноса властям удаления его из общества и последующей ссылки.

Жертвами продуманной клеветы стали бедняк Кудар и его невестка. Они были опорочены богатыми сородичами, стремившимися завладеть их землей на урочище Карапокры.

В условиях патриархально-феодалного быта права женщины были ограничены, не говоря уже о том, что совершенно исключалось ее участие в общественной и государственной деятельности.

Нормами казахского обычного права были узаконены такие обычаи, как калым (имущественная сделка между родителями жениха и невесты), аменгерство, многоженство и пр. Глава патриархальной семьи властвовал над женами и детьми. На примере многих женских судеб в романе показано, как девушка, будучи объектом купли-продажи между ее отцом и будущим мужем или его родителями, нередко против воли выдавалась замуж в другой род, становилась *жесир* (девушкой, за которую уплачен калым) не только мужа, а всего его рода. Эти патриархально-родовые традиции сохранили свою силу и во время Абая. Согласно им, в случае побега девушки жесир, весь род жениха считал себя оскорбленным и принимал участие в ее поиске и возвращении.

Пережитком патриархальщины был также обычай при договорах о мире заключать браки между замиряющимися сторонами или передавать детей на воспитание в семью недавнего врага. Жертвой такого обычая явилась маленькая Камшат, дочь Кунанбая, переданная в семью Божея, погубившего ее бесчеловечным обращением.

Отношение к женщине как к собственности рода объясняет обычай аменгерства, строго охраняемый адатом, по которому женщина или невеста после смерти мужа (жениха), если за нее уже выплачен калым, переходила к его брату или ближайшему родственнику. Упустить засватанную невесту считалось величайшим позором для всего рода, поэтому в народе гово-

рили: «Невеста, ушедшая от жениха, не может уйти от рода»⁴⁴.

Любимая жена Абая Айгерим с детства была про-сватана за жигита из племени мамай. После того, как ее жених умер, права на нее перешли к его старшему брату, пожилому человеку. Абаю удалось предотвратить этот брак Айгерим, лишь заплатив полностью ка-лым ее отцу и удовлетворив все материальные претен-зии ее жениха.

Казахское обычное право предусматривало исклю-чительно строгие меры наказания за похищение жен-щины.

«Похищение как без согласия, так и с согласия женщины, но помимо воли ее родителей, мужа или опе-куна, считалось одним из самых тяжких преступлений в области семейно-брачных отношений»⁴⁵.

Похищение женщины так или иначе приравнива-лось к похищению части собственности того или иного человека и шире — его рода. Поэтому каждый случай похищения женщины, как это видно на многих приме-рах романа, сопровождался ответной барымтой, ограб-лением целых аулов, тяжелыми увечьями, даже убий-ствами.

Перед читателями эпопеи проходит целая галерея женских образов, искалеченных человеческих судеб, принесенных в жертву патриархально-феодальному се-мейному обычному праву. Это трагедии юного Абая и Тогжан, Коримбалы и Оралбая, Умитей и Амира и др.

Касаясь семейно-брачного права, М. О. Ауэзов поднимает тему борьбы за равноправие женщины. Эту тему он определяет как одну из сквозных в романе. В рассказах эпопеи о судьбах «казахских Ромео и Джульетт», смело пытавшихся нарушить брачное пра-во шариата, выделяются яркие страницы истории по-хищения девушки Коримбалы, дочери бая Сугира, бед-ным жигитом Оралбаем из рода жигитек.

В основе событий, связанных с протестом любящих и их горьким поражением, также лежит подлинный факт, почерпнутый автором эпопеи из разных источ-ников опросного происхождения: от Алимбета, Катпы

⁴⁴ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, стр. 419.

⁴⁵ Т. М. Культелеев. Указ. работа, стр. 244.

Курамжанова, Ермусы, сохранивших в своей памяти многие детали крупной вражды между родами жигитек и бокенши, вызванной похищением невесты жигитом из рода жигитек.

«Сүгір қызы Көрімбала. Қаракесекке берген. Бұған Оралбай ғашық болып алып қашқан...»⁴⁶

«Оралбай дауында жігітек Шалғынбайдың қатынын байлап әкетеді, Бөбек Ақанның шешесін, Әбдінің қатынын байлап алады. Соғыста Сүгір Мерейді найзалап өлтіріп, найзасын Бейсембіге ұстатады. Кейін мәтел болған «Мерейді Сүгір сайып найзасын Бейсембіге ұстатқандай» деген...»⁴⁷

«Зорлықпен қаракесекке апарады. Оралбай ере барады. Көптің көзінше Көрімбала тілімен ет беріп, «барым осы дос» дейді. Базаралы сол тұста... араз. Бөкенші Көрімбала тұсында жігітекпен өшігіп қалады...»⁴⁸

«Құнанбай Сүгірді жігітекке қарсы ұр шоқпар қып ұстады. Он шақты жігітек Көрімбаланың дауы арқылы айдалды»⁴⁹.

«Коримбала, дочь Сугира, просватана каракесекам. В нее влюбляется Оралбай и похищает ее...»

«Во время тяжбы (спора) из-за Оралбая жигитеки, связав, увозят жену Шалғынбая. Бөбек связал мать Ахана, жену Абди. Во время столкновения Сугир, убив Мерая пикой, пику отдаёт Бейсембаю. Это позже превратилось в поговорку: «Как Сугир вонзил свою пику в Мерая и отдал ее в руки Бейсембаю».

Коримбалу «силой увозят к каракесекам. Оралбай сопровождает. Коримбала у всех на глазах с горечью с ним прощается. Базаралы всем этим недоволен. Из-за Коримбалы жигитеки оказались во вражде с бокенши...»

«Қуанбай Сугира держал против жигитеков как шоқпар (т. е. как дубинку). Спор, связанный с Коримбалой, привел к ссылке десяти человек из жигитеков».

За этими краткими сведениями М. О. Ауэзову, умевшему глубоко проникать в описываемую им эпоху, раскрывалась страшная трагедия степной жизни, жестокие феодальные устои которой особенно тяжело

⁴⁶ Архив ЛММА, папка № 29, л. 211.

⁴⁷ Там же, л. 55.

⁴⁸ Там же, л. 132.

⁴⁹ Там же, л. 149.

отражались на бесправном положении женщины, подавляли стремления молодежи к свободному решению своей личной судьбы. Эти же данные позволяли составить представление о всей сложности отношений между родами, о политических расчетах отдельных родовых воротил в этой борьбе.

В воспоминаниях лишь названы имена главных участников драмы, а в эпопее они превращаются в полнокровные художественные образы, полные жизни, страстей, показанные в борьбе. Поэзией исполнено повествование о рождении любви жигита из рода жигитек Оралбая к дочери богача Сугира Коримбале. Большое чувство заставляет любящих бежать в надежде отстоять свое счастье.

Опираясь на цитированные выше сведения, М. О. Ауэзов описывает весь ход дальнейшего развития этой печальной истории, он дополняет фактический материал красочными деталями, глубокими психологическими мотивировками, домысливает исторически допустимые ситуации. Перед читателями предстают картины внезапно вспыхнувшей родовой борьбы, вызванной похищением Коримбалы. «Аулы тобыкты зашумели, словно над ними расколосось небо и молнии низринулись на землю. С самой смерти старейшин родов — Божая и Суюндика — между жигитеками и бокенши не было ни одной распри. Но это дерзкое своеволие влюбленных вызвало пламя возмущения во всем бокенши: какой-то нищий жигитек оскорбил не кого-нибудь, а самого Сугира, стоявшего во главе рода после смерти Суюндика!»⁵⁰

Бокенши посылают жигитекам угрожающее требование: либо выдать до ночи связанными жигита и девушку, либо указать место боя.

М. О. Ауэзов описывает бурные советы во враждующих родах, вскрывает отношение к этим событиям в других родах тобыкты, отказавших беглецам в приюте, показывает сочувствие им молодежи и колебание старейшин в роде жигитек.

Автор убедительно рисует обстоятельства, принудившие старейшин рода жигитек первоначально принять сторону беглецов. Немалую роль сыграло здесь

⁵⁰ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 483, 484.

понятие о чести рода, попираемой бокенши, угрожавшими жигитекам набегом, угоном коней.

Далее разворачиваются эпизоды с похищением женщин из враждующих родов с целью мщения, о которых также упоминается в цитированных выше материалах. Услышав об отказе жигитеков, «Сугир взвыл. Он бил плетью землю у очага, вызывая духа предков рода бокенши, и кричал в ярости:

— Все мои косяки в жертву отдам! Все добро раздам в память твою, только отомсти за меня!

Сугир неистовствовал. С наступлением сумерек он посадил на коней сотню жигитов, которые, вооружившись соилами, только и ждали знака.

— Жигитеки увели у меня дочь, — сказал он им. — Откупа я не приму. Уведите и вы от них невесту — да такую, чтобы у них сердце заныло!»⁵¹

После этого следуют взаимные похищения молодых женщин, еще не снявших свадебного платка, из-за которых между родами разразилось кровавое побоище. Причем в описании боя М. О. Ауэзов использовал и приведенный выше эпизод, касающийся поведения Сугира во время боя. Когда Сугир с пикой наперевес мчался навстречу одному из видных жигитеков, «наперерез ему кинулся один из молодых жигитеков. Сугир сбросил его пикой с коня и рванулся дальше. Но, видно, старика мучило, не убил ли он молодого жигита, потому что он все оглядывался на него, пока его не нагнал Бейсемби. Тот и не собирался справляться со стариком — он хотел только вырвать у него пикку, и Сугир, точно догадавшись об этом, сам сунул ему в руки конец ее и безоружный ускакал назад. Бейсемби, не выдержав, расхохотался.

— Видели, что он сделал? Сам пикку подсунул! — закричал он, подняв пикку над головой и показывая Жабаю. — Теперь, если тот жигит помрет, старик скажет: «Не я, мол, его убил, у меня Бейсемби пикку выхватил!» Видали хитреца?»⁵²

Такие детали, безусловно, сознательно собирались автором, так как, будучи как бы подсмотренными в жизни той далекой эпохи, они придавали особую убедительность и историческую достоверность повествованию.

⁵¹ Там же, стр. 493.

⁵² Там же, стр. 494.

Писатель показывает далее сочувственное отношение Абая к Оралбаю и Коримбале, его поддержку и совет бежать в город под защиту русских законов, его бессилие помочь им иным путем в самой степи.

Подобный художественный домысел совершенно закономерен, так как из хорошо известной биографии Абая можно привести ряд примеров поддержки, оказанной им казахским женщинам, борющимся за свою свободу.

Смута, вызванная родовой враждой, была остановлена решением совета старейшин четырех родов, признавшим виновным род жигитек и обязавшим его возместить ущерб и отказать беглецам в приюте. Преданные сородичами влюбленные были схвачены в горах Чингиза.

Скупые строки о прощании Коримбалы с Оралбаем, ее покорности судьбе, записанные М. О. Ауэзовым на родине Абая, оживают в романе в волнующих картинах: насильственный увоз Коримбалы к жениху, суровый надзор и угрозы расправы в случае непокорности со стороны родных жениха, опасность мести Оралбаю и страшные сцены народного кровопролития, сломившие Коримбалу, заставившие ее отступить от любимого человека. Она образно сравнивает себя со старухой, для которой кончились все радости жизни.

Бесправное положение женщины в патриархально-феодалном казахском обществе проявлялось в том, что даже у господствующего класса жена не имела никаких имущественных прав не только при жизни мужа, но и после его смерти. Все хозяйство после смерти мужа доставалось невыделенному младшему сыну. Это положение обычного права можно проследить и в романе. После смерти Кунанбая его Большая юрта со всем хозяйством перешла к младшему его сыну Оспану. Поэтому-то такая ожесточенная борьба и разгорелась среди сыновей Кунанбая после смерти Оспана за право жениться на его вдове Еркежан и завладеть Большой юртой с ее богатым имуществом и огромным количеством скота.

Решающее значение в этом случае имело то обстоятельство, что если родственник умершего не женится на его вдове, то по казахскому обычному праву он не может предъявить свои права и на наследство.

М. О. Ауэзов с большой жизненной достоверностью показал сложную борьбу и интриги вокруг женитьбы на вдовах Оспана, из которых основной интерес представляла Еркежан — старшая жена. Причем в духе времени было пренебрежительное отношение к женщине (даже в среде господствующего класса) — с волей и желаниями остальных вдов Оспана братья, конечно, и не думали считаться.

Художественно выразительно наряду с алчностью братьев умершего (Такежана и Исхака) показаны сложные переживания их жен, буруеваемых противоречивыми чувствами — жадной наживы и опасением за свою судьбу с приходом новой соперницы в семью.

Тяжелая женская доля в полигамной семье, соответствующей нормам обычного права и шариата, по которому допускалось иметь четырех законных жен, нашла яркое отражение в романе.

Вот обычная картина жизни полигамной семьи феодальной верхушки общества.

«Пять юрт стояли впереди. Это было многолюдное жилище двух младших жен Кунанбая — Улжан и Айгыз. Старшая — Кунке — жила в другом ауле»⁵³.

Четвертую жену, шестнадцатилетнюю Нурганым, Кунанбай приводит в дом уже глубоким стариком.

Эпопея вводит в мир сложных взаимоотношений жен-соперниц. Так, во время ссоры жен Кунанбая Улжан и Айгыз «казалось, два враждующих между собой аула готовились к бою».

После ссоры между Айгыз и матерью Абая Улжан последняя с горечью говорит: «Соперницы всегда остаются соперницами. Всю жизнь мы только зализываем свои раны».

Однако наряду с этим в романе как пережиток патриархально-родовых традиций нашло отражение и глубоко почтительное отношение к женщине, если она была старшей в феодальной верхушке рода. Таким всеобщим уважением в племени тобыкты, как уже отмечалось, пользовалась мать Кунанбая Зере. Исходя из жизненных наблюдений автор также создает образы женщин из среды господствующего класса, которым, несмотря на молодость, благодаря сильному, независимому характеру удавалось занять видное положение в

⁵³ Там же, стр. 40.

семье (Манике — жена брата Кунанбая Исхака, Нурганым — младшая жена Кунанбая и др.).

Тяжелые формы принимало соперничество, взаимное недоверие и враждебность среди детей, рожденных разными матерями. Так, например, Такежан со своими единокровными братьями Исхаком и Оспаном с недоверием смотрели на Шубара, их племянника, потомка другой жены Кунанбая — Кунке. М. О. Ауэзовым дается много жизненно достоверных картин, характеризующих уклад патриархально-феодальной семьи.

В тесной связи с пережитками родового строя находилась феодальная межродовая борьба, которая и в середине XIX века была характерна для политической жизни Казахстана. В этой борьбе феодальная верхушка преследовала, как правило, узкокорыстные политические или экономические цели, однако народу междоусобицы представлялись как борьба за интересы рода.

В первой книге эпопеи большое место занимает история феодальных усобиц в самом племени тобыкты, в центре которых стоял Кунанбай Ускенбаев, бывший старшим султаном с 1849 по 1854 г. На эту сторону общественной жизни племени, даже в значительно более позднее время (1887 г.), обращалось внимание в официальных документах русской администрации Семипалатинской области. В них отмечалось, что «четыре тобыктинские волости в смысле воровства и баранты самые выдающиеся из 85-ти волостей области»⁵⁴.

С первых страниц эпопеи автор вводит читателя в напряженную обстановку назревающей родовой вражды, осязательно проявившейся уже на совете старейшин, проводимом Кунанбаем по делу Кодара. Писатель замечает, что за несколько месяцев до совета произошла размолвка Божея с Кунанбаем из-за власти в волости. Кунанбай назначил волостным управителем Кокше-тобыктинской волости своего брата Майбасара. Сам он, занимавший эту должность прежде, в 1849 г., стал старшим султаном Каркаралинского округа.

О том, что Майбасар занял должность волостного только благодаря Кунанбаю, который потребовал, чтобы волостным был избран близкий ему человек и указал на брата, свидетельствуют показания многих со-

⁵⁴ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471, лл. 7—70.

временников, в том числе заявления биев Божея и Байсала на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Последние говорили, что Кунанбай, «сделавшись старшим султаном в 1849 г., силою этого звания и должности без общего согласия целой волости сделал волостным Майбасара, тогда как на выбор сего последнего едва только была согласна половина волости, и то одни приверженцы Кунанбая, из боязни, что он старший султан; обойдены родоначальники старшие и более заслуживающие этого звания»⁵⁵.

Далеко не все воспоминания современников принимались М. О. Ауэзовым на веру. Изучая материалы, он использовал в своей писательской работе лишь те сведения, которые были логически допустимы, более соответствовали взаимоотношениям исторических прототипов его персонажей.

Так, например, М. О. Ауэзов располагал двумя противоречивыми сведениями о взаимоотношениях Кунанбая и Майбасара, записанными им на родине Абая. По одной записи между братьями не было согласия:

«Менің естуімде, Майбасар мен қажы жақсы болмай жүреді. Бөжей Мәйбасарды аламын деп болыс сайлатады. Қажы сайлап барып өз бауырына қайта тартып алады»⁵⁶.

«Как я слышал, у Майбасара и кажы (Кунанбая.— Л. А.) были плохие взаимоотношения. Бөжей, желая сделать Майбасара волостным, устраивает выборы. Кажы, поехав на выборы, забирает своего брата».

По данным же Архама Исхакова, Кунанбай и Майбасар были дружны.

«Қажы: мен аға-сұлтан болғанда, сен болыстықты алып қал дейді. Саған берем, бірақ басқаға бермейсің дейді».

«Кажы сказал, когда я буду старшим султаном, ты (Майбасар.— Л. А.) возьми управление волостью. Тебе дам, но ты другим не отдавай».

Последняя запись, как уже отмечалось, полностью подтверждается и архивным источником, сохранившимся в Омском областном архиве,— делом Кунанбая Ускенбаева. Этот документ не был известен автору романа. М. О. Ауэзов, исходя из логики событий, опирается

⁵⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 115.

⁵⁶ Архив ЛММА, папка № 29, л. 163 и об.

на второй источник, раскрывающий повод для начала острой межродовой борьбы, завязавшейся между Кунанбаем и Божеем. Кунанбай, естественно, предпочитал передать управление волостью своему брату, нежели такому сильному и опасному сопернику, как Божей.

Среди многих свидетельских показаний, содержащихся в деле Кунанбая, действительно, указывается, что несколько биев выдвинули кандидатуру Божея, но Кунанбай грозно сказал: «Божей... хочет записаться в купцы, так и пусть торгует», и он выбирать его не позволит. Между тем народ видел, что тех, кто говорит против Майбасара, султан ругал, и потому, чтобы не навлечь его неудовольствия, выбрали... Майбасара»⁵⁷. Или другое свидетельство такого же рода: старшина Джамантаев также показал, что «многие при том выборе на избрание Майбасара не изъявили согласия, как и он, однако же тамгу к приговору о Майбасаре приложили во избежание мщениия брата его, Кунанбая Усенбаева»⁵⁸.

Власть Кунанбая была настолько велика, что, как отмечали свидетели, в то время «и в голову никому не приходило противоречить в чем-нибудь Кунанбаю или изъявить свое несогласие на то, что он хочет»⁵⁹.

Пользуясь неограниченной властью старшего султана, Кунанбай не раз составлял подложные свидетельства, доносы и даже самовольно прикладывал печати старшин под нужными ему документами. Как свидетельствуют отдельные старшины, не участвовавшие в выборах, Кунанбай по своему произволу закрепил тамгами их согласие на избрание Майбасара. Он часто брал печати у аульных старшин будто бы для сохранения, на самом же деле использовал их в своих целях⁶⁰.

Боязнь старшин преследований со стороны Кунанбая была вполне оправдана. В этом же источнике много материала о том, как беспощадно расправлялся Кунанбай со своими политическими противниками. Так, бий Качканбай Бурнабаев был наказан лозами за то,

⁵⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 156 об.

⁵⁸ Там же, л. 148 об.

⁵⁹ Там же, л. 157.

⁶⁰ Там же, л. 157 об.

что посмел пожаловаться на незаконные поступки Кунанбая; у старшин Кенжелы и Юсупа Кунанбай произвел поправы зимних стойбищ; Чинхожу Нуралина, Куванча Утемисова бил по рукам и ногам и говорил, что лишит зимовок⁶¹. Эпопея и подлинные исторические документы показывают, что свои угрозы Кунанбай обычно осуществлял: ради мщения шел на земельные притеснения своих противников, производил поправы их сенокосных угодий, передавал их земли своим приверженцам⁶².

Таким образом, страх перед Кунанбаем заставлял мириться с избранием Майбасара волостным управителем. Даже в высказываниях более сдержанных свидетелей отмечалось: «Старший султан Кунанбай Ускенбаев о том, что он будет притеснять ходатайствующих о смене брата его Майбасара, не говорил, но в народе все боялись того»⁶³.

В эпопее говорится о жестокостях и беззакониях, творимых Майбасаром в должности волостного. Божей «по просьбе народа, выведенного из себя самоуправством Майбасара, обратился к Кунанбаю с требованием сменить волостного управителя»⁶⁴, на что Кунанбай ответил отказом.

Став волостным, Майбасар притесняет тех, кто боролся против его избрания.

Насколько типичен для своей эпохи образ этого жестокого и необузданного феодала, созданный М. О. Ауэзовым, убедительно подтверждают и приводимые ниже исторические документы.

Далеко зашедший произвол волостного, чувствовавшего за собой крепкую поддержку в лице Кунанбая, красноречиво проявился в следующем факте. Подозревая, что его противники пишут на него жалобы русской администрации, Майбасар нападает на казака Ворошилова, ехавшего с почтой в Семипалатинск. Он требует, чтобы Ворошилов сказал ему, что написано в письмах. Не получив ответа, Майбасар избивает казака и со словами «сами прочитаем» забирает почту⁶⁵.

⁶¹ Там же, лл. 118 об., 119.

⁶² Там же, л. 198 об.

⁶³ Там же, л. 123 об.

⁶⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 57.

⁶⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 201.

Прекрасным дополнением и подтверждением безусловной исторической достоверности облика Майбасара, созданного в романе, служит заключение чиновника пограничного управления Гусева, арестовавшего Майбасара за ограбление почты: «Если Майбасар осмеливается колотить русских казаков, которых из 1000 киргиз 999 боятся, то что же он делает с киргизами? Только что не режет!»⁶⁶

Думается, что определенный интерес представляют и другие показания упомянутого чиновника, очень живо рисующие наглость, изворотливость Майбасара, недалекого и спесивного степного воротилы. Майбасар, будучи посаженным на гауптвахту, говорил «охранявшим его казакам, что его отец у казахов то же, что у русских генерал, и что, следовательно, он генеральский сын. Казаки развесили уши, а он, пользуясь темнотою вечера и знанием местности, от них ускакал, не забыв при этом «по ошибке» захватить чужую шубу, и ускакал, конечно, прямо к Кунанбаю, но он к себе его не принял, а дал только полезный совет — притвориться больным. И вот Майбасар, возвратившись на то место, откуда бежал, распростерся на земле самым живописным образом, придумывая историю о том, как его лошадь сбросила, а для подкрепления истины слов собственноручно разбил себе нос.

На рассвете казаки после напрасных поисков возвращались ко мне, как на пути совершенно неожиданно, на том месте, где они 20 раз проезжали и где всего менее можно было предполагать находку, они нашли Майбасара, но как ни старались его приподнять, никак не могли. Намучившись досыта, казаки наконец догадались, что он сильнее их ровно в десять раз, и поехали в соседний аул за арбой. При помощи киргиз они кое-как усадили Майбасара на арбу, а он, чтобы возбудить общее участие, небрежно развалился в ней, склонил голову на бок и выставил вперед разбитый нос. В таком очаровательном виде приехал к нам генеральский сын! Чтоб сколько-нибудь его образумить, я было хотел снова отправить на гауптвахту, но, осведомившись, что из султанского аула выехало на дорогу человек двадцать подозрительных людей, зная, что от Ускенбаевых можно ожидать всего и боясь подать по-

⁶⁶ Там же, л. 311.

вод к преступлению, я благоразумнейшим счел, как бы склоняясь на просьбы аульного старшины Коккоза Булатова, отдать Майбасара ему на поруки. А больной, отъехав от нас сажень на сто, счел за нужное затянуть песню, и так уехал в самом приятном расположении духа»⁶⁷.

М. О. Ауэзов убедительно показывает, что у Кунанбая были свои расчеты отказывать в просьбах о смещении Майбасара. «Он решил, что иметь около себя человека, который является как бы отражением его собственной несокрушимой силы и суровой непреклонности, совсем неплохо. Когда удары, наносимые Майбасаром, станут не под силу, все будут вынуждены искать защиты у него, у Кунанбая»⁶⁸.

Однако не только отрицательные личные качества Майбасара сыграли решающую роль в неприятии его как волостного, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что определенная часть феодально-родовой верхушки жигитеков, котибак, бокенши и других близко связанных с ним родов активно сопротивлялась переходу власти в руки представителя враждебного рода иргизбай.

Как совершенно определенно свидетельствуют источники, Божей, возглавлявший род жигитек в борьбе за смещение Майбасара с должности, «сам рассчитывал стать волостным управителем»⁶⁹.

По подлинным историческим документам, не добившись смещения Майбасара, эта часть феодальной верхушки родов жигитек, котибак и др. стала требовать раздела Кокше-тобыктинской волости, состоявшей из 2000 кибиток и 20 старшинств, на две разные волости, с тем чтобы в одной оставался волостным Майбасар, а другую возглавил Божей.

Таким образом, Божей, стоявший во главе враждебных Кунанбаю родов, был далеко не бескорыстен в борьбе против злоупотреблений Майбасара: он сам стремился к господствующему положению в племени, претендуя для начала на должность волостного⁷⁰.

Именно этим стремлением влиятельного бия Божея

⁶⁷ Там же, л. 311 и об.

⁶⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 57.

⁶⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 23 об.

⁷⁰ Там же, л. 240.

к большей политической власти в племени и мотивирована в романе неослабевающая борьба с ним Кунанбая. Эта драматическая сюжетная линия, связанная с ожесточенной политической борьбой внутри феодальной верхушки казахского общества, борьбой, выливавшейся нередко в кровавые столкновения, проходит через весь роман и является отражением реальных противоречий в среде феодалов.

Настойчиво добываясь разделения волости, Божей и его сторонники прибегали к различным приемам. Так, чтобы сломить сопротивление Кунанбая, Божей приезжает к нему с богатыми дарами, привозит «шесть девяток скота, в том числе одну, начинающуюся со слуги, а другую — с ямбы китайского серебра», под предлогом поминок по умершему отцу Кунанбая. Фактически же это была взятка, так как в это время ставился вопрос о разделении волостей. Очевидно, поэтому Кунанбай даров не принял, и в разделении волости отказал ⁷¹.

Не договорившись с Кунанбаем, враждующая с ним партия открыто выступила с требованиями раздела. Напряженность обстановки в племени, живо воссозданная в эпосе, подтверждает приводимое ниже свидетельство современников. «На поминки по бие Джанкобуле Бокончине в аул его съехалось много народу из разных волостей, в числе коих были джигитековские киргизы с таковыми же кутебаковскими, эти последние, отделившись вооруженною толпою, настоятельно требовали от султана Ускенбаева..., чтобы их отделить от волости» ⁷². Откочевка, широко применявшаяся в феодальных усобицах, имела место и в этом конфликте. Как следует из дела Кунанбая, «роды котебаковские и джигитековские, в коих состоят Божей и Байсал, своевольно откочевали от волости... к урочищу Баканас, принадлежащему части Аягузского округа» ⁷³.

Откочевки обостряли межродовую борьбу. Достаточно вспомнить, к каким кровавым событиям в эпосе привело намерение Кулиншака, старейшины рода тор-

⁷¹ Там же, л. 19.

⁷² Там же, л. 8.

⁷³ Там же, л. 11 об.

гай, отложиться от Кунанбая и перейти под покровительство и на земли враждебных ему родов жигитек и бокенши.

Родовая борьба принимала особенно острый характер, когда дело касалось земельного вопроса. Так, в эпопее с неопровержимой достоверностью показано, что межродовая борьба стала еще более ожесточенной, когда Кунанбай, устранив Кодара, вероломно занял издавна принадлежавшее роду жигитек урочище Карашоки, на котором находилась могила их предка Кенгирбая. «Это было тяжелым ударом для Божея, и он решил насмерть схватиться с Кунанбаем...»⁷⁴

Автором воспроизводятся сложные взаимоотношения между родами, политика старшего султана, направленная на ущемление враждебных родов и поддержку своих сторонников. Так, Кунанбай назначает межродовой съезд в ауле Уркимбая (род жигитек), что вызвало большое недовольство народа, которому было хорошо известно, что «правитель назначает съезд в тех аулах, против которых имеет зуб», так как на эти аулы ложится вся тяжесть расходов, связанных с проведением съезда.

Народ, обозленный грубым требованием посыльных Кунанбая срочно собрать юрты и выделить убойный скот, избивает посланцев. Это и послужило непосредственным поводом для нового усиления феодальной междоусобицы. В ответ на избивание посыльных Кунанбай совершает нападение на аул Божея в Токпамбете. Как описано в романе, Кунанбай собрал настоящее войско, вооруженное соилами, копиями и шокпарами, готовое к бою. Кроме иргизбаев здесь собрались люди и из других родов, в том числе и из рода котибак, старейшиной которого был Байсал. Кунанбай поскакал впереди войска. С родовыми кличами «Олжай!» «Иргизбай!» «Топай!» «Торгай!» отряд ринулся на аул Божея. На каждого жигитека приходилось 40—50 иргизбаев, двести человек Кунанбай послал в обход противника с двух сторон. «Людей у Божея было куда меньше, чем у Кунанбая. Вдобавок жигитеки не успели собраться — их застигли врасплох. По обычаю противник должен предупредить о нападении, указать место боя

⁷⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 94.

и лишь тогда высылать всадников. Кунанбай поступил не так — он нагрязнул внезапно»⁷⁵.

На этом примере также любопытно проследить, как рушились в середине XIX века патриархально-родовые традиции. М. О. Ауэзов показывает разгром аула Божея, где кунанбаевцы, быстро сломив сопротивление противника, обезоружили всех пленных жигитеков. Их глава, бий Божей, был жестоко избит и унижен на глазах всего рода. Байсал, старейшина рода котибак, оскорбившись за близкий ему род жигитек, порвал с Кунанбаем и перешел на сторону жигитеков, что также соответствует историческим фактам, так как в дальнейшем Байсал выступает совместно с Божеем и Каратаем с жалобами на Кунанбая русским властям.

Для образного воссоздания событий, связанных с ожесточенной межродовой борьбой в племени, М. О. Ауэзов использовал следующие воспоминания Тумабая Наданбаева, записанные им на родине Абая:

«...Соғыс аттарын қоя беріп, жігітек қоя берсін жатыр екен. Әуелі (неразобрано. — Л. А.) аттарын қуып алады. Тұрсынбай, Балағаз жаяу, балта ұстасып, жүгіріседі. Бұл уақиға Божей қыстауының үстінде болады, Токпамбет жанында. Қорада тығылғанның бәрін сабайды. Божей артынан шығады, оны сабай бастайды. Еті әппақ екен. «Ұрма!» — деп, Пұшарбай үстіне жатады. Қажы: «өзін ұр» — дейді. Сонда көтібақ Байсал: «Боқты ұрарсың!» — дейді. Ұрып жібереді, сонда көтібақ жігітек боп қосылып кетеді. Торғайдан Құлыншақ, бес батырдың әкесі бірге кетеді. Бесқасқа (бес батыр) Тұрсынбай, Садырбай, Мұңсызбай, Наданбай, Манас»⁷⁶.

«... Жигитеки, распустив боевых коней, беспечно расположились. Сначала (неразборчиво. — Л. А.) угоняют их лошадей. Турсунбай и Балагаз метались с топорами в руках, оставшись пешими. Это событие произошло на зимовке Божея Токпамбете. Всех, кто прятался во дворе, [нападающие] избивали. Божей вышел последним, его начали избивать. Тело его отличалось особой белизной. Пушербай, сказав: «Не бейте», ложится на Божея (закрывает его своим телом. — Л. А.). Кажы (Кунанбай. — Л. А.) приказал: «Бей его самого». Тогда

⁷⁵ Там же, кн. 1, стр. 120.

⁷⁶ Архив ЛММА, папка № 29, л. 171.

котибак Байсал грозно проговорил: «Попробуй бить, не смеешь». Божея ударили. После этого котибаки и жигитеки объединились. Торгай Кулиншак, отец пяти батыров, ушел с ними. Пять жигитов: Турсынбай, Садырбай, Мунсызбай, Наданбай, Манас».

Следовательно, стремясь к наибольшей исторической достоверности повествования, М. О. Ауэзов в большинстве случаев отталкивался от документальных свидетельств эпохи. Например, эпизод с попыткой Даркембая выстрелить в Кунанбая во время нападения последнего на аул Божея, казалось бы, вымышленный, однако и он имеет под собой реальную почву; только в действительности на жизнь Кунанбая покушался Алжан.

«Бөжейді байлап алам деп келгенде, Әлжан оқтанып атпақ болады. Бөжей атқызбайды. Артынан қажы Бөжейді ұстап әкеле жатқанда, мен сені оқтан аяп ем, сен отқа салдың ба!? — дейді»⁷⁷.

«Когда (Кунанбай. — Л. А.) приехал, чтобы связать и увести Божея, Алжан, прицелившись, хотел выстрелить. Бөжей не дал ему выстрелить. Позже, когда кажы, схватив, вел Божея, последний сказал: «Я тебя от пули спас, а ты меня в огонь бросил».

Далее борьба переносится в город. Оба противника приезжают в Каркаралинск, где втягивают в этот острый конфликт своих сторонников из влиятельных лиц казахской и русской администрации.

Для того, чтобы с большей художественной выразительностью передать дух эпохи, М. О. Ауэзов смело вводил почти без изменений отдельные примеры острых словесных столкновений враждующих родовых воротил. Например, в народе сохранился такой диалог:

«Қарқаралыда Баймұрын бітім сұрағанда қажы: «көк шекпенді кигізіп, бойын кездетіп айдағанда тоқтайым, одан беріде тоқтамайым — дейді. Бөжей, Байсал екеуі Баймұрынға айтады: «көк шекпенді біздің мырза пішкен жоқ... Тәңірім пішкен. Кімге бұйырса сол киер»... дейді»⁷⁸.

«Когда Баймурын приехал в Каркаралы с предложением помириться, кажы (Кунанбай. — Л. А.) сказал: «До тех пор, пока я не одену его (Божея. — Л. А.) в се-

⁷⁷ Там же, л. 200.

⁷⁸ Там же, л. 173.

рый кафтан (т. е. тюремную одежду. — Л. А.), не остан- новлюсь». Байсал и Божей оба сказали Баймурыну: «Серый кафтан не наш мирза кроил. Кому суждено, тот оденет».

В эпопее взаимные колкости враждующих феодалов передаются через Алшинбая и Баймурына, знатных и влиятельных лиц Каркаралинска. Так, Кунанбай гово- рит о Божее: «Пусть лучше он перестанет подавать на меня жалобы. Иначе не успокоюсь и я, пока не наде- нут на него серого кафтана и не сошлют подальше!» Далее Кунанбаю передают полный ненависти вызы- вающий ответ Божее: «Серый кафтан кроил не наш мирза: он скроен богом и неизвестно еще, кому придет- ся носить его...»⁷⁹

Однако совершенно очевидно, что М. О. Ауэзов от- нюдь не занимался только добросовестным пересказом источников. Фактический материал истории был от- правной точкой для художественного вымысла автора, он претворял его в образных решениях с глубокой пси- хологической мотивировкой поступков действующих лиц, целостной и яркой передачей духа эпохи, объем- но и зримо предстающей перед читателями в каждом ее проявлении.

О подлинности событий, связанных с борьбой Ку- нанбая с Божеем, можно судить по следственному делу Кунанбая Ускенбаева, где прямо говорится «о нападе- нии хорунжего Кунанбая Ускенбаева с пятисот чело- век киргиз на таковых же кутебаковского и джигите- ковского родов, об угоне у киргиз Иралиных 250 лоша- дей, нанесении ран 9 человекам и захвате 4 человек в свои аулы»⁸⁰.

Впоследствии, как известно из романа, в Каркар- линске, куда Божей приезжает с жалобой на произвол Ускенбаевых, происходит временное примирение сто- рон, которое закрепляется передачей дочери Кунанбая Камшат на воспитание в семью Божее.

Поразительно, что даже этот эпизод, сохранивший- ся в памяти народа, также нашел отражение в упомя- нутом выше архивном источнике, что еще раз под- тверждает, каким важным средством в собирательской работе по изучению исторического прошлого народа

⁷⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 139.

⁸⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 230 и об.

являются опросные данные, нередко не уступающие по своей достоверности подлинным историческим документам. Так, «султан Аягузского округа Барак Солтабаев показал, что примирил ссорившихся... Божея Иралина, Юсупа Котанбулакова и Балагаза Кауменова с султаном Кунанбаем Ускенбаевым, который обещал Иралину отдать дочь свою, что и исполнил, и что Божей получил несколько скота»⁸¹.

Таким образом, документальная основа эпоеи, проявляющаяся в исторической подлинности событий и большинства персонажей, воссозданных на основе воспоминаний современников, становится особенно очевидной в сопоставлении с таким важнейшим источником, как объемистое дело Кунанбая Ускенбаева, сохранившееся в Омском областном архиве.

Межродовая борьба, лишь временно приостановленная, неизбежно должна была вспыхнуть с новой силой, так как и после примирения Кунанбай продолжал притеснять жигитов, требуя, чтобы они разрешили пользоваться их пастбищами. Необходимо отметить массу интересных описаний особенностей межродовой борьбы в условиях кочевого общества, которые можно почерпнуть у М. О. Ауэзова: «Три рода — бокенши, жигиты, кокше — собираются на лето объединиться и кочевать в одно место. Угроза Байдалы, переданная через Абая, была не пустой, — так может говорить тот, кто собирает вокруг себя единомышленников. Кунанбаю нужно было вклинить часть своих аулов в земли жигитов: тогда все, происходящее у них, каждое их слово, каждая их уловка, каждый тайный шаг будут ему известны»⁸². Или «... обычно враждующие стороны стараются кочевать либо опережая, либо тесня одна другую».

В дальнейшем развитии межродовой борьбы важную роль сыграло известие о кончине дочери Кунанбая Камшат, которую похоронили, не известив иргизбаев. Это обстоятельство было использовано для нового взрыва вражды с Божеем: феодальные группировки срочно объединялись для предстоящего кровавого сражения. Аул Кунанбая превратился в вооруженный лагерь; вокруг Зере собралось уже не десять, а около 40

⁸¹ Там же, л. 27 об.

⁸² М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 195.

аулов. С утра и до поздней ночи целые толпы вооруженных людей наполняли юрты. «И в тот самый вечер, когда Кунанбай благословлял своих союзников на начало новой вражды, в ауле Божея Байсал, Каратай, Суюндик и другие тоже приняли твердое решение бороться и скрепили его клятвой перед Божеем»⁸³.

Между тем в разгар приготовлений к новым кровавым столкновениям неожиданно скончался Божей. «После смерти Божея в течение целого лета противники ни разу не сталкивались открыто, но всеми силами вербовали себе сообщников. Вражда нарастала глухо, скрыто, но неудержимо. Ненависть и озлобление, овладевшие обеими сторонами, достигли предела и в любую минуту могли разразиться нежданной грозой»⁸⁴.

Таким образом, в романе живо изображена напряженная обстановка жизни племени в ожидании неизбежных столкновений, сохранен подлинный дух этого сурового времени. Напряженность во взаимоотношениях родов, воссозданная М. О. Ауэзовым, нашла отражение и в докладе чиновника Пограничного управления Гусева, писавшего, что родовая борьба осенью 1852 г. в «Кокше-тобыктинской волости настолько обострилась, что она вся как бы в осадном положении, общество разделено на два неприятельских лагеря»⁸⁵.

В этот самый неподходящий момент сын Кунанбая Кудайберды попросил у старейшины рода торгай Кулиншака лучшего коня его сыновей. Будь другое время, Кулиншак, как это показано в романе, не осмелился бы не дать коня Кунанбаю, но теперь, располагая союзниками (котибаками и жигитеками), Кулиншак скакуна не отдал. Майбасар не понял всей сложности обстановки, отказ Кулиншака его взбесил, и он отважился на насилие. Этим Майбасар дал повод роду торгай отложиться от иргизбаев и откочевать к жигитекам и котибакам. В ответ на угрозы Майбасара, запрещавшего откочевку, сыновья Кулиншака и другие джигиты избили Майбасара.

В качестве документальных свидетельств для воссоздания этих эпизодов М. О. Ауэзов использовал приводимые ниже отрывки из воспоминаний Тумабая, вну-

⁸³ Там же, стр. 205.

⁸⁴ Там же, стр. 229.

⁸⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 3649, л. 311 об.

ка старейшины торгоаев Кулиншака, о событиях в их роде, вызвавших новый взрыв межродовой борьбы.

«Біздің ауыл қажыға қиғаш жүрді. Кенжеғұл бес қасқырдың бірі, соның Бөрте ат деген аты болады. Соны Құдайберді сұрайды, бермейді. Атшабарды жібереді. Майбасар сонда он кісі боп, Манас сабалап айдап шығады. Сүйтеді де көшеді. Қарауылдан өткізіп алып, жігітек, кетібақ тосып тұрады. Артынан қайта көшіріп алам деп, Майбасар, Құдайберді кешке барады. Болыс, тілмаш боп барады. Құлыншақ ауру екен. Кетібақ, жігітек ақылдасып, дайын бол, неде болса бір қылайық дейді. Қонақ қып отырады. Пұшарбай кеп: «Үйде кім бар?— дегенде, Майбасар: «Мен бар!»— дейді. Сонда сабайды. Құдайберді Құлыншақтың қойнына кіріп кетеді, талқан қып сабап тастайды»⁸⁶.

«Наш аул к кажы относился недоброжелательно. У Кенжегула, одного из пяти молодцов («волков»), был конь по кличке Борте. Его попросил Кудайберды. Он не отдал. Послали атшабаров. Тогда Майбасар с десятью людьми, избив, выгоняет Манаса.

Сделав так, уехали. Котибаки, жигитеки ожидали их, пропустив через Караул. Намереваясь вернуть их [котибаков и жигитеков], Майбасар и Кудайберды вечером приезжают. Волостной едет с переводчиком. Кулиншак болен. Жигитеки и котобаки, посоветовавшись, решили, невзирая на последствия, наказать [Майбасара и Кудайберды]. Их приняли как гостей. Пұшарбай, войдя, спросил: «Кто дома?» Майбасар сказал: «Я». Его избили. Кудайберды спрятался у Кулиншака. Его тоже избили».

Этот эпизод, изображенный в эпосе, по воспоминаниям, жившим в народе, удивительно точно подтверждается архивным источником, в котором также говорится, что избиение Майбасара действительно имело место и произошло в доме Кулиншака: «Человек около сорока вбежали к ним в аул, бóльшая часть из них спешила с ожесточением ворвалась к ним в юрту, схватили его, Майбасара Ускенбаева и старшину Усерова, начали наносить жестокие побои, наказывать плетью. Киргизы, бывшие при нем, Ускенбаеве, Байке Мурзатаев, Кудайберды Кунанбаев, Караджан Буран-

⁸⁶ Архив ЛММА, папка № 29, л. 172.

гулов, вступившиеся за них, намерены были бунтовщиков уговорить, но им за то нанесены были жестокие побои»⁸⁷.

Любопытно совпадение даже отдельных деталей, художественно воспроизведенных в романе, с подлинным историческим документом, где также отмечено, что поводом для этого конфликта явилась просьба сына Кунанбая Кудайберды о передаче ему коня старейшины Кулиншака⁸⁸.

В ответ на избиение Майбасара разгневанный Кунанбай по ошибке нападает на траурную кочевку Божая. Этот неслыханный акт заставил обе стороны срочно собирать силы для предстоящей битвы в Мусакульской долине. «Кунанбай собрал не только роды, находившиеся поблизости, он разослал нарочных с заводными конями и к самым дальним родам»⁸⁹.

Байдалы и Байсал в свою очередь послали за помощью в род кокше, к племенам мирза и мамы. Одновременно они составили жалобы, заверили их печатями разных родов и отправили в Каркаралинск. Байдалы и Байсал писали, что «ага-султан — правитель Кунанбай — громит аулы, напал на траурную кочевку. Он вовлекает роды тобыкты в кровопролитные схватки и взаимные убийства»⁹⁰.

В описании такой кровопролитной схватки между враждебными родами автор, несомненно, использовал основные факты, сохранившиеся в народе и изложенные Тумабаем Наданбаевым.

«Қажы қол жияды. Жігітек Мұсағұлға, қажы Жидебайға жинайды. Қалың төбелес. Аттың құйрығын сүзіп ап, үш күн төбелеседі.

Байдалы соғыста Құнанбайға қарсы кісіні ақырып айдап сап тұрады. Сонда бұлардан көп кісі түсе берген соң, Ақадырдан түйе құлата қуады. Қажы Қоңыр екен деп қап кісісін тоқтатады. Қажының айдалуы осы соғыстың артынан, көп кісі жаралы болғандықтан, ауыл шабысқандықтан туады»⁹¹.

«Қажы собирает свои силы (своих жигитов). Жигите-

⁸⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 41 об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 234.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 172 об.

ки собираются в Мусакуле. Кажы собирает в Жидебае. Началось сильное побоище. Три дня сражались, подвывая хвосты у коней...

Байдалы во время боя, воодушевляя криком, посылает своих жигитов против Кунанбая. Когда у них [жигитеков] погибло много людей, со стороны Акадыра лавиной погналы верблюдов. Кажы, решив, что это коньрыцы (род коньрыккошке. — Л. А.), останавливает своих воинов. Во время этой битвы очень много людей было ранено, аулы подвергались нападениям и разграблению — все это послужило причиной ссылки кажы».

Непрестанные жалобы русским колониальным властям на произвол и насилие Кунанбая привели к тому, что его арестовали, доставили в Каркаралинск, и в июне 1853 г. он был снят с должности старшего султана Каркаралинского округа.

По материалам следствия Кунанбай предстает исключительно ловким политиком степи, широко использовавшим в корыстных целях свою власть, свое влияние, ложные свидетельства, составление подложных документов. В этом плане достаточно привести такой пример из архивных источников: еще в 1846 г. Кунанбай совершил нападение на аул Божея и разграбил его. Однако разбирательство этого дела было приостановлено, так как Кунанбай и Божей представили в окружной приказ заявление, что они взаимно рассчитались и претензий друг к другу не имеют. Но позднее, в 1850 г., следователем Ивашкевичем было установлено, что печать на заявлении Божея Иралина подложная, «несходственная с подлинной печатью Иралина, очевидно, документ был подделан Кунанбаем для прекращения невыгодного для него дела»⁹².

Через всю эпопею проходит и такая особенность, характерная для феодальной межродовой борьбы второй половины XIX века, как подача русским властям жалоб и различных, нередко клеветнических, доносов на враждебную партию. Это явление можно проследить и по следственному делу Кунанбая. В ответ на многочисленные заявления биев — Божея, Байсала, Каратая и др. — о злоупотреблениях Кунанбая последовали доносы «почетнейших киргиз Каркаралинского округа о высылке из Кокше-тобыктинской волости упомянутых

⁹² ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 30.

выше старшин. Доносы такого рода, как это было установлено чиновником Гусевым на месте, пишутся под руководством Кунанбая Ускенбаева»⁹³.

Кроме того, документы Омского областного архива свидетельствуют, что Кунанбай и Майбасар широко прибегали к ложным показаниям, выставляя в качестве свидетелей зависимых от них лиц, которые «если и свидетельствовали в истине происшествия, то единственно из страха к старшему султану Кунанбаю Ускенбаеву и волостному управителю Майбасару Ускенбаеву и по научении их»⁹⁴.

Иначе говоря, Кунанбай страхом или подкупом заставлял зависимых от него лиц давать нужные ему показания.

Как известно по роману, Кунанбай первоначально содержался в Каркаралинске под надзором окружного приказа, который занимался следствием. С переводом Кунанбая в Омск его политические противники из враждебных родов особенно активизировались, засыпав пограничного начальника сибирских киргизов жалобами на притеснения Кунанбая. По следственному делу Кунанбая также можно видеть, как почетные киргизы Коныр-кокше-тобыктинской и других волостей в своих жалобах просили об удалении Кунанбая из их округа, имея в виду ссылку⁹⁵.

М. О. Ауэзов нашел в воспоминаниях современников, в передаче Архама Исхакова, упоминание о том, что Кунанбаю удалось сжечь наиболее компрометирующие его бумаги, вывученные силой у сопровождавшего его в Омск царского чиновника.

«Майырды бас салып, қағаздарды Мырзақанға отқа салғызын өртетіп жібереді»⁹⁶.

«(Кунанбай.— Л. А.), схватив майора, приказал Мырзахану бросить бумаги в огонь — и они были сожжены».

В эпосе эта небольшая деталь получает интересное художественное решение. Психологически тонко и убедительно показывает М. О. Ауэзов, как майор, которому Кунанбай дал большую взятку, нагоняет его в

⁹³ Там же, л. 343 об.

⁹⁴ Там же, л. 97, 97 об.

⁹⁵ Там же, лл. 373—374.

⁹⁶ Архив ЛММА, папка № 29, л. 164.

Павлодаре (по пути следования в Омск) и приглашает в дом, где остановился. Во время беседы майор, ясно разгадав намерения Кунанбая, попросившего его растопить печь, дает ему в руки обвиняющие его бумаги якобы для ознакомления. По приказу Кунанбая слуга бросает их в огонь. Майор же, притворившись захмелевшим, позволяет ловкому и сильному Кунанбаю скрутить себе руки, чтобы при расследовании этого дела гарантировать свою непричастность.

По молчаливому соглашению майора с Кунанбаем был также подожжен небольшой сарайчик, где стояли сани, на которых приехал майор, в сани положили ворох бумаг. На другой день майор с актом о сгоревших во время пожара документах выезжает в Омск. Как пишет автор, «слабый дымок маленького пожара не впервые окутывал полным мраком ловкие проделки майора».

Сам же ход следственного дела Кунанбая не оставляет сомнения в том, что он, безусловно, как это изобразил М. Ауэзов, давал «бешеные взятки и богатые подарки» представителям царской администрации в Каркаралинске и Омске. Только этим можно объяснить, что Кунанбай, содержащийся под арестом в Омске, сумел получить разрешение быть переданным на поруки его знатым сородичам⁹⁷.

Любопытный факт содержит приведенный ниже документ, свидетельствующий о том, что Кунанбая Ускенбаева сопровождал из Омска в Каркаралинск для передачи на поруки отец выдающегося казахского ученого, просветителя-демократа Чокана Валиханова полковник Чингис Валиханов, бывший старший султан Кушмурунского округа, поступивший на службу в Пограничное управление сибирских киргизов на место советника от киргизов в сентябре 1854 г.⁹⁸

3 ноября 1854 г. Пограничное управление «донесло, что оно передало Ускенбаева для отправления в Каркаралинский приказ советнику от киргиз Валиханову, который изъявил на то согласие и поручился, что Ускенбаев, отправившись из Омска, прибудет прямо в Каркаралинский приказ»⁹⁹.

⁹⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 370.

⁹⁸ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 16.

⁹⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 380.

Рассмотрение дела о противозаконных поступках бывшего старшего султана Каркаралинского округа тянулось много лет, вплоть до 1862 г., но так и не получило разрешения¹⁰⁰.

Затяжной характер этого следствия — наглядное свидетельство колониальной политики царского правительства в Казахстане, которое лишь в крайних случаях принимало решительные меры для ослабления межродовой борьбы. Обычно же царские власти на местах всячески старались держать казахские роды в состоянии внутренних распрей, чтобы таким образом отвлекать их от антиколониальной борьбы. Очевидно, этой политикой царизма объясняется исход дела Кунанбая: возвратившись в родные места, он вновь приходит к власти — занимает должность волостного управителя Кокше-тобыктинской волости.

С особой силой проявлялась межродовая рознь в предвыборной борьбе за должности волостных управителей. Очень характерны в этом отношении факты из отчета семипалатинского генерал-губернатора за 1887 г.: «Киргизские интриги принимают грандиозные размеры во время выборов должностных лиц туземной администрации, производимых через каждые три года. Задолго перед выборами желающие выставить себя кандидатами на какую-либо из общественных должностей начинают с помощью подачек более влиятельным родственникам своим располагать их в свою пользу, а для ослабления шансов на выборы своих противников с помощью доносов, большею частью совершенно ложных, возводят на них небывалые преступления... Начинается следствие, и противник интригана, попавший под следствие, этим самым устраняется от выборов»¹⁰¹.

Не случайно такой искушенный в межродовой борьбе феодал, как Кунанбай Ускенбаев, стремился даже следствие против него использовать для устранения возможных конкурентов. В своих показаниях он старался «завлечь под следствие ненавистных ему лиц и запятнать их честь прикосновенностью к делу», что

¹⁰⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3650, л. 1 и об.

¹⁰¹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471а, лл. 7—70.

могло «служить препятствием при имеющихся быть выборах волостного управителя...»¹⁰².

Клевета, ложный донос, как один из наиболее распространенных методов родовой борьбы за первенствующую роль в политической жизни рода и племени в целом, воссоздаются М. О. Ауэзовым художественно выразительно и исторически верно, причем действия каждого персонажа в этой борьбе отличает хорошо мотивированная классовая обусловленность.

Кунанбай Ускенбаев, властный старший султан, в течение многих лет державший в своих руках управление многочисленным племенем тобыкты, предстает в романе сильной, незаурядной личностью. Причисляя Кунанбая к глубоко реалистическим, монументальным образам романа, типичность которых делает их как бы живыми символами эпохи, литературовед З. Кедрина говорит о Кунанбае как о фигуре, написанной «во всей противоречивости своих могучих страстей, как бы олицетворяющей собою темные силы феодально-родовой степи»¹⁰³.

Умный, дальновидный, расчетливый политик в сложнейших перипетиях межродовой борьбы, умело разжигаемой и используемой им в своих интересах, направленных на укрепление личной власти и умножение своих богатств, Кунанбай олицетворяет собой вместе с тем всю алчность, неукротимую жестокость господствовавшего класса феодалов. Интересно отметить, что Кунанбай сумел стать влиятельным бием главным образом благодаря своим личным незаурядным данным. Он выдвинулся из простого народа. На его неаристократическое происхождение указывал А. Янушкевич, посетивший Средний жуз в 1846 г. и близко столкнувшийся с Кунанбаем как с официальным лицом. Кунанбай оказал содействие экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Вишневым, имевшей задание помимо переписи населения и скота в Среднем жузе и разбора спорных дел рассмотреть на месте просьбы пяти больших племен Старшего жуза о принятии их в российское подданство.

¹⁰² ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 332.

¹⁰³ З. С. Кедрина. Мухтар Омарханович Ауэзов. В кн.: Мухтар Ауэзов. Путь Абая. Роман-эпопея в двух томах, т. 1. М., 1965, стр. 16.

Нам представляется интересным воспроизвести здесь некоторые непосредственные наблюдения Янушкевича, относящиеся к Кунанбаю, произведшему на него наиболее яркое впечатление из всех правителей Среднего жуза. Он пишет: «...бий Кунанбай, это тоже большая знаменитость в степи..., одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алькорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые»¹⁰⁴.

И далее: «Облеченный доверием сильного рода тобыкты, избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головы...

[Кунанбай] когда-то был красивым мужчиной, нынче на его лице следы оспы, несколько лет назад чуть не унесшей его в могилу. Как Мирабо, во время вдохновенной речи его он заставлял слушателей забыть о своем страшном, обезображенном лице. Эти жестокие последствия страшной болезни всякий раз пробуждают в нем сладкие воспоминания о сочувствии земляков...

— Толпы людей в отчаянии,— говорил он мне с волнением и гордостью,— днем и ночью окружали мою юрту, где среди невыносимых мук я боролся со смертью. Их слезы залили огонь, пожиривший меня, и вымолили у аллаха возвращение меня к жизни.

Не таким ли сочувствием в одной из самых просвещенных стран Европы окружал народ последние минуты умирающего трибуна, что, как и Кунанбай, был его щитом против несправедливости и насилия богатых»¹⁰⁵.

Подобные рассуждения о Кунанбае как защитнике народа, народном трибуне, основанные лишь на собственных высказываниях Кунанбая о своей особе и

¹⁰⁴ А. Янушкевич. Дневники и письма. Из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966, стр. 62.

¹⁰⁵ Там же.

представляющих типичное самовосхваление спесивого феодала, не могут быть приняты, ибо Янушкевич, находясь в ауле Кунанбая проездом, не имел возможности воспринимать увиденное во всей его действительной полноте и сложности. Достаточно вспомнить о многочисленных незаконных поборках и насилиях, чинимых Кунанбаем, которые несли разорение и страдания народу и о которых красноречиво говорят архивные материалы и воспоминания современников, широко цитированные нами, чтобы убедиться, что путевые наблюдения А. Янушкевича при всей остроте и свежести его восприятия не являются глубокими и всесторонними. За кажущейся патриархальностью, когда создается иллюзия, что феодал — волостной управитель — может выступать защитником интересов народа, он не смог увидеть подлинной сути патриархально-феодальных форм жестокой эксплуатации феодалом зависимого от него трудового люда, произвола и насилий главы рода по отношению к враждебным родам.

Интересны высказывания А. Янушкевича о сложной и трудной борьбе Кунанбая на пути к власти (Кунанбай был тогда лишь волостным управителем). А. Янушкевич говорит, что Кунанбаю «приходилось лавировать между степными феодалами и русскими колониальными властями, добиваясь поддержки и расположения тех и других». Он пишет: «Кунанбай ведет некоторым образом двойственную игру: выдал нам много богатых киргизов, которые поукрывали своих лошадемок и баранов.

Дали бы они ему перцу, если бы узнали, кто нам помог открыть правду, или, точнее, приблизиться к правде»¹⁰⁶.

Впрочем, архивные источники отмечали также и отдельные положительные стороны в деятельности Кунанбая. Так, в 1849 г. он, будучи старшим султаном, «склонил бедный класс народа к выгодному для него хлебопашеству»¹⁰⁷, в другом документе читаем, что Кунанбай предложил провести в его округе оспопрививание.

М. О. Ауэзов говорил, что ему нелегко было восстановить подлинный облик жизненного прототипа Кунан-

¹⁰⁶ Там же, стр. 180.

¹⁰⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 189.

бая — властного, жестокого феодала, так как последний стремился увековечить свое имя отдельными благодеяниями. В народе его называли не иначе, как кажы, о нем сохранились воспоминания, как о благочестивом старце, совершившем хадж (паломничество) в Мекку, построившем там странноприимный дом, на его средства была воздвигнута мечеть в Каркаралинске и т. д. «Все это делалось за счет народных средств. Однако в условиях степной темноты, когда общественное мнение во многом зависело от фанатиков ислама, ишанов и мулл, эти «добродетели» заслоняли в представлении невежественных людей зло, творимое Кунанбаем. А ведь ему принадлежала власть над населением целого уезда, внутри своего приказа он творил бесчинства и насилия вплоть до того, что отнимал земли у целых родов. В некоторых аулах я находил данные о том, что Кунанбай брал взятки...

Немало историй было поведало мне о жестокости Кунанбая... И постепенно жизненный прототип Кунанбая — лютого правителя-феодала все отчетливее представлялся передо мной»¹⁰⁸.

Таким образом, М. О. Ауэзов тщательно изучал исторический материал, относящийся к Кунанбаю, глубоко анализировал отдельные, разрозненные сведения о нем — сложные и противоречивые, вскрывая истинные причины его деяний. В итоге был создан целостный образ степного феодала, типический характер в типических обстоятельствах своего времени и среды.

Скрупулезное исследование исторических первоисточников, проделанное М. О. Ауэзовым в период работы над романом, составляет отличительную черту творчества советских исторических романистов вообще. Автор эпопеи «Путь Абая» имел возможность опереться в этом отношении на богатый опыт А. Н. Толстого, который в работе над «Петром I» также глубоко изучал исторические источники, связанные с описываемой им эпохой. Весь его роман построен на основе подлинных исторических документов, подчас редких, ранее неизвестных. «Я хочу, помимо всего, быть точным и

¹⁰⁸ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 362.

использовать возможно полнее мемуарный и архивный материал»¹⁰⁹, — писал А. Н. Толстой.

Нам думается, что на образе Кунанбая можно убедиться, насколько плодотворны бывают авторский вымысел и домысел, когда они тесно связаны с документальными свидетельствами, с правдой истории, верно понятой и истолкованной с позиций марксистской исторической науки.

Творческая фантазия автора, базировавшаяся на понимании исторической закономерности, классовой сущности деяний и взглядов Кунанбая, внутренней логики его характера, помогла ему восполнить недостатки и пробелы скупых и противоречивых источников, ярко и всесторонне раскрыть в эпопее образ Кунанбая. Причем в работе над этим образом, как и над образами других невымышленных своих героев, М. О. Ауэзов отнюдь не стремился к полному копированию реальных жизненных прототипов. Каждый из этих образов есть художественное открытие, новый тип, обобщающий черты многих других представителей своего класса, черты, которые придают ему больше выразительности и социальной значимости.

Успех М. О. Ауэзова в создании исторически правдивого и типичного образа Кунанбая был в значительной степени определен критическим отбором опросных сведений, историческая достоверность которых была впоследствии подтверждена документальными свидетельствами того времени, обнаруженными в Омском областном архиве. Художественная интуиция автора выступает здесь в сочетании с его марксистски обоснованной исторической концепцией.

Верно оценивая результаты такого рода творческой работы автора над образом Кунанбая, литературовед Мухамеджан Каратаев писал: «По мощи художественного обличения образ Кунанбая не имеет себе равных среди всего, что написали писатели Казахстана о темных антинародных силах, порожденных прошлым социальным устройством нашей страны. Много в этом характере причудливых складок, извилин, тайников. Кунанбай, воплотивший в себе дух жестокости, интриг и коварства, отнюдь не односторонен, не схематизиро-

¹⁰⁹ Цитир. по кн.: В. Щербина. А. Н. Толстой. Творческий путь. М., 1956, стр. 452.

ван и не мелкотравчат. Он по-своему могуч и монолитен в своей классовой сущности и определенности. Его ум изворотлив, его коварство безгранично, его деспотические злодеяния рождены беспредельной жестокостью в преодолении всего, что стоит на пути достижения поставленной им цели»¹¹⁰.

Такая высокая оценка образа Кунанбая, прежде всего в плане его исторической типичности, обобщении в нем социальной сущности его класса, безусловно, связана с отсутствием какой-либо модернизации его облика.

А. Н. Толстой писал, что «исторические герои должны мыслить и говорить так, как их к тому толкает их эпоха и события той эпохи. Если Степан Разин будет говорить о первоначальном накоплении, то читатель швырнет такую книгу под стол и будет прав. Но о первоначальном накоплении, скажем, должен знать и должен помнить автор; и с этой точки зрения рассматривать те или иные исторические события. В том-то и сила марксистского мышления, что оно раскрывает перед нами правду истории и ее глубину и осмысливает исторические события»¹¹¹.

Следовательно, воссоздавая историческую эпоху и представляя ее через художественные образы, автор сможет передать правду истории, лишь опираясь на правильно понятые закономерности ее развития. И если вымысел автора строится на такой почве, то он приобретает полную художественную убедительность.

В романе не только глубоко обобщены зафиксированные историей деяния Кунанбая, но многое относится и к сфере авторской фантазии. Например, попытка Кунанбая задушить своего внука Амира, осмелившегося нарушить закон шариата. Мальчик остается жив благодаря Абаю, который вырывает юношу из цепких рук святоши. Будучи вымышленным, этот эпизод подготовлен всем внутренним складом образа Кунанбая и отнюдь не противоречит логике его исторического прототипа.

Особый интерес представляет межродовая борьба после отхода Кунанбая от мирских дел. Против иргизбаев, так долго сохранявших власть в тобыкты, созда-

¹¹⁰ М. Каратаев. Предисловие к кн. М. Ауэзова «Путь Абая», т. 1. Алма-Ата, 1960, стр. 15.

¹¹¹ А. Толстой. О литературе. Сб. статей. М., 1956, стр. 324.

лась сильная группировка из представителей родовой верхушки жигитеков, бокенши, котебаков, топай и других родов. Они решили провалить на выборах ставленника иргизбаев Оспана, отстранить от власти иргизбаев и добиться избрания своего кандидата — Кунту. Завоевав большинство голосов на выборах, эта группа празднует победу: «Теперь и печать волостного, и его власть попали в их руки. Все приговоры, жалобы, кляузные письма будут составляться так, как хотят они. А если понадобится отнять у кого-нибудь землю или скот, то дубинкой будет Кунту с печатью волостного в руках и с управительским знаком на груди» ¹¹².

В феодально-родовой борьбе большую роль играли щедрые угощения, которые устраивал феодал для своих сторонников, а также и для предполагаемых противников, чтобы привлечь последних на свою сторону. Например, после возвращения из Омска, лишившись ага-султанства, Кунанбай устраивает частые пиршества. Эти «ежедневные щедрые угощения и приемы гостей имели для Кунанбая большее значение, чем простое торжество в честь радостного события: он собирал людей, объединял родичей, успевших разбрестись, вновь крепко стягивал сдерживающий их обруч и поднимался в их глазах на прежнюю высоту» ¹¹³.

Такого рода детали дают возможность наглядно представить и глубже понять все разнообразие средств и приемов, использовавшихся феодальной верхушкой в борьбе за власть. При этом писатель показывает, как тяжело страдал народ от феодальных междоусобиц, сопровождавшихся взаимным истреблением людей, разрушением хозяйства, угоном скота. В эту вражду феодалов народ бывал постоянно втянут в силу пережитков патриархально-родовой идеологии, согласно которой распри представлялись как борьба за «интересы» рода. Через всю межродовую борьбу, воспроизведенную автором в эпосе, четко проходит мысль, что родовые междоусобицы приносили выгоды лишь представителям господствующей верхушки рода. Эта истина образно высказана Базаралы: «Что такое народ? Сила при раздорах с соперниками, прах, когда сам в нужде. В битвах победа куется его руками, а

¹¹² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 56.

¹¹³ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 260.

при дележе в эти руки попадает лишь пыль от прогоняемых мимо награбленных стад...»

Междоусобицы усугубляли тяжелое положение народа еще и тем, что лишали его пастбищ, а это подрывало основы кочевого скотоводческого хозяйства. Приводимый ниже отрывок текста показывает, что народ не выигрывал ничего, даже находясь в числе победителей, и первый страдал от штрафов и потери пастбищ, когда оказывался в стане побежденных. После смещения Кунанбая с должности старшего султана последнему пришлось пойти на целый ряд земельных уступок, чтобы прекратить поток жалоб на него русским властям.

В основе повествования об этих событиях также лежит подлинный исторический материал:

«Бөжей өлгеннен кейін, барады Омбыға. Айдалып бара жатқанда: Артымнан арыз бергізбе. Сұраса бере беріңдер жігітекке» — дейді. Сонда артындағылар 15 қыстау береді. Байдалы арыз бергізбеймін дейді. Бірақ 15 қыстау бер дейді. Малдың есебі жоқ, жігітек ала береді. Қажы мал жағына билік болмасын деп, тапсырған. Қағаз бармайды, қажы қайтып келеді»¹¹⁴.

«После смерти Божее отправляется в Омск. Когда его (Кунанбая.— Л. А.) провожали, [он поручал]: «Сделайте так, чтобы вслед за мной не шли жалобы. Если будут жигитеки что-нибудь просить, отдавайте [удовлетворяйте]».

Тогда оставшиеся после Кунанбая (его близкие.— Л. А.) отдают 15 зимовий. Байдалы: «Жалоб не будем посылать, но дай 15 зимовок». Скот жигитеки брали бессчетно. А кажы приказал, чтобы скотом не распоряжались. Жалобы прекратились. Кажы возвращаются».

От Кунанбая потребовали возвращения 15 зимовий, «которые в течение 10 лет Кунанбай одно за другим отобрал от своих соседей хитростью или принуждением. Каждый из четырех родов — жигитек, бокенши, котибак и торгай — получил по несколько пастбищ и зимовий. Но земли достались только знатным старейшинам родов и богатым аулам. Говорили о «возмещении за урон, понесенный всем народом», требовали земли «для блага народа», а кончился этот шум тем, что

¹¹⁴ Архив ЛММА, папка № 29, л. 172.

пастбища и зимовья достались Байдалы, Байсалу и Суяндику с их друзьями. Остальным аулам заткнули рот небольшим количеством убойного скота, предоставлением во временное пользование лошадей, уступкой бычков и телок. А тяжесть расплаты легла не только на Кунанбая и его богатых старейшин — ее делил весь род иргизбай»¹¹⁵.

Классовая природа феодальных междоусобиц, борьба феодалов за землю прекрасно раскрыты в размышлениях юного Абая, который убедился в том, что «добычу одного Кунанбая поделили между собой пять кунанбайчиков».

Будучи уже зрелым человеком, Абай особенно остро переживает страдания народа, усугубляемые родовой борьбой. Он с болью говорит своим русским друзьям о губительных для народа бесконечных набегах, барымте, грабежах и насилиях, чинимых родовыми воротилами¹¹⁶.

Следовательно, в воссоздании картин родовой борьбы М. О. Ауэзов не пошел по пути изображения простых конфликтов между отдельными феодалами, а вскрыл социально-экономическую основу этой борьбы, обнажил классовую сущность поступков отдельных персонажей, действовавших согласно политическим взглядам своего класса. Феодальная сущность усобиц передана также и через художественно выразительное воспроизведение бедственного положения народных масс.

Автор «Пути Абая» сумел художественными средствами воспроизвести всю сложную и многообразную картину общественно-экономического строя Казахстана второй половины XIX века в значительной степени благодаря тому, что ему удалось проникнуть в самую суть феодальных земельных отношений, о которых в эпосе содержится исключительно интересный материал.

В рассматриваемый период, как это верно отображено в «Пути Абая», уже давно сложилось право на пользование землей и распределение ее между различными родами, регулируемое обычным правом, которое

¹¹⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 240.

¹¹⁶ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 346—347.

строго фиксировало границы не только сезонных пастбищ, но и кочевых путей.

Как известно, специфика экстенсивного скотоводства требовала разделения больших родовых коллективов на отдельные подразделения и общины родов и в соответствии с этим распределения пастбищ между ними. М. О. Ауэзовым даются точные данные, какими пастбищами владели тот или иной род, его ветви и отдельные аулы, причем границы их земельных участков были строго обособлены различными водными источниками, урочищами, а то и просто специальными знаками. Автор неоднократно показывает, как, кочуя всю зиму на осенних, зимних, весенних пастбищах, более близкие между собой роды собирались летом на жайлау. Это совместное пользование одними земельными участками и объединяло родственные коллективы, так как иные экономические связи почти отсутствовали при сохранении натурального кочевого хозяйства, слабого развития ремесла и товарно-денежных отношений. Наряду с этим эпопея дает возможность проследить большую неравномерность в пользовании пастбищами различными родами. Внутри племени тобыкты лучшие пастбища сумел захватить род иргизбай, возглавляемый Кунанбаем. На протяжении всего произведения видно, как тяжело переживают джуч малоземельные роды. Например, джуч разорил большую часть рода жигитек, у которого было мало пастбищ.

Малоземелье отдельных родов Кунанбай ловко использовал в межродовой борьбе. Пуская на свои пастбища стада терпящих бедствие малоземельных родов, он стремился привлечь последние на свою сторону в борьбе с другими родами. «Те аулы, которые он поддерживал, перегнали свои стада на урочища рода иргизбай, и, разумеется, уберегут их от падежа. А роды малочисленные, безымянные, слабые мечутся без выхода, стада их блуждают по мертвой степи, гонимые голодом»¹¹⁷.

Таким образом, глубокий историзм эпопеи, выражающийся в умении автора художественными средствами вскрыть суть социальных явлений, позволяет увидеть, например, что родовые междоусобицы в большинстве случаев представляли собой ожесточенную

¹¹⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 311.

борьбу за землю, когда более сильные роды насильственно захватывали лучшие пастбища у слабых. В связи с этим земельный вопрос стоял настолько остро, что всякое передвижение родов было предметом зоркого внимания соседей. Недаром род жигитек обеспокоился при виде необычайно ранней кочевки Кунанбая на зимние пастбища. «Если бы Кунанбай заторопился весной, — начал Божей, — я бы понял, что он хочет захватить пастбища уаков... Если бы это было летом, — значит, у него разгорелись глаза на земли киреев... Но зимовья все кругом тобыктинские, до чужих далеко... Как бы он на своих не набросился...»¹¹⁸ Опасения Божея, как известно, полностью подтвердились: в дальнейшем показывается, как Кунанбай перешел к открытому захвату земель у слабых родов, владевших, однако, более выгодными пастбищами по сравнению с родом иргизбай, возвысившимся лишь в середине XIX века.

«Карашоки, одна из вершин Чингиза, находится неподалеку от зимовки Кодара... Здесь сочные пастбища, привольные места. Издавна обосновавшиеся здесь бокенши и борсаки никому не уступали их.

У многих из рода иргизбай давно уже глаза разгорались на Карашоки, где находился аул Жексена»¹¹⁹.

Воспользовавшись приговором Кодару, Кунанбай захватывает зимовье рода бокенши — Карашоки. Только после этого бокенши открылась «истинная цель убийства Кодара — захват их зимовий»¹²⁰.

На вопрос Жексена, владельца Карашоки, как быть его аулам, пришедшим на зимовье, Кунанбай повелительно отвечает: «Твои аулы вернутся обратно!»

Суюндик, старейшина рода бокенши, потрясенный вероломством Кунанбая, образно говорит о бедственном положении рода, лишившегося одного из лучших зимовий: «Жайляу твои — в руках врага, зимовья твои охватило пламя»¹²¹.

Это стремление более могущественного рода к отчуждению земель у слабых соседей наглядно показано в последующих деяниях Кунанбая, силой утверж-

¹¹⁸ Там же, стр. 93.

¹¹⁹ Там же, стр. 68.

¹²⁰ Там же, стр. 106.

¹²¹ Там же, стр. 101.

давшего право иргизбаев на захваты лучших земель племени.

Так, например, когда бокенши спрашивают у Кунабая, зачем нужен ему Чингиз, если у него и так достаточно хорошей земли, он заявляет:

«Э, бокенши... Вы — наши старшие братья. Вы возмужали раньше и завладели всем обширным подножьем Чингиза. Иргизбаи были малы числом и моложе вас... Ты говоришь, — «другие зимовья»? Разве это зимовья по сравнению с Чингизом? Теперь я стал на ноги, — сколько же мне терпеть еще? ...Иргизбаям тоже нужны удобные зимовки...» Слова Кунабая были одновременно и жалобой истца, и приговором судьи».

На вопрос Суяндика, сколько зимовий хотят отнять у бокенши, Кунабай заявляет: «Бокенши уступят все зимовья в этой местности»¹²².

Как уже отмечалось, ловкий степной воротила Кунабай использовал поддержку одних родов для притеснения других. Так, в борьбе против бокенши, завершившейся насильственным захватом их зимовий у подножий Чингиза, он привлек на свою сторону верхушку родов котибак, торгай и топай. Недаром старейшины этих родов Байсал и Кулиншак поздравляют Кунабая с новосельем в связи с захватом зимовий у бокенши. Однако позднее Кунабай попытался отобрать зимовку у Байсала, своего недавнего союзника, но, встретив упорное сопротивление, стал сводить с ним счеты за зимовье на жайляу. Когда их кочевья двинулись на жайляу, «между аулами Кунабая и Байсала начались постоянные стычки и недоразумения. Кунабай размещал свои аулы вблизи, в ближайшем соседстве с аулом рода котибак и по всякому поводу притеснял противника, отгоняя с пастбищ его скот. Байсал отвечал тем же... Кунабай непрерывно прибегал к насилиям и намеренно вызывал соседей на столкновение»¹²³.

Острая борьба за землю Кунабая с Божеем, старейшиной рода жигитек, описанная выше, нашла, как известно, отражение и в архивных исторических источниках. Так, например, бий Кокше-тобыктинской волости Божей Иралин показал, что старший султан Ку-

¹²² Там же, стр. 104.

¹²³ Там же, стр. 278—279.

нанбай Ускенбаев в бытность еще волостным управителем занял его зимовые места под названием Токпамбет¹²⁴.

В романе насильственный захват зимовых пастбищ изображен в ряде эпизодов. «Могила Кенгирбая, их предка, находилась на урочище Ши; богатые кочевья двух колен рода жигитек расположены совсем близко от этого урочища. Наступил день, когда Кунанбай занял и их под свое зимовье»¹²⁵.

Бий Байсал, у которого Кунанбай намеревался отобрать зимовье, говорит о нем: «Из-за земли он, как червь, точил Божея, пока, наконец, не загнал его в могилу. Чем я лучше Божея? Мне терять нечего... От своих я не отступлюсь. Ни на шаг не отойду от зимовья».

Аналогичные факты нашли отражение и в архивном источнике, относящемся к 1851 г., где зафиксировано, что «двое старшин со всеми юртами, а один в 15 юртах, по согласию г. Ускенбаева, желают оставить природные свои места и удалиться на те, где указывает г. Ускенбаев, а остальные 5 старшин с народом от природных мест не желают удалиться и зимовки во владение г. Ускенбаевых не отдают... он гонит совершенно от природных ихних мест, которые желает получить в свое владение... А потому просят воспретить старшему султану Ускенбаеву об отнятии зимовок, им принадлежащих...»¹²⁶

Монополюльно распоряжаясь землями племени, Кунанбай поселял аулы, которые он поддерживал, на землях, принадлежащих другим родам, отбирая зимовья последних.

Большой урон скотоводческому хозяйству наносили, как видно из романа, потравы пастбищ, в чем также проявлялась родовая борьба за землю.

Жалобами на потравы зимовых пастбищ полны архивные дела окружных приказов. Вот образец такой жалобы:

«Осенью 1850 г. старший султан Ускенбаев табуном своих лошадей вытравил зимовые места его, Ира-

¹²⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 13 об.. 14.

¹²⁵ М. Ауэзов, Абай, кн. 1, стр. 94.

¹²⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, лл. 186 об., 187.

лина, старшины Юсупа Котанбулакова, Байсала Айтеева и проч.»¹²⁷

М. О. Ауэзов приводит целый ряд других интересных сведений о межродовой борьбе за землю, основанных на глубоких жизненных наблюдениях автора и дополненных воспоминаниями современников. Эти сведения, не нашедшие отражения в исторической литературе, представляют определенный интерес для историков, исследующих земельные отношения в дореволюционном Казахстане.

Так, например, М. О. Ауэзов показывает, что даже распределение пастбищ между родами нередко использовалось Кунанбаем в целях ослабления союза враждебных ему родов. Действуя в этом направлении, Кунанбай, наделенный административной властью в качестве старшего султана округа, предлагает роду бокенши занять урочища Талшоқы, Караул и Балпан. Умудренный горьким опытом, глава рода жигитек Божей сразу раскрывает замыслы Кунанбая: «Он хочет сомкнуть границы земель жигитеков и бокенши. А если два рода, даже самых дружественных, имеют общую границу, тогда конец согласию и добрососедским связям»¹²⁸. Его соображения оказались совершенно верными: «С тех пор как Кунанбай отнял у жигитеков летние пастбища и отдал их бокенши, оба рода, жившие всегда в дружбе, вступили на путь постоянных взаимных подозрений и обид. Кочевья, выпасы, реки — все стало теперь служить поводом для раздора.

Байдалы и Тусип видели это. Их не покидала тревожная мысль, что посеянная Кунанбаем вражда приведет к полному разрыву с бокенши, и тогда жигитек лишится последнего союзника в борьбе против иргизбаев»¹²⁹.

Поэтому-то Байдалы и уговаривает Божей похоронить Камшат, дочь Кунанбая, втайне от родных, рассчитывая, что оба рода (бокенши и жигитек), содружество которых стремился разрушить Кунанбай, опасаясь гнева последнего, вновь сблизятся.

Произвол Кунанбая был настолько силен, что захваченные у соседей земли он по своему усмотрению

¹²⁷ Там же, л. 188 об.

¹²⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 111.

¹²⁹ Там же, стр. 204.

передавал отдельным родам, находившимся в союзе с ним. «После захвата земель бокенши осенью к роду торгай перешли западные склоны Карашоки, где раньше находилось зимовье Кодара»¹³⁰.

В эпопее правдиво, в полном соответствии с действительностью показано, как родовая борьба с ее главным последствием — захватом земель — тяжело отражалась на положении народных масс.

Феодальная же верхушка рода всегда восполняла свои земельные потери как за счет узурпации общинной земли, так и путем сговора с эксплуататорской верхушкой рода, захватившего землю.

Так, Кунанбай, отобрав зимовья у бокенши, предложил Суондику и Жексену, стоявшим во главе рода, зимовья на Карауле. Последние поняли, что если они первыми займут зимовья Караул и две реки (Кольденен и Шалкар), то не прогадают¹³¹. Если такая острая борьба за землю проходила внутри племени, тем более широко распространены были захваты земель у соседних племен. Эта сторона земельных отношений также раскрывается автором на примере племени тобыкты.

«У аксакалов тобыкты была тайная мысль: кочуя из года в год по рекам маломощного соседнего рода, со временем совсем завладеть их пастбищами»¹³².

Здесь же развернуто показано, как в течение многих лет тобыктинцы ущемляли соседнее племя уак, особенно род кокенцев, занимавшихся земледелием. Абай на Аркатском межплеменном съезде, посвященном разбору земельного спора между тобыкты и уаком, во весь голос обвинил свое племя тобыкты в этом многолетнем разбое. Он рассказал о том, как на протяжении полувека тобыкты во главе с Кунанбаем незаконно забирали земли у мирных уаков. Урочища Жымба, Аркалык, Кушакбай, захваченные его отцом, Абай назвал «беспорными землями уаков». «Акжал, Торе-Кудык, Каракудык, Обалы, Когалы, из-за которых началось побоище, всегда принадлежали кокенцам...»¹³³

¹³⁰ Там же, стр. 172.

¹³¹ Там же, стр. 109.

¹³² Там же, стр. 57.

¹³³ Там же, стр. 610.

Этот процесс захвата тобыктинцами земель уаков подробно показан в романе. Отец Жиренше самовольно поселился в местности Акжал, отец Абралы занял урочище Обалы и Когалы, отец Уразбая завладел Каракудыком и Торе-Кудыком и т. д.¹³⁴ Так, в течение нескольких десятилетий предки родовых воротил, действующих в романе, постепенно захватывали земли уаков.

Внутри рода земля формально считалась коллективной собственностью сородичей. Однако, как это подтверждает материал литературных и архивных источников, фактически сложившиеся земельные отношения казахов были таковы, что рядовые общинники уже давно утратили право на владение землей. Это делало неизбежной их зависимость от феодально-родовой верхушки, монополизировавшей распоряжение пастбищами — решающего условия ведения кочевого скотоводческого хозяйства. М. О. Ауэзов рисует картины массовой гибели скота в малоземельных хозяйствах рядовых общинников во время джута, степных буранов. В этом плане большим облегчением положения бедноты явилось разрешение Абая безземельным хозяйствам перегонять свои стада во время длительного бурана, ведущего к гибели скота, на урочище Мусакул, принадлежащее семье Кунанбая. Эта остро ощущаемая неравномерность в пользовании землей внутри рода, общины воспроизведена в эпосе на богатом конкретно-историческом материале и ясно обнаруживает свою социальную суть.

Резкая имущественная дифференциация, сопровождавшаяся концентрацией огромного количества скота в руках феодалов, практически привела не только к узурпации ими лучших, наиболее удобных пастбищ на правах фактически сложившейся частной собственности, но и создала необходимые условия для монопольного распоряжения всей общинной землей. Автор убедительно показывает, что, хотя земля формально признавалась собственностью рода, а рядовые общинники считались юридически свободными, в действительности их зависимость от эксплуататорской верхушки рода была весьма реальной, прежде всего в

¹³⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 613.

земельном вопросе, где феодалы выступали единственными распорядителями в пользовании землей.

Эпопея дает основание удостовериться, что рядовые общинники располагали лишь пастбищами, выделенными для них феодалами; последние определяли и время перекочевков, и кочевые пути. С первых страниц романа, когда, приняв решение о казни Кюдара, господствующая верхушка племени во главе с Кунанбаем решает вопросы о времени кочевков на жайляу, определяет районы кочевий, писатель раскрывает это право феодалов распоряжаться общинной землей. Рядовым общинникам приходится лишь безоговорочно выполнять их указания.

В романе также показано громадное значение хороших пастбищ в экстенсивном кочевом хозяйстве; недаром крупные родовые воротилы в период джута самовольно занимали лучшие земли своих менее сильных соседей.

Так, во время одного из джутов «Кунанбай, Байсал и их близкие сделали все, чтобы спасти свой скот: они пользовались землями мелких родов, угоняли табуны из занесенных снегом мест и перегоняли их из урочища в урочище. По сравнению с другими они легко отделались от беды»¹³⁵.

Полновластное хозяйничанье феодалов на пастбищах ясно прослеживается и по архивным источникам того времени. Например, один из этих документов свидетельствует, что Кунанбай произвольно отобрал 5 зимовок у казахов Буралинской волости и передал урускаржасскому роду. Оставшиеся без земли бывшие владельцы этих зимовок терпели тяжелые лишения¹³⁶.

Вместе с тем совершенно очевидно, что право распоряжения лучшими пастбищами рода или общины было неразрывно связано с концентрацией земли в руках феодалов на правах фактической частной собственности на землю, установившейся путем насильственного захвата общинной земли. Таким образом, фактический материал эпопеи, связанный с земельным вопросом, также подтверждает тезис К. Маркса о том, что «на-

¹³⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 331.

¹³⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 339 об.

стоящая частная собственность повсюду возникала путем узурпации»¹³⁷.

Так, Кунанбай, вернувшись после ареста и укрепив свои позиции, вновь потребовал возвращения захваченных им ранее и отданных было обратно владельцам 15 зимовий. Он приказал, «чтобы будущей осенью никто не оставлял там своего имущества и жатаков, потому что зимовья опять переходят в его собственность.

Такое извещение получил каждый аул в отдельности. Кунанбай ничего не объяснял, не доказывал — он просто передавал приказ. Таким путем он вернул себе 14 зимовий и только на 15-м потерпел неудачу. Это было зимовье Байсала»¹³⁸.

Приведенный отрывок говорит о том, что борьба за зимние пастбища и их обособление на правах частной собственности была решающей в земельном вопросе. Недаром Жексен, оклеветав Кодара, стремился заполучить участок земли, принадлежавший последнему и расположенный недалеко от его зимовки.

«Кажется, песня Кодара спета. Если я добыюсь, чтобы род изгнал его, земля достанется мне», — думал он, предвкушая поживу»¹³⁹.

В романе очень четко даны границы земельных владений, встречается множество названий отдельных урочищ, чаще всего обособленных владений богатых семей. Так, Караульная сопка, Тайное ущелье, Колькайнар с его прозрачным родником принадлежат к многочисленным осенним и весенним пастбищам Кунанбая.

О существовании частной собственности на зимовки с окружающими их пастбищами говорят многие исторические документы, связанные с расследованием дела Кунанбая.

Так, например, Божей и Байсал со своими родственниками, не желая подчиняться Майбасару, откочевали из Кокше-тобыктинской волости в Семизнаймановскую волость Аягузского округа, где «стравили зимовые места волостного управителя Юсупбая Баузакова...»¹⁴⁰.

¹³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV. М., 1955, стр. 349.

¹³⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 277.

¹³⁹ Там же, стр. 267.

¹⁴⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 4 об.

В другом месте говорится о зимовых местах в горах Чингиза, принадлежавших Кунанбаю ¹⁴¹.

В этой связи очень интересны данные о том, как оберегали хозяева свою землю. Например, в урочище Мусакул поселился брат Абая Такежан, оказавшийся ретивым хозяином, зорко следившим, чтобы чужой скот не зашел на его пастбища. «Чабаны рассказывали, что, когда никто не видел, он отгонял от пастбищ даже скот своих матерей» ¹⁴².

Наемные слуги охраняли землю Кунанбая от посягательств. Особенно усердствовал один из нукеров Такежана Жумагул. «В осеннее и зимнее время он, как цепной пес, сторожил землю» ¹⁴³.

В ответ на просьбы Абая разрешить беднякам-сородичам пригнать в Мусакул стада, чтобы спасти скот от гибели во время снежного бурана, грозившего джунтам, Такежан заявляет, что не даст ступить чужому стаду на свои земли. Только благодаря решительным действиям Абая «на тех пастбищах, которые Такежан ревниво оберегал от какой-нибудь жалкой коровенки, сегодня разместилось свыше тысячи голов овец безземельной бедноты родов карабатыр, торгай, борсак, жуантаяк» ¹⁴⁴.

Исторические источники обычно очень скупо говорят о конкретных размерах земельной собственности того или иного феодала. В этом отношении интересны фактические сведения эполеи, дающие возможность судить о масштабах земельных богатств Кунанбая.

Так, Божей говорит о пастбищах старшего султана: «Разве может ему не хватать кормов? Никакому стаду не вытоптать его пастбищ.

Тридцать кочевков с севера на юг — все принадлежат ему. Здесь — его весенние пастбища, тут — летнее, там — осеннее. И зимовий достаточно.

Одно его урочище от другого не дальше ягнячьего перегона... У него и луга с богатой землей, и водоемы с цветущими берегами, и многоводные ручьи, и широкие озера...

— У других на жайляу возле одного ручейка по нескольку родов жмутся, а у него, глядишь, для каж-

¹⁴¹ Там же, л. 5.

¹⁴² М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 314.

¹⁴³ Там же, стр. 316.

¹⁴⁴ Там же, стр. 320.

дого аула не одна хорошая речка, — говорит глава бокенши Суюндик. — И всем этим завладел он в такое короткое время!»¹⁴⁵

О наличии фактически сложившейся феодальной собственности на землю позволяют судить и другие данные романа. Кунанбай изымает из пользования рода борсак урочище Беткудук, передав его своему племяннику Акберды. Очень характерно далее объяснение Кунанбая с Кулиншаком, старейшиной торгоев, ранее пользовавшихся этой землей по соглашению с борсаками и претендующих на нее. Кунанбай говорит: «Одно дело собственность, а другое — уговор. Хозяевами этой земли были борсаки. Кулиншак пользовался ею не как хозяин, а по договоренности с владельцами. Если он сумеет договориться с Акберды, может пользоваться ею по-прежнему. Пусть только помнит, что земля теперь принадлежит Акберды»¹⁴⁶.

Такие зимовки со строениями, сенокосными местами, включающими в себя нередко осенние и весенние пастбища, в середине XIX века не только находились в фактически сложившейся собственности отдельных лиц, но и передавались по наследству.

Автор в одном из примечаний прямо говорит об этом: «Право на владение на зимовку и земельных угодий передается по наследству; колодцы, родники, озера, посевы, покосы переходят по наследству»¹⁴⁷.

Поэтому не случайно, что в эпопее часто говорится о наследственном владении земель.

«Божей кочевал на прекрасных пастбищах, унаследованных им от своего предка Кенгирбая»¹⁴⁸.

Такежан унаследовал урочище Мусакул с прекрасным зимним пастбищем от Кунанбая. Впоследствии он передает его своему брату Оспану.

«Право пользования зимовыми стойбищами переходит по наследству от деда к отцу, сыну и находится... как бы в потомственном владении и теперь уже никто другой занять этот участок не может»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Там же, стр. 94.

¹⁴⁶ Там же, стр. 174.

¹⁴⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 310.

¹⁴⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 110.

¹⁴⁹ В. Остафьев. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО», кн. XVIII, 1895, вып. 2, стр. 30.

Юридически и рядовые общинники могли передавать землю по наследству. Поэтому Даркембай перед отъездом Кунанбая в Мекку требует возвратить Дармену, потомку Кодара, захваченное им урочище Карашоки: «Ведь эта земля — наследство Кодара. Она принадлежит мальчику, а на ней аул твоей старшей жены Кунке множит свои табуны»¹⁵⁰.

Однако права эти для бедняков были номинальны: Даркембай, прося для Дармена долю из захваченной земли Кодара, вызвал лишь гнев Кунанбая и не добился ничего.

Таким образом, эпопея «Путь Абая» содержит интересный познавательный материал для более глубокого понимания патриархально-феодальных отношений в Казахстане со специфическими формами присвоения земли, где наряду с формальным признанием права общины на все пастбища в середине XIX века уже явно выступало фактическое монопольное распоряжение феодальной верхушкой рода лучшей частью общинных земель.

Исходя из того, что «земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли с устранением всех других»¹⁵¹, право казахских феодалов монополично распоряжаться лучшей частью общинных земель фактически, как это видно из приведенных выше примеров, представляло собой право собственности на эти земли. Однако фактическая собственность феодалов на землю была прикрыта общинно-родовой оболочкой, так как сохранялось общинное землепользование.

«Именно в этой специфической форме узурпации земли проявлялось своеобразие исторического процесса сложения в Казахстане феодальной собственности на землю»¹⁵².

Всестороннее освещение автором порядка пользования землей по нормам казахского обычного права со всей наглядностью обнаруживает глубокую эволюцию последнего, выразившуюся в фактическом признании

¹⁵⁰ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 409.

¹⁵¹ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1951, стр. 628.

¹⁵² «История Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1957, стр. 159.

права отдельных семей на обособленные земельные владения, принадлежавшие прежде всему роду.

Таким образом, для исследователей истории или экономики дореволюционного Казахстана эпопея представляет возможность глубже вникнуть в отдельные стороны этого сложного вопроса и в сопоставлении с другими документальными свидетельствами, безусловно, может быть использована как надежный исторический источник для изучения земельных отношений казахов второй половины XIX века и связанных с ними правовых норм.

Разработка автором земельной проблемы послужила также основой реалистической убедительности художественного изображения прошлого в романе. Конфликты же, завязывающиеся вокруг земельного вопроса и отражающие жестокость времени, стали почвой, на которой проявились характерные черты героев произведения, порожденные этим временем.

Наряду с раскрытием основных особенностей социально-экономических отношений казахского общества второй половины XIX века М. О. Ауэзов уделяет большое внимание изображению основной отрасли его производства — пастбищно-кочевому скотоводству.

Вся экономическая жизнь казахов фактически находилась в самой тесной связи с требованиями экстенсивного кочевого скотоводства, построенного на постоянном кочевании — сезонной смене пастбищ, так как скот круглый год находился на подножном корму.

Эта специфика пастбищно-кочевой системы хозяйствования пронизывает в «Пути Абая» всю жизнь казахского общества, весь его экономический уклад, правовые нормы и пр.

С первых же страниц четко определяются в авторском примечании основные принципы организации кочевого скотоводческого хозяйства:

«Сыновья и ближайшая родня хозяина аула кочевали вместе с ним до тех пор, пока поголовье аульного стада не превосходило установленного количества, когда общий водопой, пастьба и уход за скотом становились уже неудобными (так, например, нельзя держать в одной отаре более тысячи овец). Тогда члены семьи выделялись из «Большого аула» отца со своим скотом, юртами и «соседями», образуя новый самостоятельный

аул, кочующий и зимующий отдельно, но обычно по соседству»¹⁵³.

Так выделились и составили самостоятельные аулы хозяйства Такежана, Абая, Оспана и других персонажей романа.

Если посмотреть на эпопею в этом плане, то мы увидим, что вся сложная и многообразная жизнь народа, его политическая борьба и производственная деятельность протекают на фоне крайне неустойчивого, примитивного экстенсивного скотоводческого хозяйства, подчиняются его нуждам.

В связи с этим встречается масса интересных наблюдений автора, описаний бытовых деталей, связанных с жизнью кочевника.

Так, весной, еще до перехода на весенние пастбища, на зимовках, ставятся юрты, «полные весенней свежести». В эпопее даны яркие картины весенней жизни аула. Автор умело вплетает в ткань художественного повествования подробные сведения о сроках кочевок, их длительности, перечисляет кочевые пути. Очень красочны изображения кочующих аулов, которые нередко собирались и двигались совместно, так как обильные весенние травы могли прокормить скот больших кочевых коллективов.

Широкие, богатые водой и пастбищами джайляу племени тобыкты находились за Чингизским хребтом, кочевка туда занимала около трех недель.

Вместе с аулом Кунанбая снимались с зимовки все родственные аулы и лавиной двигались за Чингиз, перебираясь разными тропами через его перевалы. При чем каждый род имел свои маршруты кочевий, на которые, как правило, никто не посягал, опасаясь военных столкновений или разбирательства суда биев. На летних пастбищах, расположенных чаще всего по берегам рек, пресных озер, родственные аулы собирались вместе и оставались там до сентября, когда начинался перегон скота на осенние пастбища. Особой яркостью отличается описание жизни аулов на жайляу, когда обыкновенно оживлялось общение родственников аулов, проводящих зиму на далеких друг от друга зимовках.

¹⁵³ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 39.

С летних пастбищ аулы тобыкты перекочевывали по склонам Чингизских гор к своим осенним пастбищам, где проводили сентябрь и октябрь. Род иргизбай имел осенние пастбища в ложбинах Ойкудыка и Акшоқы, богатых травами и водными источниками.

На осенних пастбищах уходу за скотом уделялось большое внимание, все хозяйства старались как можно лучше подкормить скот на зиму. Глубоким пониманием экономики кочевого скотоводства характеризуются многие описания автора. Приведем для примера некоторые из них.

«Подошел октябрь. Аулы уже закончили стрижку овец. Близились дни откочевки с осенних пастбищ, но никто не торопился на зимовки. Хотя вокруг аулов, стоявших на Ойкодыке, густые, как войлок, заросли ковыля и других степных трав были уже догола вытоптаны стадами, более отдаленные места все еще были богаты кормами. Избавившись от жары, скот поправлялся здесь быстро, на глазах, и заботливые хозяева, несмотря на неудобства, осенние дожди и холодный ветер, продолжали оставаться на местах»¹⁵⁴.

Интересны и другие детали, знакомящие с особенностями хозяйственной жизни аула на осенних пастбищах: «Юрты не были свободно разбросаны по лугу, как их ставят летом, их придвинули почти вплотную друг к другу и соединили изгородью из переплетенных стеблей чия, образующей ночной загон для овец. Богатый аул, не обращая внимания на холод, все еще не откочевывал с осеннего пастбища, дожидаясь, когда скот использует весь подножный корм в самых дальних уголках»¹⁵⁵. Или «Такежан, стараясь как можно дольше не трогать зимних кормов, все еще держал свой аул на осенних пастбищах, медленно кочуя к зимовью на Мусакуле»¹⁵⁶.

Пастбища и сенокосные угодья вокруг зимовок круглый год оберегались от потрав, чтобы иметь возможность поддержать скот в зимнее время. Поэтому неудивительно возмущение Оспана, заметившего, что возле зимовки, на том пастбище, которое он оберегал для скота, кормившегося еще прошлогодним сеном, па-

¹⁵⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 612.

¹⁵⁵ Там же, стр. 79.

¹⁵⁶ Там же, стр. 89.

сется около сотни оседланных коней аткаминеров, съехавшихся в его аул в связи с предстоящими выборами ¹⁵⁷.

М. О. Ауэзов дает конкретные сведения об организации и значении в экономике казахов второй половины XIX века кочевого скотоводства, о различных видах работ в скотоводческом хозяйстве. Художественно воспроизводя жизнь народа, он показывает, как кочевое скотоводство всесторонне обеспечивало натуральное хозяйство казахов пищей, одеждой, жилищем, посудой, топливом и пр.

Народ в эпопее показан, как правило, в процессе трудовой деятельности, направленной на обслуживание кочевого хозяйства: пастьба скота, заготовка на зиму кормов, пищи, топлива, ремонт зимовок и других хозяйственных построек (загонов для скота), занятия домашними ремеслами.

В этом отношении очень интересны сведения, которые можно почерпнуть из эпопеи, о строительстве казахским населением в северо-восточных областях Казахстана (вторая половина XIX века) зимовок с загонами для скота. Строительство последних, не говоря уже о жилищах, подтверждается многочисленными источниками.

«Для сохранения скота от суровых зим и буранов киргизы Семипалатинской области, в особенности в северной и средней полосе ее, начали устраивать в течение последнего двадцатилетия сырцовые или же дерновые с плоскими крышами, а иногда даже и деревянными, зимовки. При зимовках устраивают крытые дворы для помещения скота и защиты его от стужи и сильного ветра зимою, но дворы эти недостаточно обширны для вмещения всего скота, принадлежащего владельцам этих зимовок» ¹⁵⁸.

В этом же плане глубоко познавательно знакомство с внутренней структурой кочевого аула. Большая юрта главы аула ставилась на краю его, за нею по дуге располагались отау — «молодые юрты» женатых сыновей, затем ближайших родственников, специальные «гостиные юрты» для приезжающих и дальше — юрты «соседей», обслуживающих аул. На этом краю аула устраи-

¹⁵⁷ Там же, стр. 44.

¹⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471, лл. 7—70.

вались *котан* — открытый загон для овец, *жели* — привязь для жеребят, ставились юрты для варки сыра и т. п.

Как уже отмечалось, автор широко показал непосредственных производителей — шаруа, которые пасут скот, производят стрижку овец на осенних пастбищах, клеймят коней перед отправкой их на зимние пастбища, доят овец, коров, кобылиц, разбирают юрты перед кочевкой и выполняют множество других обязанностей в хозяйстве.

В целом вся жизнь трудящихся-скотоводов была подчинена уходу за скотом.

М. О. Ауэзов много внимания уделил описанию тяжелейшего труда табунщиков, которые на пастбищах постоянно следовали за скотом. Особенно страдали табунщики в зимнее время, когда, лишённые крова и теплой одежды, они без отдыха охраняли скот от волков, конокрадов, спасали его во время снежных буранов. На всю ночь у отар устанавливалась конная охрана, табунщики жгли костры и до самой зари не переставали шуметь, чтобы отогнать волков.

Нелегким был труд пастухов и во время кочевок. Но если для кого-нибудь кочевка — удовольствие, то чабанам и табунщикам она доставляет бесконечные хлопоты, неисчерпаемые заботы, сплошную муку: то расседланные кони забредут в чужой табун, то ягнята одного аула смешаются со стадом другого, то овцы перепутаются так, что не разобрать... В такой неразберихе ягнята и бараны беззащитной бедноты становятся добычей любителей чужого добра... И сколько аткаминеров, оберегая свое стадо, потрошат в ночной темноте живую «прибыль», оказавшуюся в их табуне...»¹⁵⁹

Экстенсивное кочевое скотоводство часто страдало от стихийных бедствий. Особенно пагубно отражались на нем периодически повторяющиеся джуты, гололеды, во время которых скот уже не мог добывать себе корм из-под толстого слоя снега и льда, что приводило к его массовой гибели.

«Путь Абая» дает возможность представить, какие дальние перегоны скота производили табунщики, спасая скот от надвигающегося джута. Это подтверждается и другими источниками. В 1856 г., по данным Семи-

¹⁵⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 84.

палатинской администрации, «по случаю заледелености снегов киргизы угнали свой скот далеко от обыкновенных стойбищ и сами отчасти откочевали к Балхашу и реке Чу»¹⁶⁰.

Таким образом, тяжелый труд скотоводов требовал особенного напряжения во время джута, когда вся семья от мала до велика выходила спасать скот — единственный источник своего существования.

Так, во время бурана, описанного в романе, который бушевал трое суток, заматая пастбища, «ни мужчины, ни женщины, ни дети — никто не раздевался и не знал покоя ни днем, ни ночью; то и дело они обходили и осматривали загон, где стоял их жалкий скот»¹⁶¹.

Часто повторяющиеся джуты вели к обнищанию народа. «В этом году на всех джайляу было не так, как все прошлые годы. Невеселое лето, полное уныния, скорей напоминало осень. Старейшины, даже Кунанбай, перестали делать обычные сборы родичей... Спорить о стоянках и о выгонах было нечего: кроме рода иргизбай и аулов Байдалы, Байсала, Суюндика и Каратая, везде было мало скота, и не для чего было оберегать пышную зелень предгорий — давнюю и постоянную причину ссор и раздоров. Тем, кто ворочал делами племени, не приходилось проявлять свою силу и власть. Почти весь народ страшно обеднел после джута и подстрекатели предпочитали сидеть смирно»¹⁶².

Во время джута прежде всего страдали малоземельные роды (род иргизбай, завладевший лучшими землями тобыкты, не пострадал). «Джут, как и везде, разорил большую часть рода жигитек, у которого было мало пастбищ. Аулы Каумена и Караши оказались разоренными дотла. У таких жигитов, как Базаралы, Балагаз, Абылгазы и Адильхан, осталось по одному коню»¹⁶³.

Представители же сильных, богатых земель родов и перед лицом разбушевавшейся стихии были в значительно более благоприятном положении, чем рядовые шаруа. Об этом с горечью говорит Базаралы, отмечая, что джут менее опасен аулам, имеющим хорошие па-

¹⁶⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, л. 387 и об.

¹⁶¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 319.

¹⁶² Там же, стр. 350.

¹⁶³ Там же, стр. 353.

стбища: «Земли, добытые Кунекеном (Кунанбаем.— Л. А.), выручают иргизбаев»¹⁶⁴.

Реалистическое воспроизведение труда народа, граничащее с подлинно научной достоверностью, органически сливается с поэтическим изображением в романе самой степной жизни. Великолепные картины природы, с которой тесно связана вся жизнь кочевника, создают разительные контрасты между величием и красотой родной земли и тяжелой участью человека, трудящегося на ней, придают особую силу исторически верному отражению противоречий этого жестокого века.

* * *

Эпопея «Путь Абая», построенная на глубоком изучении автором жизни казахского дореволюционного аула, дает возможность проникнуть в самую суть патриархально-феодальных производственных отношений.

Пережитки патриархально-родовой идеологии были поставлены на службу феодальной верхушке казахского общества, так как различные традиции патриархальщины помогали скрывать отношения господства и подчинения между антагонистическими классами, маскировали жестокие формы эксплуатации феодально-зависимых крестьян. Правда, в целом устои патриархально-родовой идеологии в рассматриваемый период значительно пошатнулись, но наличие родового строя и аульной общины, где все члены считались родственниками, происходившими от одного общего предка, и были обязаны помогать друг другу в случае феодальных междоусобиц, оказывать помощь в хозяйстве и т. п., способствовало сохранению патриархально-феодальных отношений в казахском ауле.

В исторической литературе до сих пор детально не изучены формы эксплуатации свободных общинников (шаруа), которые вели самостоятельное хозяйство и не были связаны непосредственной экономической зависимостью от феодала, не получали от него скота, необходимого для ведения хозяйства, на различных каменных условиях.

¹⁶⁴ Там же, стр. 311.

Эпопея «Путь Абая» дает в этом отношении интересный жизненный материал, помогающий дополнить наши представления по этому вопросу, так слабо отраженному в исторических источниках. В этом плане особенно примечательны факты, подтверждающие, что рядовые общинники за право пользования пастбищами, которыми, как уже отмечалось, распоряжались феодалы, выполняли целый ряд отработочных повинностей в хозяйстве феодала, сочетая их с ведением своего личного хозяйства.

К отработочным повинностям относились: перегон и пастьба скота феодала во время кочевки, разборка и сборка юрт, копанье колодцев, постройка и ремонт жилых и хозяйственных сооружений, сенокосение, заготовка топлива на зиму. Абай, например, требуя помощи бедноте во время джута, говорил Такежану: «Эти родичи всегда косили вам сено, копали колодцы, пасли скот, работали для вас»¹⁶⁵.

Все виды отработок квалифицировались как «родственная помощь» однородцу. Согласно этой традиции, население общины выходило спасать байский скот во время джута, занималось заготовкой сена для байского скота и т. п. Особенно наглядно проявлялась «служба» своему феодалу во время многочисленных феодально-родовых междоусобных стычек, в которые беспрекословно, по первому зову феодала, включались рядовые общинники. Так, по приказу Кунанбая формировались боевые отряды, происходили кровавые побоища. В последних, защищая корыстные интересы феодала, гибли или получали тяжелые увечья члены общины.

Не находясь в личной зависимости от феодала, свободные общинники формально могли уйти из-под его власти, переселиться в другой род. Однако этому препятствовало господство патриархально-феодальной идеологии в сознании кочевников, считавших позорным покидать свой род.

Наряду с этим феодалы широко практиковали в подчиненных им общинах произвольные поборы под видом подарков и подношений.

Например, в романе неоднократно упоминается о богатых подарках (скот и ценности), полученных Кунанбаем от различных аулов. Формально эти подарки

¹⁶⁵ Там же, стр. 322.

носили добровольный характер, но фактически были строго обязательны. Об этом красноречиво говорит и архивное дело Кунанбая Ускенбаева, дающее представление о том, как старший султан под предлогом «родственной помощи» изымает скот у своих сородичей.

Так, Кунанбай в 1850 г., пригласив к себе Божея Иралина и других биев и старшин, объявил, «что у него верблюды хворают, кочевать невозможно, просил пособить, дать ему на время», причем он сам распределил, как об этом свидетельствуют архивные документы, кто должен дать ему верблюдов и по сколько; таким образом ему было передано 70 верблюдов¹⁶⁶.

Родовые старшины, выполняя требования ага-султана, принуждали рядовых общинников отдавать султану требуемое количество скота. Например, некий Куванч Утемисов показал, что он по приказанию старшины «... отвел и отдал его, Кунанбая, жене Ульджане верблюда одного, также не знает за что». «Кенгельды Иралин по приказанию старшины отдал Кунанбаю лошадь»¹⁶⁷.

Приведем документ, из которого видно, что коллективная помощь сородичей своему феодалу была не чем иным, как одним из видов феодальных повинностей, и всякие попытки рассматривать передачу скота как временную помощь с возвратом решительно подавлялись Кунанбаем. «Аульный старшина Каратай Сапаков показал, что со всего рода кокчинцев, к которому принадлежит и он, собрано 25 лошадей, которые отданы при нем. частью самому Кунанбаю, когда он был волостным управителем, и частью Майбасару, когда он поступил в эту должность; и как, собственно, им, Сапаковым, в то число лошадей дано не было, то он султану Кунанбаю дал 3-х верблюдов — по хворости его на время, но он таковых не возвратил, и на затребование оных начал с ним ссориться»¹⁶⁸.

Подобных свидетельств множество. Например, показание Уркунбая Азбергена, который «со своего аула отдал Кунанбаю трех верблюдов, а Майбасару — своих четырех лошадей, первому — на время, которых

¹⁶⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3649, лл. 119 об., 120.

¹⁶⁷ Там же, л. 135 об.

¹⁶⁸ Там же.

Handwritten notes in Cyrillic script, likely a list or journal entries, written on a piece of paper with a dark border. The text is dense and somewhat illegible due to the quality of the scan and the handwriting. It appears to be a collection of observations or records, possibly related to the location of Abay mentioned in the caption. The notes are organized into several paragraphs or sections, with some lines starting with numbers or letters. The paper shows signs of wear and tear, particularly at the bottom edge.

Образец записей М. О. Ауэзова сделанных на родине Абая.

обратно никто не получил, а о последних хотя и спросил Майбасара, на какой предмет он собирает лошадей, но он ему ответил, не его дело о том знать, а когда велят, то должен дать»¹⁶⁹.

Тайгулу Кунанбаев показал, что «он Кунанбаю отдал двух верблюдов и, зная, что возврата их от него ожидать нельзя, сказал ему на вопрос его, что таких отдал вовсе, и сверх того на поминки отца подарил 100 баранов». Однако настолько велик был страх перед грозным ага-султаном, что, дав показания, он просил «от очной ставки его с Кунанбаем оставить во избежание бурных последствий»¹⁷⁰.

Совершенно очевидно, что приношения такого рода носили принудительный характер.

Родовая верхушка — султаны, би́и, старшины — имела неписанное право облагать население и натуральными повинностями в виде сбора мясных продуктов для семьи феодала.

Так, в качестве «подарков», «добровольных» подношений широкое распространение имели *согым* — налог скотом для заготовки продуктов питания феодалу на зиму и *сыбага* — натуральная повинность в виде подношения феодалу мяса скота весеннего убоя. При господстве патриархально-феодалных отношений эта зависимость представлялась народу в замаскированной форме как почитание старших сородичей. Например, как только Большой аул пришел на жайляу, «в первый же день им со всех сторон стали приносить мясо и кумыс — полагающееся по обычаю приношение Зере и приветствие Большому аулу. Женщины приходили непрерывно, по несколько человек»¹⁷¹.

Или другая картина такого рода. «Подъезжая к аулу Улжан, друзья поняли, что ее только что посетили гости с сыбага: женщины всех возрастов, начиная от почтенных ее верстниц, на нескольких телегах уезжали на восток»¹⁷².

В основе всех этих форм зависимости, выдававшихся за «родственную помощь», безусловно, кроме патриархально-родовых пережитков лежали глубокие эко-

¹⁶⁹ Там же, л. 137.

¹⁷⁰ Там же, л. 139.

¹⁷¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 198.

¹⁷² Там же, стр. 438.

номические причины. Рассмотрение земельного вопроса со всей очевидностью показывает, что право феодалов держать в своих руках всю организацию пользования пастбищами в системе кочевого хозяйства обеспечило их господство в земельных отношениях. Выражением последнего являлись и различные формы продуктовой и отработочной феодальной земельной ренты, верно воспроизведенные в романе.

Эти сложные формы зависимости, связанные с правом феодалов распоряжаться пастбищами, нашли отражение и в «Материалах по киргизскому землепользованию...», относящихся к Семипалатинскому уезду. Так, о роде кокше Мукурской волости в указанном источнике говорится, что «обеспеченные владельцы больших табунов кочуют отдельно друг от друга, иначе им было бы тесно; к каждому из таких богачей и присоединяются бедные родственники, которым было выгодно присоединиться к богачу — своих лошадей и овец они пускают в стада последнего бесплатно, пользуются вьючным скотом его..., но за это делается полурабами его»¹⁷³.

Следовательно, наряду со свободными общинниками — шаруа, выполнявшими временные повинности в пользу феодально-родовой знати, существовала значительная часть обедневших кочевников, которые не имели возможности вести самостоятельное хозяйство без помощи феодала, выделявшего им некоторое количество скота. Эта часть аульной бедноты находилась в прямой зависимости от феодала и выполняла постоянную работу в его хозяйстве.

В романе часты описания феодального аула: белые байские юрты и нищенские жилища бедняков-сородичей, работающих на баев.

Например, аул Такежана. «Он сильно разросся, кругом пестрели табуны, вокруг большой юрты хозяина стояло свыше десятка юрт соседей-прислужников»¹⁷⁴. Абай, глядя на убогие, закоптелые юрты скот-

¹⁷³ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей под руководством Ф. А. Щербины», т. X, Семипалатинский уезд. Воронеж, 1900, стр. 77. В дальнейшем: Указанные материалы по киргизскому землепользованию.

¹⁷⁴ М. А у э з о в. Абай, кн. 2, стр. 79.

ников или сторожей, замечает: «Все тут работают только на них...»¹⁷⁵

Эта полностью пауперизированная или имеющая ничтожное количество скота, не обеспечивающего прожиточного минимума, часть казахского крестьянства, была объектом особенно жестоких форм патриархально-феодальной эксплуатации.

Под видом родственной помощи феодал представлял *консы* (беднякам) во временное пользование одну или две дойные коровы, иногда коз или овец, транспортных животных, чтобы семья консы имела возможность кочевать вместе с феодалом и выполнять различные повинности в его хозяйстве.

Складывавшиеся таким образом отношения выступали под видом «родственной помощи» феодала своему обедневшему «сородичу» или соседу, который, вечно кочуя с феодалом, якобы стал «своим» человеком. При этом феодал сохранял право в случае невыполнения его приказа в любое время отобрать свой скот. Институт «сауын», таким образом, являлся типичной формой феодальной отработки»¹⁷⁶.

Отрабатывая за скот, полученный от феодала для прокормления семьи, консы попадали в тяжелую бессрочную зависимость от скотовладельца. Это была наиболее удобная форма обеспечения байского хозяйства дешевой рабочей силой.

Все многообразные виды отработочной ренты, которые несли феодальнозависимые крестьяне-скотоводы, отражены в романе.

«Далеко вокруг разбрелись по пастбищам пестрые многочисленные табуны и стада. В одних сотни голов, в других тысячи. Все они принадлежат белым юртам, но обитатели черных юрт знают это живое богатство гораздо лучше, чем его хозяева. Здесь, в дырявых юртах, живут пастухи, доильщики, табунщики, чабаны, сторожа многочисленных стад. Зимой и летом с рассвета до вечерней зари и все ночи напролет бедняки заботятся о скоте»¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Там же, стр. 80.

¹⁷⁶ Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 52.

¹⁷⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 156.

Глубокая классовая дифференциация казахского общества, беспросветная нужда и экономическая зависимость обедневших сородичей от феодалов, воспроизведенные в эпосе, подтверждаются и отдельными литературными источниками того времени.

«Всякий, кто немного пожил среди киргизского населения и тесно соприкасался с его жизнью, не мог не заметить то страшное экономическое рабство, которое господствует в обыденной жизни населения. Это рабство с обеднением растет все больше и больше. Каждая часть аула или рода состоит из двух элементов — одной-двух семей богатых, остальные бедняки, и первые две семьи являются над остальными полными господами — чуть не с правом жизни и смерти. Вся жизнь сосредоточена на этих двух семьях, все остальные его работники, беспрекословно исполняющие его волю»¹⁷⁸.

Грубая, жестокая расправа за малейшую провинность — обычное явление в обращении с зависимыми людьми аула.

Вот, например, Майбасар, брат Кунанбая, которому принадлежало в ауле право «управления с коня», после отъезда Кунанбая жестоко избивает длинной плеткой на полном скаку мальчика-пастуха, заслушавшегося песней и упустившего ягнят. Бесправный больной отец пастушонка может лишь посылать проклятия Майбасару в бессильном горе: «У твоих же табунов нажил я эту окаянную болезнь! Не на вашем ли котане просиживал я долгие осенние ночи, ночевал на снегу, оберегая стадо? Проклятый Майбасар... Меня довел до могилы, а теперь за малыша принялся»¹⁷⁹.

За ежедневный тяжелый, изнурительный труд беднякам платили жалкими подачками. Так, старый Буркитбай жалуется: «50 кобылиц, и каждую 10 раз в день доить надо... к ночи еле до дому доберешься»¹⁸⁰.

Бедняки, получившие молочный скот от бая, должны были доить байский скот и готовить разнообразные молочные продукты.

Скотоводческое хозяйство требовало навыков приема приплода, воспитания молодняка, умения приучать лошадей и верблюдов к хозяйственным работам

¹⁷⁸ В. Остафьев. Указ. соч., стр. 46.

¹⁷⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 449.

¹⁸⁰ Там же, стр. 447.

и т. п. Все это выполнялось зависимой от бая аульной беднотой.

«Затраты труда еще больше увеличивались в холодное время года.

В этот период надо было устраивать передвижные загоны на ночь овцам и верблюдам рядом с юртами кочевников... Большая физическая сила затрачивалась работниками на то, чтобы очистить огромное пространство кона от снега и мерзлоты для того, чтобы устроить место для ночевки стад овец и верблюдов. Это повторялось почти ежедневно в процессе осенне-зимних кочеваний»¹⁸¹.

Особенно тяжелым был труд табунщиков во время многодневных снежных буранов с лютой стужей и стаями голодных волков. Трагически гибнет во время одного из таких буранов табунщик Алтыбай. «Двенадцать лет из своей тридцатилетней жизни табунщик провел с лошадьми. Не видавший ни дня, ни ночи покоя, заботившийся о табунах больше, чем их хозяева, он погиб, до последнего дыхания защищая чужое добро»¹⁸². Сильное впечатление производит описание невыносимых условий труда табунщиков во время джута или бурана, когда «пасти скот... не легче, чем биться с врагом»¹⁸³.

Баи высылают в лютую стужу раздетых, полуголодных людей для охраны стад. Так, например, гибнет от холода пастух Байтуяк из аула Дильды.

Эпопея «Путь Абая» воскрешает и жестокую эксплуатацию женского труда. Женщины из зависимых от феодала семей бедняков выполняли всевозможные работы по обслуживанию байского хозяйства. Горестно жалуются на свою тяжелую долю женщины, работающие в черной рабочей юрте Айгыз, которая «только и кричит: «Дои коров, дои овец, сбивай иркит, вари курт, справишься — беги с мешком за спиной, собирай по степи кизяк». «Встанешь на заре с птицами — так и не присядешь, пока байбише не лягут и ты над ними тундук не закроешь»¹⁸⁴.

Женский труд оплачивался нищенски. Мать пасту-

¹⁸¹ С. Е. Толыбеков. Указ. работа, стр. 137.

¹⁸² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 744.

¹⁸³ Там же, стр. 745.

¹⁸⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 446.

ха Такежана Исы, старуха Ийс, «всю холодную осень дубила кожу, а теперь Каражан заставила ее трепать шерсть, вить веревки, плести арканы и недоуздки. И приходя в сумерки домой после тяжелого, непрерывного труда, старая мать приносила в семью заработанную ею еду: остатки супа, обглоданные кости, испорченный творог, затхлую пшеницу, разные объедки. Но и это праздник для малышей и кое-какая поддержка для взрослых»¹⁸⁵.

Подобные картины патриархально-феодальной зависимости, широко представленной в эпопее, позволяют проникнуть в самую суть этого социального института, увидеть безграничную власть феодала над зависимой беднотой. ✓

Вот во время снежного бурана, угрожавшего гибелью байскому скоту, Такежан разогнал по отарам и стадам не только мужчин и женщин, но даже и детей. Все зависимое от него население аула беспрекословно выполняло его волю. Сын Такежана Азимбай с побоями и проклятиями обрушивается на пастуха Ису, заставляя его, целый день бывшего со стадом, в дырявых сапогах и чапане догонять овец, угнанных бураном в степь. «Пастухи, доильщики, истопники, служанки, ежась от дикого ветра в своих лохмотьях, забыв о себе, берегли байский скот. Спасать добро Такежана вышли все люди аула...»¹⁸⁶

Иса простудился во время бурана, тяжело заболел и умер. Умирая, он говорит: «Так и кончается жизнь, как прошла — у чужого порога»¹⁸⁷.

Между тем Азимбай не только не оказывает помощи его осиротевшей семье, но даже забирает себе шкуры четырех волков, убитых Исой, спасавшим байское стадо. Это дает основание Абаю сказать: «Ты не только убил, но и ограбил мертвого».

✓С большой изобразительной силой отражено в романе бесправное положение аульной бедноты, находившейся в полной зависимости от бая, оплачивавшего ее труд жалкими подачками. ✓

Старик Жумыр, пастух верблюжьего стада у Исхака, сына Кунанбая, не имея возможности оплатить

¹⁸⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 114.

¹⁸⁶ Там же, стр. 104.

¹⁸⁷ Там же, стр. 114.

покибиточный сбор и недоимки, приходит за помощью в байскую юрту и просит оплатить недоимки за его труд, напоминая о том, что он ни разу не получал оплаты. Жена Исхака отказывает ему, заявляя с возмущением: «А у кого ты кормишься и зиму и лето? Что же, это не стоит платы?»

— Кормишься! Разве это пища? Объедки, остатки, помои! Это и для собак не жалко»¹⁸⁸.

В ауле Азимбая ночной сторож Канбак «третий год не получает никакой платы, его утешают только тем, что платят за него недоимки»¹⁸⁹.

Глубоко достоверны и тонко подмечены М. О. Ауэзовым и многие другие формы патриархально-феодальной эксплуатации.

Так, например, в ауле Такежана работает много лет доильщиком кобылиц Токсан. «Ему уже 35 лет, а он все никак не может выплатить за свою невесту стоимость пяти верблюдов. Так и живет бобылем, без семьи, без крова, привязанный к байской юрте. Азимбай все обещает ему уплатить за невесту, родители которой тоже живут в батраках такежановского аула, сторожа зимовки. Азимбай подговаривает их не отдавать пока Токсану свою дочь, обещая выколотить из него настоящий калым. А самому Токсану он все не платит за службу, держа его, таким образом, на привязи в своем ауле. Дело в том, что Азимбай узнал намерение Токсана откочевать после женитьбы в другой аул, а лишиться такого старательного и хорошего работника не хочется»¹⁹⁰.

√ Изображая повседневное течение жизни народа в труде, М. О. Ауэзов на протяжении всего романа представляет его как создателя материальных благ общества, творца истории. Народ в эпопее — не безликая масса, его вымышленные образы строго индивидуализированы и в то же время типичны для этой эпохи. Это старик Даркембай, пастух Иса, старуха Ййс, поэт Дармен, воплощающие в себе характерные черты народа.

Автор с большой разоблачительной силой показывает, как, выжав из зависимых и обедневших сородичей все силы, баи быстро забывали о прежних «родст-

¹⁸⁸ Там же, стр. 159.

¹⁸⁹ Там же, стр. 160.

¹⁹⁰ Там же.

венных связях» со своими работниками и, когда они становились больными и нетрудоспособными, бросали их, обрекая на голодную смерть. Так возникали аулы бедняков — выходцев из разных родов. Об их горькой доле говорит Даркембай: «Напрасно я всю жизнь работал на Суюндика и Сугира. Никто из них не сказал мне: «Когда у тебя были силы, ты держал мой соил, был моим глазом, оберегал мое добро, зимой стерег мой стада. Теперь ты ослаб, но без помощи не останешься»¹⁹¹. √

В ауле жатаков, о котором говорит Даркембай, собрались все больные, старики, неспособные к труду в байском хозяйстве люди. «Каковы юрты, такова и жизнь в них: все дырявое, худое, истрепанное, высохшее. Выкинули их баи, как негодные вещи... Раз не в силах идти за стадами Кунанбая, Божея, Байсала, Суюндика, Сугира, Каратая и по кочевьям — значит и не нужны им, как старое седло или дырявое выдерко»¹⁹².

Таким образом, конкретный материал романа подтверждает выводы ученых-историков, что «под видом родовой помощи феодальная знать подвергала бесчеловечной эксплуатации своих бедных сородичей и подвластные им трудовые массы казахов. Старые, патриархально-родовые институты, приспособившаяся к развивающимся феодальным отношениям, стали орудиями эксплуатации»¹⁹³.

В этом глубоком проникновении в сущность социально-экономического положения народа в отличие от присущего буржуазным историческим романистам поверхностного изображения быта и народных обычаев лишь в качестве одного из реквизитов эпохи со всей полнотой проявляется подлинная народность эпопеи М. О. Ауэзова, который, руководствуясь марксистской методологией, стремился воссоздать эпоху через жизнь и судьбу народа.

Справедливость требует признать, что, касаясь земельного вопроса, форм патриархально-феодальной

¹⁹¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 529.

¹⁹² Там же, стр. 530.

¹⁹³ Е. Бекмаханов. К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX в. «Вестник АН КазССР», 1950, № 2, стр. 97.

эксплуатации, межродовой борьбы и целого ряда других вопросов исторического бытия народа. М. О. Ауэзов создал многосторонние правдивые картины исторического прошлого казахов, таким образом, в отдельных случаях предвосхитил историков, только подходивших к глубокому исследованию этих проблем как в отношении фактических данных, так и в отношении обобщения и осмысления описываемых явлений. Достаточно вспомнить, что первая книга эпопеи опубликована в 1942 г., тогда как попытка создать систематизированную историю Казахстана с древнейших времен до Октябрьской революции была предпринята в 1943 г. Первое издание «Истории Казахстана» оказалось несвободным от целого ряда серьезных методологических ошибок и подвергалось неоднократной переработке и исправлениям.

В этой научной достоверности изображения действительности, убеждающей читателя психологической глубиной и исторической правдой художественного образа, проявляется одна из наиболее важных и характерных черт метода социалистического реализма — органическое сочетание научно-познавательного начала с началом образно-эмоциональным.

Хронологически начало эпопеи «Путь Абая» относится к середине XIX века, когда после присоединения Казахстана к России уже прочно вошли в жизнь значительные изменения в политическом устройстве Среднего жуза, где происходили описываемые в романе события. Последний еще по «Уставу о сибирских киргизах», разработанному М. Сперанским в 1822 г., был разделен на административные округа, во главе которых стояли окружные приказы, представлявшие местную власть в колониальном аппарате. Председателем окружного приказа был старший султан (ага-султан), избиравшийся волостными управителями и утверждавшийся царской администрацией, которая имела право отвести неугодную кандидатуру и назначить новые выборы.

Деятельность султанов-правителей была ограничена во многих сферах и находилась под контролем царской администрации.

Будучи тесно связанными с Пограничным управлением, окружные приказы опирались в случае необхо-

димости на чиновничий аппарат и воинские части. Округ составлялся приблизительно из 15—20 волостей, последние делились на административные аулы (10—12), насчитывавшие в среднем 50—70 кибиток каждый. Кроме ага-султана местное управление было представлено волостными управителями и старшинами, стоящими во главе аулов. В эпопее эта новая система управления не только наглядно представлена на многих сторонах жизни казахского общества, но и показано, как она способствовала усилению колониальной эксплуатации края.

Проведение в жизнь новой системы управления активно подрывало основы родовой организации общества, так как новое административное деление не всегда точно совпадало с границей родов и потому встречало в ряде случаев активное сопротивление. Враждующие между собой роды нередко не желали входить в одну волость, особенно когда во главе ее оказывался представитель враждебного рода. Так и в эпопее «Путь Абая» жигитеки, недовольные назначением Майбасара волостным, требуют разделения волости на две, чтобы во главе одной из них поставить Божея, как это зафиксировано и в названном выше историческом источнике, связанном с разбирательством дела Кунанбая.

Царское правительство, вводя новое административное устройство степи и стараясь приблизить управление к общероссийскому, придавало важное политическое значение разрушению крупных родоплеменных объединений.

Эта тенденция нашла отражение и в заключении особой комиссии, командированной в степь в связи с подготовкой реформы 1868 г. и пришедшей к выводу, что «роды, составляя большие и неравномерные единицы, раскинуты на значительном пространстве и что соединение большого рода под властью одного родоначальника может быть вредно в политическом отношении»¹⁹⁴.

Из материалов «Пути Абая» вытекает, что борьба за власть господствующей верхушки казахского общества носила исключительно напряженный характер.

Родовые воротилы иргизбаев, как наиболее сильно-

¹⁹⁴ Н. Максимов. Народный суд у киргизов. «Журнал юридического общества», кн. VIII, 1897, стр. 50—51.

го рода в тобыкты, в течение длительного времени удерживали власть над племенем в своих руках. Кунанбай, отказавшись от должности волостного, передал ее своему сыну Такежану. Бывало даже так, что трое из семьи Кунанбая были волостными управителями одновременно в различных волостях округа.

Ловкие политиканы, потомки Кунанбая, ведя большую предвыборную игру, выясняя настроение родовой верхушки, привлекали на свою сторону нужных людей. С этой целью также устраивались родовые сборища, съезды аткаминеров, на которых «равнодушных, колеблющихся, сомневающихся следовало привлечь на свою сторону, а против тех, кто может навредить, заранее принять меры»¹⁹⁵.

Таким образом, подкуп стал решающим фактором в ожесточенной предвыборной борьбе различных партий. Например, задавшись целью провалить на выборах Оспана, группа биев, старшин семи родов тобыкты, стремилась привлечь на свою сторону выборщиков — елюбасов: «... на них нужно было действовать уговорами, взятками и подарками, обещать выгодные должности после победы на выборах и добиться от них клятвы, что они опустят шары за того, кого им назовут»¹⁹⁶.

На этом и множестве других аналогичных примеров можно убедиться, что выборы местных органов власти в условиях патриархально-феодального строя и колониального угнетения носили ярко выраженный феодальный характер: в них участвовали и могли быть избранными лишь представители господствующего класса.

Старшим султаном совместно с окружным приказом заранее подбирались выборщики из состава биев, султанов, аульных старшин и других представителей местной знати. Народ же присутствовал на выборах лишь в роли любопытствующей толпы, не могущей выразить свою волю.

Антинародный характер подобных выборов М. О. Ауэзов дает почувствовать в ряде описаний. Вот одно из них: «Урядники, старшины, посыльные широ-

¹⁹⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 41.

¹⁹⁶ Там же, стр. 48.

ким полукольцом оцепили «выборную юрту», не допуская к ней напирающую толпу».

В рассматриваемый период народ уже испытывал на себе всю тяжесть двойного, феодально-колониального гнета. Уставом 1822 г. было определено, что казахское население должно выплачивать царскому правительству ясак — одну голову со 100 голов скота.

Размеры ясака и других казенных сборов определялись, как можно судить по эпопее, для различных аулов елюбасами совместно с представителями колониального аппарата управления степью. Причем при сборе налогов аткаминеры стремились к тому, чтобы основная их часть распределялась по юртам худородных бедняков.

Кроме официальных налогов в казну с казахского населения взимались так называемые «черные сборы», поступавшие в распоряжение волостного.

«По существу это было просто взяткой, которую управитель вымогал у населения вдобавок к казенному жалованию. Эти поборы не имели ни установленных размеров, ни определенных сроков. Народ окрестил их «черными сборами». Этой доходной статьей волостной не мог пользоваться один: волей-неволей приходилось делиться с теми, кто помогал ему выколачивать «черные сборы». Отобрав у народа множество всякого добра — овец, коней, денег, аульные старшины, елюбасы и родовые старейшины делили с волостными добычу, получая каждый свою долю»¹⁹⁷.

На это классовое единение господствующей верхушки в ограблении народа обращалось внимание и во многих литературных источниках.

«Потратив массу сил и средств на выборы и принадлежа к одной партии, и волостной управитель, и бии стремятся к одной цели — залечить свои выборные раны и вознаградить за понесенный ущерб, чего можно достигнуть лишь в том случае, если рука руку моет»¹⁹⁸.

Однако дележ добычи, при котором проявлялись страшная жадность и стяжательство аткаминеров, протекал далеко не мирно. Так, на съезде в ауле Оспа-

¹⁹⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 41.

¹⁹⁸ Н. Максимов. Указ. работа, стр. 52.

на «общее согласие, с которым аткаминеры обсуждали, сколько нынче можно взять у народа, сразу же исчезло, едва речь зашла о доле каждого из них в будущей добыче».

Шубар, как волостной, и поддерживаемые им другие кунанбаевцы показали такую жадную хватку, что остальные уходили обиженными, затаив злобу»¹⁹⁹.

При раскладке и сборе податей, поступавших в казну, волостные управители путем всяческих махинаций взимали скот в большем количестве, чем полагалось по числу семей. Это было одним из главных источников дохода волостных управителей и других представителей местной власти. Недаром Абай, поразившись, что табун Такежана достиг 500 голов, делает следующий безошибочный вывод: «15 лет назад мы с Такежаном выделились из Большого дома, каждому досталось по 80 голов. Видно, Такежан насосался на должности волостного»²⁰⁰.

Кроме того, в своей повседневной деятельности старшие султаны, волостные управители, бии и другие представители местной власти широко практиковали взяточничество при решении спорных вопросов. Творя неправый суд, казахские плутократы сделали взятку серьезным источником дохода.

Так, Кунанбай на правах старшего султана, находясь в Каркаралинске, «разрешил» целый ряд конфликтов между представителями разных волостей. В результате по пути его следования домой он получает взятки в форме щедрых подношений от лиц, решивших с его помощью выгодные для себя дела.

«Чем ближе к тобыкты, тем число подношений все увеличивалось. Теперь уже мало кто из свиты не вел за собой коня».

Когда табун, следовавший за Кунанбаем, достиг 100 голов, юному Абаю впервые открылись истинные источники богатства отца — подношение, иначе говоря, взятка за решение дел. Для него становится ясно, что средства на мечеть, построенную Кунанбаем, добыты путем лихоимства: «Мечеть, воздвигнутая за взятки, продолжает стоять. Не рухнет под тяжестью позора!»

¹⁹⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 45.

²⁰⁰ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 688.

М. О. Ауэзов показал, какой необыкновенно широкий размах получило взяточничество. Один из персонажей романа говорит, что феодалы берут овец отарами, коней — косяками, не отстают от них и городские начальники. Взятничество всячески поощрялось русскими чиновниками-колонизаторами, также наживавшимися за счет народа. Сын Кунанбая Исхак отдал 20 отборных коней за должность волостного уездному начальнику Казанцеву, в течение многих лет получавшему взятки за покровительство сыновьям Кунанбая. Не случайно, приехав на выборы волостного, когда была выставлена кандидатура Оспана, одного из членов семьи Кунанбая, он сразу же получил богатые дары; его жене «была преподнесена соболья шуба, крытая черным шелком, а в железную шкатулку Казанцева легли пачки заботливо перевязанных кредиток»²⁰¹.

Взяточничество, подкуп были нормой во взаимоотношениях феодально-родовой верхушки и колониальных властей, причем соперничающие группы старались превзойти друг друга в подкупе русского начальства.

Недаром Кунанбай, недовольный слабой поддержкой майора, его заместителя по Каркаралинскому приказу, которого казахи наделили прозвищем «пискенбас» (вареная голова), с беспокойством говорит: «Похоже, у этой «вареной головы» зоб крепко набит взятками... Божей и Байсал через Баймурына набили-таки ему брюхо»²⁰².

На это Алшинбай, другой крупный представитель феодальной верхушки, отвечает: «Боже мой, да разве есть тут начальник, который не брал бы взяток? Разве не берут они все и справа и слева, разве не глотают в два горла?»

Перетянув в конце концов на свою сторону майора с целью сокрытия противозаконных поступков, связанных с разгромом аула Божей, Кунанбай отваливает майору «изрядный кусок»: трех вороных коней для выезда и 500 рублей»²⁰³.

М. О. Ауэзов показывает, что, занимаясь подкупом вышестоящего начальства, волостные управители с

²⁰¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 49.

²⁰² М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 143.

²⁰³ Там же, стр. 163.

лихвой компенсировали свои расходы за счет народа.

Окружной приказ, во главе которого стоял Кунанбай, подчинялся Пограничному управлению в Омске, последнее — Главному управлению Западной Сибири. С 1854 г. Семипалатинская область находилась в ведении «Особого управления Семипалатинской области» во главе с военным губернатором, также фигурирующим в романе.

Таким образом, с середины XIX века местное управление все более тесно сливалось с колониальным, было поставлено на службу последнему. Колониальная политика проводилась в жизнь с помощью аппарата принуждения самодержавного государства.

Через все произведение четко проходит мысль, что в основе колониально-феодальной эксплуатации казахских трудящихся лежал союз местных властей с колониальными и их взаимная поддержка. Этот союз казахской феодальной верхушки с представителями царского самодержавия на местах был, таким образом, главной опорой проведения колониальной политики.

Не случайно во время ссоры Кунанбая с майором в Каркаралинске бий Алшинбай, примиряя их, говорит: «Вы — опора друг друга. Будете согласны — сумеете править народом».

Фактический материал эпопеи, претворенный в художественные образы, живые естественные картины народного бытия, убеждает, что политическая власть находилась, как правило, в руках тех представителей господствующего класса, которые кроме экономическое господства пользовались поддержкой царского колониального аппарата. В этой связи не раз подчеркивается, что «у Кунанбая длинные руки, он богат, он связан с внешним миром, с внешними властями, они с ним считаются, ценят его».

* * *

Эпопея «Путь Абая» содержит также богатый материал для изучения этнографии казахов второй половины XIX века.

Из романа вытекает, что весь быт казахского дореволюционного аула был полностью подчинен пастбищно-кочевому скотоводству, как преобладающей отрасли

хозяйствования. Все особенности жилища с его внутренним убранством, своеобразие одежды, предметов обихода, пищи и пр. обязаны своим происхождением условиям кочевого скотоводческого хозяйства. ✓

Большой интерес для этнографов представляют описания зимних и летних жилищ, их устройства, назначения отдельных предметов, их изготовления, особенностей быта людей разных сословий.

Очень важно, на наш взгляд, и то обстоятельство, что материальная культура казахов показана в романе в развитии, отражающем изменения в быту, происшедшие после присоединения Казахстана к России. В этом отношении характерны отдельные стороны быта жатаков, городских казахов.

Произведение содержит богатые сведения об одежде казахов второй половины XIX века: зимняя и летняя одежда мужчин, женщин, девушек с ее большими отличиями в зависимости от принадлежности к различным социальным группам.

Особенно тщательно описаны одежда женщин, соответствовавшая возрасту, времени года и назначению, наряды жениха и невесты во время свадьбы, траурное убранство участниц похоронных обрядов. Очень интересны наблюдения над особенностями одежды различных родов и племен. Например, отличия покроя тобыктинского малахая от головных уборов племени уак.

В художественное повествование органически вплетены данные о прикладном искусстве, связанные с развитием домашних промыслов и художественных ремесел в Казахстане во второй половине XIX века: ювелирного, кузнечного, плотничьего, кожевенного, портняжного, шорного и др.

✓ Глубокое проникновение в жизнь аула дало автору возможность отразить народные обычаи. Из них особенно красочно воссозданы свадебные обряды, народные празднества, связанные с рождением ребенка, поэтические картины гуляний молодежи в лунные ночи с песнями у качелей, в которых так ярко проявлялись музыкальность народа, любовь к поэзии, его духовный облик. Эпоея дает представление о похоронном ритуале, верованиях казахов. ✓

Уже краткое перечисление названных выше различных сторон народного быта убеждает в том, что богатейший материал эпопеи по этнографии казахов

XIX века невозможно вместить в рамки настоящей работы. Он может стать предметом самостоятельного изучения этнографов.

Вместе с тем необходимо отметить, что помимо своего познавательного значения все эти детали быта, т. е. вся материальная культура и народные обычаи, сами по себе несут важную функцию в создании неповторимых атрибутов эпохи, помогающих наглядно воспроизводить колоритные особенности обстановки, дух времени.

✓Люди предстают в романе во всей полноте и своеобразии. Севершено отчетливо видны их внутренний мир и внешний облик, их образы становятся благодаря бытовым деталям более убедительными, живыми. ✓ Этнографическая точность, подлинность созданного в романе быта, таким образом, одно из важных условий реалистического изображения персонажей и эпохи, их соответствия исторической правде.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ
НА РУБЕЖЕ ДВУХ ВЕКОВ
И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В ЭПОПЕЕ

К концу 60-х годов царское правительство приступило к усиленной колонизации Казахстана. Российский военно-феодальный империализм стремился распространиться на новые территории, «заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма»¹.

Среди ряда реформ, объективно способствовавших развитию капитализма в России, была реформа 1868 г., включившая Казахстан в единую для всей России систему управления.

Временное положение 1868 г. облегчало задачу колониального освоения Казахстана и отражало экономические интересы русских помещиков и промышленной буржуазии. Проведение в жизнь Временного положения 1868 г. внесло серьезные изменения в область административного управления, земельного вопроса, судопроизводства и налоговой системы.

Новое административное устройство имело целью нивелировать местные особенности, разрушить старые родовые связи. Во Временном положении совершенно не принималось во внимание родовое деление казахского общества, в основе его лежал исключительно территориальный принцип. В результате были созданы четыре новые области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская, подчинявшиеся генерал-гу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 86.

бернаторствам. Семипалатинская область входила в так называемое Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Генерал-губернатор сосредоточивал в своих руках всю полноту административной и военной власти.

Во второй книге эпопеи дана весьма характерная для того времени картина появления семипалатинского генерал-губернатора со своей свитой на Карамолинском межплеменном съезде, показаны подобоострашие и страх перед ним волостных управителей и других атакминеров.

По Положению 1868 г. области делились на уезды, последние на волости и аулы, которые также рассматривались как административные единицы. Управление осуществлялось русской областной и уездной администрацией. Лишь во главе волостей стояли выборные от казахского населения волостные управители, а административные аулы возглавляли старшины, назначаемые волостным управителем.

«В пределах волости управитель сосредоточивал в своих руках распорядительную и полицейскую власть. Он наблюдал за сохранением «спокойствия и порядка», за сбором податей и т. д.

В его обязанности входило приведение в исполнение решений суда биев...»²

Такого рода конкретная деятельность волостных управителей разносторонне отражена в эпопее, где четко проведена мысль, что в послереформенный период волостные управители становятся главной опорой царского самодержавия в колониальном угнетении казахского народа.

Уже в период подготовки реформы, в начале 60-х годов, волостные управители все более начинали опираться в своей деятельности на царский колониальный аппарат управления, в распоряжении которого находилась и военная сила.

В этом отношении характерны размышления Кунанбая, который в борьбе с конокрадами Балагазом и Абылгазы, занимавшимися хищением скота у родовой знати и помогавшими беднякам, ищет уже новых приемов в осуществлении своих карательных функций.

«Упорство Балагаза и Абылгазы заставило Кунан-

² Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX века. Алма-Ата, 1963, стр. 43.

бая призадуматься. По старой привычке ему надо было бы устроить набег и отнять все имущество у обидчиков, но сейчас, когда большинство бедствовало и голодало, делать этого было нельзя: мог разгореться нешуточный пожар.

Есть другой путь — жалоба по начальству. Самое лучшее — вызвать отряд, изловить преступников при помощи урядников»³.

После реформы некогда огромные районы управления (округа и крупные волости) оказались раздробленными на значительно более мелкие административные единицы, усилились позиции царской администрации на местах.

Разбивая крупные роды на различные волости, царское самодержавие наносило сильный удар по родовым устоям казахского общества с его авторитетом родовых старейшин, выступавших полновластными хозяевами в значительных районах.

Эту тенденцию раньше других усмотрел такой дальновидный политик, как Кунанбай Ускенбаев.

«С того дня, как вышел новый закон о волостных правлениях, Кунанбай твердо решил отказаться от должности. Когда существовало ага-султанство, управлявшее целым округом, Кунанбай прельщался властью. Потом последовало понижение — он стал старейшиной тобыкты, но даже и тогда все племя было под его рукой: «Разожмешь пальцы — на ладони, сожмешь — в кулаке». Но теперь руки начальства протягиваются все дальше и глубже. Единобо тобыкты не существует — он разбит на 3 волости. Быть правителем одной трети — не велика честь! А отказавшись от должности и стоя в стороне, можно сохранить большее влияние на все племя»⁴.

Реформа значительно усилила колониальный гнет, выразившийся, в частности, в увеличении налогов: кибиточный сбор с хозяйства вместе с земским сбором составляли 3 руб. 50 коп. в год, вместо 1 руб. 50 коп., взимавшихся ранее.

Основная тяжесть этих налогов ложилась на плечи казахских трудящихся, так как размеры налога не

³ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 369.

зависели от материального благосостояния плательщиков.

Реформа 1868 г. усиливала не только колониальный, но и феодальный гнет, ибо распределение налогов между аулами находилось в руках волостных управителей, перекадывавших всю их тяжесть на бедные и зависимые аулы.

С большой художественной силой автор изображает, как страдал народ от непосильного налогового гнета царизма, в частности при сборе недоимок покибиточной подати.

«Вопли, стоны и слезы стояли в окрестных аулах бокенши, борсаков, жигитеков. Здесь выколачиванием недоимок занимались урядник и пристав...» Эти царские чиновники-взяточники вместе с родовой верхушкой «впивались нынче своими клыками в живое тело народа».

Тяжелое положение бедноты, полная беззащитность ее перед царскими сборщиками налогов предстают перед глазами читателей во всей своей безысходности.

«Грозная буря налетела на семьи бедняков. Ни одной из белых юрт она не коснулась даже легким дуновением. Зато дырявые черные юрты и нищие шалаши она треплет, как свирепый степной ураган. Лишь доильщиков, пастухов, табунщиков, немощных вдов и сирот выбрала себе в жертву эта беда»⁵. И хотя весть о предстоящем сборе налогов «прилетела в аулы иргизбаев в знойный летний полдень, она заледенила сердца январским морозом». Привез ее старшина одного из административных аулов с двумя посыльными, которые «по дороге избивали табунщиков, если те не очень торопились сменить им коней. Врываясь в аулы, они скакали, не разбирая дороги, пугая детей, разгоняя стада и дразня собак. Одно их появление уже вызывало в людях страх и смятение».

Среди сборщиков налогов с огромными медными бляхами на груди и кожаными сумками особенно свирепствовали наряду с царскими чиновниками казахские шабарманы, наглые, задиристые слуги богатого и влиятельного волостного. Произвол и насилие воцарялись в аулах во время сборов налогов. Так, один из царских чиновников Сойкин, которого казахи не

⁵ М. Ауэзов. Абай. кн. 2, стр. 157.

случайно называли «Сойкан-хищник», «исхлестал до крови нагайкой пятерых бедняков борсаков, которые не к сроку пригнали скот». Сами аульные старшины говорили о нем: «Наш Сойкин без плетки и взятка дня не проживет»⁶.

Налоги определялись в деньгах, а так как у бедняков они не водились, то сборщики налогов оценивали скот на деньги по собственному усмотрению.

Глубоко потрясает отчаяние бедняков, терявших последнее достояние. «С помощью плетей и нагаек шабарманы, старшины и стражники выгоняли из аулов последних овец, коров и лошадей бедняков. В юртах в страхе кричали дети, плакали матери, проклинали насильников старики. Но ничто не могло удержать этот поток, уносивший из аулов опору жизни»⁷.

Бедняки видели, что сборщики налогов отбирают последнюю корову, козу у тех, кто не может заплатить подати. Поэтому «в каждом ауле беднота — батраки и пастухи — не находила себе места. Отеп (сборщик налогов.—Л. А.) не шутит. Конечно, завтра он выполнит то, что обещал. Не посмотрит на слезы, отнимет последнее. Разве он пожалеет нынче, если не пожалел в прошлом году»⁸.

И люди идут к богачам за помощью, попадают в новую кабалу. В дореволюционной исторической литературе не найти таких выразительных описаний беспросветной нужды казахских бедняков, какие имеются в романе. Печальными тенями тянутся к байским юртам доведенные до отчаяния люди. Так, например, у старухи Ийс «требуют недоимки, а скота у нее — только вот эта одна серая коровенка. Неужели в последний раз она доит ее? «Чем же завтра я накормлю сирот? Что я им дам?» — всхлипывала она. Старуха Ийс, чтобы сохранить последнюю корову, идет за помощью к Азимбаю, который отказывает ей, решив, что, оставив Ийс без коровы, еще крепче привяжет к своему хозяйству, «навсегда накинет на нее петлю неволи».

Особенно велики были злоупотребления при сборе так называемой «черной подати» (кара-шыгын) на со-

⁶ Там же, стр. 162.

⁷ Там же, стр. 163.

⁸ Там же, стр. 158.

держание волостной администрации и другие общественные нужды. Эта «черная подать» была совершенно бесконтрольна и нередко превышала официальные налоги.

По тексту романа можно проследить, как представители административных аулов занимались распределением сборов со своих одноаульцев. Оберегая родственников, они всю тяжесть налогов раскладывали на юрты бедняков. Это классовое единение господствующей верхушки образно показано М. О. Ауэзовым.

«Когда дело касалось простого народа, аткаминеры, обычно грызшиеся между собой, как аульные собаки, и здесь вели себя, как собаки, когда те завидят волка: они бок о бок кидались на общего врага»⁹.

Классовая сущность налоговой политики царизма особенно сильно проявлялась в сговоре казахских степных воротил и царских чиновников совместно грабить народ. Достаточно вспомнить, как волостные управители и аульные старшины стремятся договориться с царскими чиновниками, чтобы вместе с недоимками за прошлый год собрать и «черные сборы», которые будут поделены между ними.

«Пусть это не пойдет в царскую казну, зато кое-что попадет в карманы тех, кто поможет аткаминерам получить свои доходы!.. Собранное будет поделено так, чтобы остались довольны все, начиная с самого Никифорова (уездного начальника.— Л. А.)»¹⁰.

Заручившись согласием русских властей, «словно вороны или беркуты, завидевшие издали мертвечину и слетающиеся к ней с далеких вершин Догалана, Орды, Ортека, Шуная, бии, старшины и другие властители степи съехались на жайляу Кзылкайнар, чтобы начать свирепое нашествие на народ»¹¹.

М. О. Ауэзов, говоря о своем стремлении развернуть в эпопее убедительную картину эпохи, среди многих характерных явлений исторического процесса обращает внимание на эту консолидацию сил царского самодержавия и эксплуататорской верхушки казахского общества. Он прямо пишет: «Урядники и приставы смыка-

⁹ Там же, стр. 42.

¹⁰ Там же, стр. 45.

¹¹ Там же, стр. 163.

ются с реакционными консервативными силами в степи»¹².

Наряду с этим М. О. Ауэзов изображает, в каком безвыходном положении был народ, испытывавший на себе двойной гнет со стороны царизма и казахского господствующего класса.

Так, Карамолинский чрезвычайный межплеменной съезд был созван для разбора множества жалоб, поступивших на волостных управителей и других степных воротил от возмущенного их злодеяниями народа. Но, рассчитывая на неизменную поддержку царских колониальных властей, все эти степные заправила «заранее объединились, крепко держась друг за друга. Жалобы простых аульных казахов должны быть снова положены под сукно и лежать там годы, как лежали до этого съезда»¹³.

Эпопея «Путь Абая» не оставляет сомнения в том, что царизм был заинтересован в сохранении патриархально-феодальных отношений, сдерживавших развитие производительных сил в Казахстане, открывавших возможности для жестокого колониального грабежа и угнетения казахских трудящихся. Колониальная политика была направлена на превращение Казахстана в аграрно-сырьевой придаток метрополии, задерживала его всестороннее общественно-экономическое развитие.

Вместе с тем объединение Казахстана в хозяйственно-экономическом отношении с Центральной Россией втягивало его в общероссийский, а через него и в мировой рынок, открывало возможности для воздействия российского капитализма на отсталую экономику Казахстана, приводило к подтачиванию основ натурального хозяйства, разрушению хозяйственной замкнутости и обособленности казахского народа.

Хотя процесс проникновения капиталистических отношений в Казахстан шел медленно, вступая в противоречие с патриархально-феодальными устоями общества, и в конце XIX века был далек от завершения, становление новых форм хозяйства коснулось, как будет показано ниже, всех сторон казахской экономики.

В результате ускорившегося в последней четверти

¹² М. Ауэзов. Моя работа над романами об Абае. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 105.

¹³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 336.

XIX века процесса разложения патриархально-феодальных отношений, сопровождавшегося расширением узурпации общинных земель феодально-родовой верхушкой, и под воздействием проникающих в степь капиталистических отношений углубляется классовая дифференциация казахского аула.

Основная масса скота и пастбищ сосредоточена в руках байства. Обезземеливание казахских трудящихся-скотоводов обуславливает более интенсивную, чем в середине века, их пауперизацию. Этот процесс нашел верное отражение в документальных свидетельствах эпохи, в которых резко обозначены все возрастающее накопление богатств — земли и скота — в руках байства и страшное обнищание народа, вынужденного нередко оставлять скотоводство, переходить к земледелию, уходить на промыслы, батрачить.

Статистические сведения, связанные с обследованием хозяйства Семипалатинской области, довольно точно освещают эти социальные сдвиги.

«Хозяйства сильно измельчали. Главная масса их (до 90%) принадлежит к неимущим, бедным и малоимущим, совсем безлошадным и владеющим всего 1—10 лошадьми... Эта масса влачит жалкое существование кочевников-полупролетариев и добывает средства к жизни не столько от своего кочевого хозяйства, сколько от посторонних доходов и заработков, которыми занимается свыше $\frac{4}{5}$ всех хозяйств»¹⁴.

Эти данные красноречиво говорят о глубоком классовом расслоении казахского аула, где увеличивается количество однолошадных и безлошадных бедняцких хозяйств, т. е. идет массовое разорение шаруа, и все более возрастает концентрация скота у баев.

Особенно ярко это явление отражено во второй книге эпопеи, события которой относятся к последней четверти XIX века.

«Немало нашлось таких, кто, злоупотребляя властью или прибегая ко всяческим мошенничествам в торговле, нажил огромные богатства. Нынче у Такежана 800 лошадей, у Жиренше — столько же, а Уразбай довел свои косяки до полутора тысяч голов. Да и другие — Абралы, Кунту, Жакип — именуются нынче

¹⁴ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, стр. VII.

«тысяческотными» баями. Что же до жатаков, то число их возросло еще больше, а нищета их стала совсем беспросветной»¹⁵.

Почти не имея крупного рогатого скота, беднота, составляющая большинство населения аула, владела двумя-тремя десятками голов мелкого скота. Так, например, Даркембай, говоря о себе и ему подобных бедняках, жалуется Абаю: «Овец у меня и вот у них по 20, много по 30 голов, и с этой горсточкой мы не можем найти себе пристанища...»¹⁶

В описаниях быта аульной бедноты, безусловно, сквозят личные жизненные наблюдения автора. Например, в бедном ауле Базаралы «были только серые ветхие юрты или простые шалаши. Небольшая юрта Базаралы, с потемневшей, зачиненной во многих местах кошмой, стояла посредине аула. Внутри не было ни сундуков, ни кроватей, ни тюков. Как во всех бедных семьях, у которых не хватает верблюдов для перекочевков, здесь было облегчено все, даже сама юрта»¹⁷.

Глубоким знанием жизни дореволюционного аула, проникновением в самую суть экономики кочевого хозяйства отмечен анализ имущественного положения бедняков, выраженный в горьких раздумьях Абая об обнищании народа.

«Летом на просторных жайляу, в самое обильное время года, казалось, что народ обеспечен и достаточно жизнеспособен, но джут раскрыл всю его бедность и беспомощность. Ведь большинство хозяйств владеет лишь двумя-тремя десятками овец и тремя, много четырьмя головами крупного скота. И этот скот должен пропитать своих владельцев в течение круглого года: он служит тягловой силой, его бьют на котел, продают на нужды хозяйства, он дает одежду и покрывает все расходы домашнего очага. Даже когда этот скот и не терпит урона — какое убожество... Вот нагрянули нужда, бедствие, джут — и Абай своими глазами убедился, какое жалкое существование влачит родной народ»¹⁸.

Обнищание народа, его тяжелая жизнь волнуют Абая; особенно бросается ему в глаза бедность зависи-

¹⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 75.

¹⁶ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 313.

¹⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 197.

¹⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 320.

мых семей, обслуживающих аул Такежана. Среди них выделяется страшной нищетой семья пастуха Исы, единственная кормилица которой — серая коровенка в холодные осенние дни уже перестала давать молоко. Старая Ийс утром грела воду, опускала туда затвердевший сухой творог, и это было пищей на весь день.

Глядя на жалкую лачугу Исы, на юрту с прорехами в кошме, с нищенской утварью, где тряслись от холода полуодетые голодные дети, Абай подумал: «Могут ли люди жить хуже, чем здесь? Какая нищета! Идет зима с лютой стужей, а тут полуголодные люди в лохмотьях, без крова...» Старуха Ийс, мать Исы, жалуется Абаю: «...собакам в байской юрте лучше живется, чем нам».

Эти и подобные им картины эпопеи дают возможность увидеть в казахском обществе того времени резко обозначившиеся два социальных полюса — эксплуататорскую байскую верхушку и огромную массу эксплуатируемых и зависимых крестьян, переходивших к земледелию и оседлости или пытавшихся продолжать вести кочевой образ жизни с ничтожным количеством скота, что неминуемо обрекало их на тяжелую кабалу у-баев.

В последней четверти XIX века в Казахстане большое распространение получили отхожие промыслы, развитие которых было непосредственно связано с проникновением капиталистических отношений, с разложением натурального кочевого хозяйства, обострением и углублением классовой дифференциации казахского общества, выбивавшей тысячи семейств из колеи скотоводческого хозяйства и вынуждавшей их искать новых средств к существованию. Наиболее значительный процент бедняков был занят в таком виде промыслов, как сельскохозяйственный наем, выражавшийся в батрачестве у баев, русских кулаков и казачества. Свободная рабочая сила становилась товаром. Значительная часть казахской бедноты, лишенная земли и других средств производства, превращалась в наемных батраков, продающих свою рабочую силу; создавались условия для формирования казахского сельскохозяйственного пролетариата, свободного от всяких форм патриархально-феодальной зависимости.

Одновременно на другом полюсе укрепляет свои позиции байство, переходившее к применению наемного труда наряду с сохранением патриархально-феодальных форм эксплуатации.

«Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса,— указывал В. И. Ленин,— но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения...»¹⁹

В условиях господства патриархально-феодальных отношений в Казахстане этот процесс имел свою специфику и проходил в замедленном темпе по сравнению с Россией.

Вполне понятно, что художественное произведение не может дать точных сведений о масштабах применения вольнонаемного труда в байских хозяйствах и связанного с ним процесса проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство Казахстана. Однако отдельные характерные стороны этого сложного процесса художественно отражены М. О. Ауэзовым, неоднократно упоминающим об уходе лишившихся средств производства шаруа на работы по найму у баев. Вот отдельные примеры развития батрачества, говорящие одновременно о применении наемного труда в байских хозяйствах. «Кодар принял к себе старика-родственника, пришлого бедняка Жампеиса, который добывал себе на пропитание работой по найму»²⁰. Или другое упоминание такого же рода. «Лишившись кормильца, осиротевшая семья Балагаза рассыпалась, как стайка голодных воробьев, старшие дети работают батраками у зажиточных соседей...»²¹

На это расширенное применение наемного труда в ауле указывает и следующее донесение уездного начальника Кошкина: «Базаралы и Абай, натравив толпу батраков, работающих по найму, нищих и другое население, сорвали выборы»²².

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 166.

²⁰ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 61.

²¹ Там же, стр. 525.

²² Там же, стр. 544.

Такого рода факты дают основание сделать заключение, что определенная часть аульной бедноты, лишившись хозяйства, нередко уходила для продажи своей рабочей силы в отдаленные районы. Так, брат Кодара, такой же бедняк, как и он, «жил в батраках далеко, на землях сыбана». Или «у Даркембая был младший брат, Коркембай, ... тот давно ушел в далекие края к русским и стал жить среди них, нанимаясь в работники».

Документальным подтверждением этого ухода бедняков в работники могут служить «Материалы по обследованию киргизского хозяйства Семипалатинской области», где на примере многих административных аулов Семипалатинского уезда и Чингизской волости, в частности, многократно отмечалось развитие отходничества. Достаточно сказать, что из одного аула Абая Кунанбаева в Жидебае из семи хозяйств три «отпустили батраков», несмотря на то, что остальные четыре хозяйства, в том числе самого Абая, нанимали батраков для сельскохозяйственных работ, среди которых главную роль играло сенокосение²³.

Таким образом, уход бедняков в батраки стал в казахском ауле обычным явлением, получившим все большее распространение. По данным статистики в Семипалатинском уезде в 1889 г. ушло на отхожие промыслы 6643 человека²⁴.

Имущественная дифференциация особенно углубилась после значительных джудов, выбросивших на рынок наемного труда массу полностью лишившихся средств производства шаруа. Этот процесс нашел отражение в «Пути Абая», где говорится о разорении в результате невиданного по силе джута многочисленных бедных аулов, расположенных, в частности, вокруг Семипалатинска — выше и ниже по Иртышу: «такие многолюдные поселки, как Шоптигак, Жоламан, Озерке, а в низовьях Байгели-шагал, Карашолак, Кежебай, Жалпак совсем в разор пришли. Люди разбрелись по городам на заработки, а кто и побираться».

Массовый приток наемных рабочих в город, особенно после сильнейшего джута 1904 г., нашел отражение

²³ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 164—165.

²⁴ «Обзор Семипалатинской области за 1889 г.», стр. 39.

во второй книге эпопеи. «... В город-то из всех окрестных сел и аулов люди валом валят. Если у них неурожай, есть нечего, куда же им деваться? Вот они и идут к городским богачам за одни харчи. А баям только того и надо»²⁵.

Широкое распространение наемного труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности Семипалатинской области в последней четверти XIX века подтверждается и многочисленными архивными источниками. Среди них представляют особый интерес сведения из отчета семипалатинского генерал-губернатора за 1887 г., вскрывающие преимущества найма казахской аульной бедноты. «При значительной дешевизне найма киргиза, сравнительно с русским работником, киргизы-работники усердные, добросовестно относятся к исполнению принятых на себя обязанностей и трезвы. Эти качества поощряют нанимателей отдавать преимущества перед рабочим из русских и татар, тем более еще, что киргизы-работники отличаются скромностью и малою требовательностью в отношении жизненной обстановки и продовольствия. Благодаря таким качествам, бедняки-киргизы легко находят возможность поступать в работники к казакам, горожанам и крестьянам Семипалатинской области и даже в селениях соседней Томской губернии»²⁶.

В последней четверти XIX века получил широкое развитие торговый обмен между промышленными районами России и Казахстана, способствовавший росту товарного производства и разрушению натуральной замкнутости хозяйств.

Несколько быстрыми темпами развивалась торговля Семипалатинской области, свидетельствует отчет генерал-губернатора области за 1864 г., в котором отмечалось, что «торговля с киргизами производилась преимущественно меновая на скот, кожи, овчины, шерсть, козий пух, волос, армячину и кошмы. Количество привозимых товаров и вообще оборот торговли увеличивается с каждым годом до такой степени, что в 1871 г. весь оборот доходил только до 657 357 рублей, а в отчетном же (1874 г.) — до 1 218 315 рублей»²⁷.

²⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 718.

²⁶ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471, лл. 7—70.

²⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13200, л. 238 об.

На десяти крупнейших ярмарках Семипалатинской области в 1881 г. было продано мануфактурных, бакалейных товаров, невыделанных кож, шерсти, верблюдов, лошадей, баранов, муки, зерна и пр.— всего на сумму 2 450 820 рублей²⁸.

Наибольшее значение имели Ботовская (Куяндинская) и Чарская летние ярмарки в Семипалатинской области, неоднократно упоминаемые в эпопее. На Ботовской ярмарке «первый предмет торговли составляет скот, пригоняемый из разных мест киргизской степи. В 1887 г. было привезено разного товара и пригнано скота на 1 466 280 рублей, торговля производилась главным образом меновая... Второе место по торговым оборотам занимает Чарская ярмарка, существующая в Семипалатинском уезде на урочище Карамола... Главный предмет торговли на этой ярмарке тоже скот, скупаемый исключительно гуртами, и жировой товар. Сюда же приезжают и торговцы городов Семипалатинска, Павлодара, Омска и Бийска с мануфактурными товарами для продажи их и для закупки скота»²⁹.

Эта тесная связь казахского хозяйства с рынком в последней четверти XIX века бросалась в глаза многим современникам. «Базар и ярмарки настолько глубоко въелись даже в хозяйство чистых кочевников и настолько прочно связали его с капиталистическим мировым рынком, что порвать эту связь уже совершенно невозможно»³⁰.

Таким образом, казахи поставляли на ярмарки скот и продукты животноводства, приобретая привозимые из России промышленные изделия: мануфактуру, сахар, галантерею и пр.

Развитию торговли в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что через Семипалатинскую область в силу ее выгодного географического положения велась крупная транзитная торговля с Западным Китаем и Средней Азией.

Такой широкий размах торговли, несомненно, свидетельствовал о зарождении казахского торгового капитала. Рост товарного производства проявлялся в бай-

²⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 17056, лл. 54, 55 об.

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471, лл. 7—70.

³⁰ В. А. Тресвяцкий. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. I, Степной край. Пг., 1917, стр. 76.

ских хозяйствах в разведении скота для продажи с целью наживы, поэтому родовые воротилы всячески старались увеличить свои табуны.

Крупные скотовладельцы выступают в эпопее поставщиками скота на рынки Семипалатинской области. Например, Уразбай пригоняет в Семипалатинск целый косяк коней для продажи.

М. О. Ауэзов обращает внимание на разведение скота в байских хозяйствах для продажи на ярмарках и других торговых пунктах, как на типичное явление того времени. Обогащение байства, вставшего на путь товарного производства, рост капитала в руках баев-феодалов создавали необходимые условия для дальнейшего широкого проникновения в аул товарно-денежных отношений.

Таким образом, проникновение капиталистических отношений в казахскую степь внесло изменение в обстановку здесь классовых сил: появилось байство, переходившее к эксплуатации наемного труда.

М. О. Ауэзов создает типичные образы казахских баев-скотопромышленников, обогатившихся путем торгово-ростовщических операций. Один из них — Нурке, волостной управитель из Кокенской волости, принадлежавший к влиятельнейшим в степи богачам, «был известен и в городе, как богатый торговец скотом, ... с ним считались не только все волости, расположенные по берегам Иртыша, но и русское областное начальство»³¹. Бай Айтказы из рода кокше занялся торговлей, разбогател, сделался волостным.

В этой связи необходимо отметить отражение в эпопее и такой характерной приметы времени, как появление национальной (казахской и татарской) торговой буржуазии, складывавшейся с развитием торгово-ростовщического капитала. Ее добротные одно- и двухэтажные каменные дома в Семипалатинске под тесом или железной крышей тянулись цепочкой по берегу Иртыша. Здесь наряду с торговыми магазинами таких русских купцов, как Плещеев, Деров, располагались магазины Хамитова, Негматулина, Тухфатулина и других татарских и казахских купцов. Одна из героинь романа — Салтанат — дочь богатого торговца Альдеке.

³¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 129.

В этом плане характерна для того времени и такая картина. «В половине зимы в Каркаралинск приехал крупный семипалатинский купец Тинибай. Целая вереница ямщиков везла за ним тюки мануфактуры и других ценных товаров. Он приехал на скупки шкур».

Кунанбай породнился с Тинибаем, выдав дочь замуж за его сына. Сватовство Кунанбая и Тинибая, безусловно, носило характер взаимовыгодной сделки. Кунанбай дал согласие на этот брак, остро нуждаясь в деньгах для подкупа царских чиновников, расследовавших его деяния в связи с разгромом аула Божея. Тинибай открыл кошелек свату, и царские чиновники быстро пошли на уступки. Вместе с тем в торговых операциях Тинибая «Кунанбай и Алшинбай были всегда большой опорой. Для выгодного размещения мануфактуры в долг, под залог скота, купец всегда должен пользоваться поддержкой главарей племен и местных правителей. Тогда впоследствии за овцу он может получить бычка, за бычка — вола, а за ягненка — овцу: старейшины и правители сумеют взыскать недоимки»³². Не случайно и упомянутый выше Нурке считал сыновей Кунанбая немалой опорой в своей степной торговле. Тяжба Такежана была удачным поводом сблизиться с ними, и Нурке не скупился на расходы по содержанию и угощению многочисленных гостей³³. Эти взаимоотношения персонажей исключительно интересны, так как в них наглядно показано, как происходил процесс концентрации капитала в руках торговцев, пользовавшихся помощью и поддержкой степных воротил.

Для сбора пушнины и других продуктов животноводства в уплату за розданные в долг промышленные товары по всему Казахстану ездили наемные сборщики и перекупщики товаров — алыпсатары. Широкое распространение деятельности алыпсатаров было тесно связано с быстро растущим спросом российского рынка на казахский скот и животноводческое сырье.

Бай-торговцы пользовались исключительно наемной рабочей силой. Среди наемных байских работников были и ямщики, свозившие своим хозяевам собранные алыпсатарами сырье и скот. Об одном из них рассказы-

³² М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 245.

³³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 129.

вается в романе. «Зимой и летом он гоняет хозяйские подводы. Он и сейчас нанялся ямщиком у бая — полуказаха Матели. На этот раз его ямщики на 20 подводах везли пушнину, собранную со всех волостей, до самой китайской границы»³⁴.

Из романа видно, что торговля в Казахстане носила ярко выраженный неэквивалентный, ростовщический характер, так как промышленные товары сбывались по ценам, намного превышающим их действительную стоимость, а скот и сырье скупались за бесценок. Отдельным скупщикам-алыпсатарам удавалось путем займов у баев вести параллельно с байскими и самостоятельные ростовщические операции с кочевниками-казахами и, нажив небольшой капитал, превращаться в независимых торговцев. В большинстве же случаев алыпсатары находились в полной зависимости от бая, у которого им удавалось получить кредит для самостоятельной торговли.

Так, в Семипалатинске из массы алыпсатаров, едва сводящих концы с концами, выделилась «небольшая кучка алыпсатаров, вроде Конырбая или Кодыги, которая уже вывела себе домишки под тесовой кровлей и заслужила доверие кредиторов. Такие брали в долг товаров на три, а то и на все пять тысяч»³⁵. Однако разбогатеть удавалось немногим, большинство мелких торговцев разорялось и попадало в еще большую зависимость от бая. В особенно тяжелом положении находились ямщики, перевозившие байские товары в разные концы степи. Так, например, брат лодочника Сеиля, скопив деньги на коня и подводу, поступил ямщиком к войлочнику Сейсеке, для того чтобы возить его грузы в Китай и на Макарьевскую (Нижегородскую) ярмарку. Много ямщиков обманул Сейсеке при оплате за подводы, придираясь к качеству привозимых из Китая кож и шерсти, взимая за порчу или пропажу груза. Также он поступил и с братом Сеиля, который к тому же обморозился и искалечился в пути.

Исключительно верно поняты и раскрыты в романе отношения зависимости алыпсатаров от баев-торговцев. Тысячи городских казахов кормились тем, что вели мелочную торговлю с воя в степных аулах. Имея

³⁴ Там же, стр. 631.

³⁵ Там же, стр. 694.

лишь лошаденку с телегой, они шли за товаром к именитым баям, вроде Сейсеке, а те вели к русским купцам Дерову, Плещееву, Михайлову-Малышеву, либо к таким татарским богатеям-магазинщикам, как Вали или Исхак. Приведя к магазинщику 10—15 нищих алыпсатаров, Сейсеке казался им благодетелем: «ведь каждому из них он дает товаров в кредит на 100, 300, 500, а иногда, правда, очень редко, на всю 1000 рублей». В действительности бай закабалял алыпсатара. «За привод оптовых покупателей в магазин Сейсеке получает скидку на забираемые ими товары по 8 коп. с рубля. А передавая эти же самые товары Еспергену, накладывает ему 12 коп. на рубль. Так, бай, за здорово живешь, получает чистого барыша по 20 коп. с рубля. Одновременно он еще и закабаляет алыпсатара, вяжет его по рукам и ногам»³⁶.

В случае неуплаты долга бай передавал вексель, подписанный алыпсатаром нотариусу, от одного имени которого трепетали все городские торговцы и алыпсатары. Если же алыпсатар был не в состоянии возвратить деньги, его домишко и все имущество продавалось с молотка. Об этой зависимости писатель образно говорит: «Мелкий торговец, таким образом, живет по воле бая, как овца на аркане. Двухэтажные, под нарядными зелеными и красными крышами дома богачев высились среди низкорослых лачужек жатаков, как гнезда коршуна над птичьим двором»³⁷.

Положение мелких торговцев-алыпсатаров, форма их зависимости от богатых купцов и баев воспроизведены М. О. Ауэзовым с таким знанием и достоверностью, что невольно думается, — он воспользовался здесь личными впечатлениями и воспоминаниями современников, так как в исторической литературе этот вопрос освещен крайне скудно.

Широко развернувшаяся в Казахстане деятельность алыпсатаров, скупка ими скота и сельскохозяйственного сырья у казахов-кочевников, перепродажа им промышленных товаров — все это говорило о проникновении товарно-денежных отношений в замкнутое прежде кочевое натуральное хозяйство и способствовало укреп-

³⁶ Там же, стр. 669.

³⁷ Там же, стр. 670.

лению торгово-экономических связей Казахстана с Россией.

Проникновение товарно-денежных отношений, экономическая связь с рынком становятся характерными особенностями развития казахского хозяйства в последней четверти XIX века. Этот процесс пронизывает всю вторую книгу эпопеи, где не раз встречаются описания, подобные следующему: «Близилось время, когда аулы снимаются с осенних пастбищ, находящихся не так уж далеко от города, и уходят на дальние зимовья, в горы Чингиза. И как всегда, почти из всех аулов тобыкты в город пришли караваны верблюдов и телег со шкурами, с войлоком, с шерстью осенней стрижки. Тобыктинцы разместились в домах казахов на «той» и на «этой» стороне (так назывались части города, разделенные Иртышом), не спеша занимаясь продажей привезенного и закупкой на зиму муки, чая, мануфактуры»³⁸.

Производство на рынок играло, таким образом, решающую роль в разложении казахского натурального хозяйства. Эта связь с рынком прослеживается на многих сторонах народной жизни. Например, Базаралы советует жатакам: «А летом займитесь сеном, мало разве здесь пустоет урочищ, лугов, осенних выпасов? Хоть одной косой косить будете — все-таки сена запасете, город недалеко, на базар свезти можно, деньги выручить, прикупить что нужно»³⁹. В другом случае, передавая жатакам отнятых у Такежана во время барымты коней, он вновь предлагает: «Эти 40 коней оставьте на тягло, у вас их искать никто не станет. Будете возить на них в город на продажу сено, купите еды и одежды».

Таким образом, вторая книга «Пути Абая» дает определенное представление о переменах, происходивших в казахском натуральном хозяйстве, которое все более начинало носить денежный характер, что полностью соответствовало экономическим сдвигам, имевшим место в казахском хозяйстве в последней четверти XIX века, и зафиксировано многими источниками. Достаточно обратиться к сборнику статистических сведений по Семипалатинской области. «Среди киргиз

³⁸ Там же, стр. 57.

³⁹ Там же, стр. 23.

натуральное хозяйство начинает сменяться денежным... Современный киргиз без денег обойтись не может, он связан многими нитями с русским рынком»⁴⁰.

О проникновении товарно-денежных отношений в натуральное хозяйство казаха свидетельствуют и такие характерные факты. Магаш говорит Азимбаю, намеревающемуся силой забрать сено, скошенное жатаками на урочищах Азберген и Шуйгенсу: «Отец требует, чтобы ты не насильничал. Если хочешь взять сено, купи, договорись»⁴¹.

Поскольку деньги в основном были сосредоточены в руках баев-скототорговцев, то казахская беднота, обращаясь к последним за займами для уплаты податей и обеспечения своего хозяйства необходимыми товарами, попадала в еще большую кабалу к баям-ростовщикам. Проникновение товарно-денежных отношений ускоряло и усугубляло имущественную дифференциацию казахского общества.

Последняя книга эпопеи «Путь Абая» потрясает масштабами народных бедствий, связанных с кризисом кочевого скотоводства, особенно обострившимся в конце XIX — начале XX века и выразившимся в невиданных по разорительным последствиям джутах.

В рассматриваемый период в Казахстане произошло значительное сокращение пастбищных пространств как за счет узурпации феодалами общинных земель на правах фактической частной собственности, так и в результате насильственных земельных изъятий, производившихся царизмом на нужды колонизации края.

Ограничения в пользовании землей неминуемо подрывали основы кочевого скотоводства, которое в силу своего экстенсивного характера, опираясь исключительно на естественную кормовую базу, могло существовать и развиваться лишь при наличии обширных земельных пространств. Для прокорма в зимнее время одной головы скота требуется примерно 8—10 га естественных пастбищ лучшего качества⁴². Между тем недостаток пастбищных земель, в первую очередь зим-

⁴⁰ «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.». Семипалатинск, 1901, стр. 154.

⁴¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 23.

⁴² А. А лек т о р о в. Экономическое положение оседлого и кочевого населения Семипалатинской области. «Оренбургский листок», 1890, № 26.

них, земельные изъятия царизма, преграждавшие традиционные пути перегона скота и доступы к водопоям, с особой силой сказались в последней четверти XIX — начале XX века, резко ограничив возможность дальнейшего развития экстенсивного кочевого скотоводства. Кроме того, на протяжении всего романа можно проследить полную зависимость примитивного кочевого скотоводства от колебаний климатических условий и урожайности трав при круглогодичном содержании скота на подножном корму. Даже хозяйства, частично запасавшие на зиму сено для скота, в условиях джута остро нуждались в большом количестве пастбищ, лишь комплексное использование которых могло несколько сократить потери скота.

«Зимние запасы кормов — это первая забота здешних жителей, но у них есть и еще один выход на случай приближения джута. Уже с начала холодов зимовщики начинают внимательно следить за погодой, за состоянием снегов, заранее готовясь к борьбе со стужей. И если, как вот теперь, декабрь стоит лютый, на Бауыре оставляют только самый истощенный, слабый скот, а всех коров и овец, пригодных на выгон, отправляют на укрытые от ветра далекие пастбища Чингиза, Жидебая и Акшоки. Бесконечной вереницей тянутся тогда в сторону горных ущелий стада, оберегаемые своими хозяевами и пастухами»⁴³.

Угроза одного из тяжелейших джутов, воспроизведенных в эпопее, появилась уже в декабре (1903 г.), так как летом суховеем пожгло травы, и их небогатые запасы, скрытые под сугробами, десятидневный мороз с ветром утрамбовал в глыбы литого стекла. «В таких случаях надо ставить скотину на стойловый корм, но такого корма ни у кого нет, тем более в засушливый год.

После угона скота на зимовье «остались лишь полугодовалые ягнята, старые овцы, стригуны, телята, кое-какие верблюжата послабее, словом те животные, которым не под силу был суровый зимний перегон»⁴⁴.

Недостаточность даже обширных пастбищ во время джута подтверждается и таким примером из эпопеи: во время джута табунщик Абая вынужден был поки-

⁴³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 701.

⁴⁴ Там же, стр. 703.

нуть свои пастбища и повести табун в низину, на землю соседнего рода ажи, так как, по слухам, летом там была хорошая трава. У ажинцев лошадей было мало, и поэтому они не пожалели для Абая своей земли, тем более что он обещал уплатить за пастьбу⁴⁵.

Следовательно, ограниченные возможности для расширения пастбищ (так как наличие необитаемых свободных земель ушло в далекое прошлое) вследствие значительных ущемлений в пользовании прежними угодьями неминуемо приводили к сокращению поголовья скота на душу населения. Между тем в целом в связи с ростом населения общее количество поголовья увеличилось, что еще более усугубляло кризис кочевого хозяйства.

Обеднение народа, показанное в романе, убедительно подтверждают и следующие данные, характеризующие резкое сокращение скота на душу населения по Семипалатинской области за последние 20 лет XIX века: в 1880 г. — 7,4, в 1884 — 4,5, в 1891—4,1, в 1896—4,1, в 1900 г.—4,3 головы скота⁴⁶.

В условиях возрастающего недостатка пастбищных земель последствия джутов для скотоводческого хозяйства казахов сказывались особенно губительно, приводя к резкому сокращению количества скота и массовому обнищанию кочевников. Так, например, в 1884 г. в Семипалатинской области погибло от джута 412 тыс. голов скота⁴⁷.

В эпоху также говорится и о джутах начала 80-х годов, унесших огромное количество скота.

Сильное обнищание населения Семипалатинской области, воспроизведенное М. О. Ауэзовым, подтверждается и конкретными историческими источниками, в одном из которых отмечается, что скотоводы Семипалатинской области «в общем народ бедный, многие обеднели вследствие значительных потерь от часто повторявшихся падежей скота, в особенности в начале 80-х годов, зимы которых были особенно несчастными для киргизского скотоводства»⁴⁸.

⁴⁵ Там же, стр. 735.

⁴⁶ «Россия». Полное географ. описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова, т. XVIII, Киргизский край. СПб., 1903, стр. 240.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471а, лл. 7—70.

В последней части эпопеи подробно описан исключительно тяжелый по своим последствиям джут, имевший место в Семипалатинской области в 1904 г.

С середины марта обычно в степи начинали чернеть проталины. Но в весну этого года, названного годом великого джута, «непрерывно дующий белый буран продолжает сыпать снег, поверхность степи словно вылизанная ветрами, однообразно гладкая, как яйцо. Начинаясь джут... Скот, опустошив все запасы, голодает. Начался падеж. В скотных дворах и за дворами обледелой горой громоздятся трупы овец. Во множестве падали от бескормицы и коровы... Кое-как держатся лишь сильные, взрослые верблюды. А тощие верблюдицы, старые животные, двухгодовалые верблюжата и одногодки, еле-еле дотянувшие до конца зимы, теперь устилают своими трупами окрестности зимовок»⁴⁹.

Спасая падающих от истощения животных, женщины несколько месяцев кряду ходят с мотыгами в руках по морозу, ища корма, откапывают кустики чия, верблюжьей колючки.

В эпопее много и других интересных деталей, основанных на глубоком проникновении автора в экономику кочевого хозяйства, отражающих многовековой опыт народа в спасении скота во время джута.

Среди картин тяжелейшего труда табунщиков в зимнее время, особенно в период джута, выделяется борьба за сохранение косяка Абая. Его табунщик Алтыбай в лютый мороз во время сильнейшего степного бурана идет впереди косяка, сменяя под собой крепких лошадей, выдвигая во главу косяка группу наиболее сильных коней, за которыми медленно двигается остальная табун. «Однако, несмотря на все заботы табунщиков, лошади продолжали падать. Всюду была гололедица, наступившая сразу после осенних ливней, когда преждевременный мороз внезапно сковал землю. Целыми днями разгребая глубокий снег на жесточком морозе, выбиваясь из сил, лошади наталкивались на лед и только на лед. Двухдневный путь верхового косяка Алтыбая прошел за месяц»⁵⁰. Он двигался из

⁴⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 733.

⁵⁰ Там же, стр. 737.

Кзылмолинской волости в Акшоки к аулу Абая. Автор показывает жалкое состояние голодающего, изнуренного морозом и бескормицей скота, во всем косяке Абая не осталось ни одного мало-мальски упитанного коня. «Двигаясь по дороге к родным местам, табун прямо на глазах таял. Немало конских трупов было похоронено в белом буране»⁵¹.

В отличие от прежних джутов, которые периодически повторялись через каждые 10—11 лет, падежи скота в последней четверти XIX века в периоды джутов приняли такой размах, какого казахи прежде не знали. Так, джут 1904 г. охватил значительную часть Семипалатинской области. «В середине марта весь край облетела печальная весть. Говорят, что находящиеся в отгоне табуны лошадей уже косит белая гибель. Говорят, что косяки, отправленные на жайляу в так называемые внешние районы, растерялись в буране и теперь пропадают. Говорят, что много коней погибло средь скал, попадало с обрывов либо провалилось в сугробы. Говорят, что из тысячи, полутора тысяч голов иного табуна едва выжило триста, двести, а то и полтораста. Если зима еще затянется, останется от всего конского хозяйства только юрта пастушья»⁵².

К началу мая уже со всей ясностью определились размеры страшного по своим последствиям джута, лишившего тысячи семей источников существования. «С первых же дней мая из уст в уста пошли гибельные вести: «Такой-то аул из 400 коней, отогнанных на пастбища, получил назад только 23; 3—4 аула, отправивших в Аягуз косяк в 1000 голов, увидели теперь всего 27 лошадей... Из всех табунов, которые с начала зимы паслись на землях уака и керая, возвратилось только 50 голов»⁵³.

С большой впечатляющей силой показана борьба табунщика Абая Алтыбая во время сильнейшего снежного урагана за спасение последних, оставшихся в живых животных. Косяк Абая был почти у цели, когда снежный ураган, против которого не могли выстоять измученные животные, заставил его пойти по ветру. Табунщик пытался в снежной буре задержать, приостановить

⁵¹ Там же, стр. 736.

⁵² Там же, стр. 734.

⁵³ Там же, стр. 749.

новить табун. Но никакая сила не могла остановить устремившихся в пространство коней. По дороге гибнут, валяются ослабевшие лошади. Кроме того, 20 голодных волков набросились на косяк ослабевших коней. И наконец, весь косяк, преследуемый волками, обрушивается в глубокий овраг. Пастух Алтыбай, не думая о себе, пытается спасти животных от волков и погибает. Остальные лошади рассеялись по степи, обреченные на смерть.

«Скакуны, дойные кобылицы, породистые жеребцы, любимцы детей, украшенные перьями и амулетами, двухлетки, трехлетки и пятилетки — все остались в голой снежной степи, похороненными в сугробах».

Под влиянием тяжелых бедствий, приносимых джудом, у народа сложилась поговорка: «Джуд семь братьев с собой ведет: пришел мороз-гололед, за собой скотский падеж ведет, за гибелью скота — голод, за голодом — в доме холод, за холодом — болезни, за болезнями — разобщение, а за ним и последний брат — по миру пешее хождение». «Люди в аулах уже остались без топлива, — пишет далее М. О. Ауэзов, — последние запасы еды истощились, ехать в город на базар не на чем. На дорогах стали появляться пешие скитальцы, бредущие со своими детишками куда глаза глядят. Иные из них падали в снег и больше не поднимались»⁵⁴.

Глубокое впечатление оставляет описание народного бедствия в результате этого тяжелейшего джуда. Множество людей погибло от голода, многие уходили в города и селения для работы по найму или просили милостыню в поисках спасения.

«Бесконечные вереницы людей: мужчин, женщин, стариков и детей потянулись к ближайшим аулам, где, по слухам, сохранился хоть какой-нибудь скот, хоть малейший достаток. Те, у кого еще были силы, шли работать задаром, надеясь получить, как подаяние, хоть немного еды, чтобы прокормить голодные семьи. Иные горемычные вдовы, таща своих ребятишек на спине или за руки, приводили их к родичам, у которых было что поесть, оставляли, а сами уходили прочь. Это была последняя материнская забота, последние попытки спасти своих ребятишек от смерти... Покинувшие

⁵⁴ Там же, стр. 735.

свои разоренные гнезда бедняки бродили взад и вперед по склонам Чингиза, Кыдыра, по долинам Караула, Балапана и Шикорыка. У кого хватало сил, те, соблазненные слухом, будто там нет голода, тянулись в города»⁵⁵.

Необходимо, однако, оговориться, что эта страшная картина народного разорения в результате джута, основанная на воспроизведении конкретного события, вместе с тем представляет художественное обобщение кризиса кочевого хозяйства. На эту особенность своего творческого подхода к явлениям истории указывал и сам автор. «Нередко конкретное явление я изображаю сгущенным до символа, как, к примеру, в картинах джута, эпизоде с гибелью коней, олицетворяющих гибель всего прежнего уклада кочевой степи, целой эпохи, уходящей вместе с Абаем и его близкими»⁵⁶.

Массовый падеж скота в период небывалых по своим губительным последствиям джутов в последней четверти XIX века привел к тому, что большинство крестьян сумело сохранить лишь незначительное количество скота, недостаточное для ведения кочевого хозяйства, и вынуждено было искать дополнительные источники существования.

Вместе с тем исторически правдиво воспроизводя обстоятельства хозяйственно-экономической жизни народа, М. О. Ауэзов делает их основой реалистического изображения эволюции мировоззрения героя — демократа, просветителя.

Абай глубоко задумывается над тяжелым положением народа, для которого часто повторяющиеся джуты стали неизбежным бедствием, напряженно ищет выход из этой зависимости казахского народа от стихийных сил природы. Он говорил: «Народу нужно просвещение, знания. Ему нужно учиться и воспитываться... Настало время, когда спокойно дремать, надеясь на бескрайние кочевья, на широкие выпасы, не приходится. Уже пора учиться у народов, которые опередили нас!»⁵⁷.

Исходя из миропонимания Абая, М. О. Ауэзов изо-

⁵⁵ Там же, стр. 747—748.

⁵⁶ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 373.

⁵⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 343.

бражает его поиски как поиски просветителя, задумывающегося о будущем своего народа и отчетливо осознающего необходимость радикальных перемен в его жизни.

Процесс хозяйственного сближения Казахстана с Россией, сопровождавшийся разложением патриархально-феодальных и проникновением капиталистических отношений в экономику Казахстана, привел во второй половине XIX века к серьезным изменениям и сдвигам в различных областях казахского хозяйства.

Перемены коснулись прежде всего скотоводческого хозяйства, которое, главным образом в северных и северо-восточных районах Казахстана, в значительной степени приобрело полуседлый характер, основывавшийся на сочетании скотоводства и земледелия.

Эти изменения в казахской экономике, связанные с развитием земледелия и оседлости, можно достаточно полно проследить на примере второй книги эпопеи.

Более интенсивное развитие земледелия в этот период, безусловно, было подготовлено социально-экономическими предпосылками, названными выше, среди которых большое значение имело развитие товарно-денежных отношений, поколебавшее устои замкнутого натурального хозяйства, усиление колониально-феодального гнета и массовое обеднение казахского крестьянства, усугубленное кризисом экстенсивного кочевого скотоводства.

Хотя земледелие в Казахстане и получило некоторое развитие еще в первой половине XIX века, общий уровень его был крайне низок, роль его в кочевом скотоводческом хозяйстве была подсобной.

В последней трети XIX века уже начавшийся в предшествующий период процесс перехода части казахского народа к земледелию и оседлости получил дальнейшее развитие. Решающую роль при этом наряду с отмеченными выше причинами сыграла земельная теснота, связанная с усилением процесса концентрации земли в руках байства и значительными земельными изъятиями, производившимися царизмом в связи с усиленной колонизацией края. Захватывая в свое пользование лучшие пастбища, сенокосные угодья, опутывая бедноту кабальной зависимостью, байство ставило рядовых кочевников в невыносимые условия, приво-

дившие к их неминуемому разорению, связанному с потерей большей части скота. Недостаток скота делал невозможным продолжение прежнего образа жизни, вынуждал оседать и искать средства к существованию в занятии земледелием.

Если раньше земледелие служило лишь подспорьем скотоводству, то в последней четверти XIX и начале XX века его значение в хозяйстве резко поднялось. Оно становилось нередко главным источником существования шаруа. От кочевого образа жизни большинство таких хозяйств постепенно переходило к полуседлому, сочетая его с земледелием и ремеслом, и оседлому земледельческому хозяйству.

Процесс оседания и обращения к земледелию, широко представленный в эпосе «Путь Абая», нашел достаточно полное отражение и в документальных свидетельствах эпохи.

Уже в 70-х годах XIX века в донесениях чиновников отмечалось, что кочевое население Семипалатинской области «все более и более привыкает к употреблению в пищу хлеба, а вместе с этим все более и более сознает важность земледелия»⁵⁸.

В 1871 г. по Семипалатинской области казахским кочевым населением было собрано яровой пшеницы 23 619, овса — 14 225, ячменя 5 233, проса — 12 463 пуда. В 1882 г. из 25 312 семейств Семипалатинского уезда земледелием занималось 2822 семейства, т. е. 11%⁵⁹.

Достаточно сказать, что Арчалинская, например, волость Семипалатинского уезда, по данным 1893 г., была почти сплошь распахана казахами-земледельцами, причем до 900 кибиток казахов поселилось на арендных началах на землях, принадлежавших казахеству⁶⁰. Из материалов романа со всей наглядностью вытекает, что к земледелию обращалась прежде всего та масса казахского кочевого населения, существование которой уже не могло быть обеспечено одним скотоводством. В Семипалатинском уезде наибольшее распространение земледелие у казахов получило в Бельгачской волости, «в сосновых лесах которой ка-

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, д. 90, 1876, л. 45.

⁵⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 17056, лл. 33об—34.

⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1834, лл. 122—148.

захские аулы перемежались с русскими поселками»⁶¹. Районами значительного обращения к земледелию автор называет также Кокенскую и Уаковскую волости. «Кокенцы хотя и жили почти рядом с тобыктинцами-скотоводами, но кочевали редко, они предпочитали заниматься хлебопашеством и ремеслом. Аулы их резко отличались от аулов соседей: возле каждой юрты трудолюбивого кокенца стояла телега или таратайка; селились они на маленьких пастбищах и в отличие от соседей скотоводов большими аулами»⁶².

Характерной чертой времени стало появление аулов из представителей разных родов. Обедневшие кочевники, лишившись скота, поселялись в аулах жатаков, видя в обращении к земледелию единственный источник существования. «В аулах Копсакау, в Балта-Орак, Жалпак, Хандар, Крыл-уйли с уаками жили бедняки из родов бура, найман, жалыкпас, бассентиин, керей и даже самого рода тобыкты. Этим людям больше всего на свете нужен был мир, без которого невозможен никакой труд»⁶³.

В таком же ауле жатаков на урочище Ералы поселяется и Даркембай, уйдя из рода бокенши. Он говорит: «Теперь уж мне до смерти жить здесь... Тут около сорока таких же нищих, как я. Напрасно я всю жизнь работал на Суюндика и Сугира... Нет, разошелся мой путь с ними! Вот и я решил: чем бродить одному с седлом за спиной, лучше буду жить одной жизнью со всеми». По-новому звучат его слова, свидетельствующие о разрушении родовых представлений в связи с переходом к земледелию и оседлости: «Все эти сорок хозяйств — мои родичи. Не по крови, а по жизни. Нас сроднили общая доля и общее горе»⁶⁴.

Рассказывая об основных принципах подхода к изображению явлений прошлого, М. О. Ауэзов говорил, что всем поступкам и сознанию своих героев он всегда стремился дать социальные мотивировки. Поэтому, объясняя переход жатаков к активным формам классовой борьбы, связанным с переходом к земледелию и ослаблением патриархально-родовых предрассудков,

⁶¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 133.

⁶² Там же, стр. 577.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 529.

М. О. Ауэзов показывает, что исходным моментом для этого явился «новый исторический сдвиг в сознании жатаков»⁶⁵.

Следовательно, уход аульной бедноты из-под власти своих феодалов был глубоко прогрессивным явлением и в том отношении, что, ускоряя процесс разложения патриархально-феодалных методов эксплуатации, способствовал пробуждению классового самосознания аульной бедноты.

«Такие аулы жатаков, как в Ералы, можно найти всюду: ... У подножия Догалана живут жатаки из родов сак, тогалак и тасболат, в долине Бильде — из родов анет, какен и котибак; возле горы Орда — из племени мамы, а на урочище Миалы — чуть ли не из сорока родов... В другой дальней волости — Какенской — приютились жатаки, прозванные «сорокаюртными». Наконец, на расстоянии одного пикета от Семипалатинска осели жатаки Балторака и Жалпака... все эти люди, выброшенные своим родом, занимаются хлебопашеством и круглый год кормятся этим трудом, работая только на себя, а не на бая...». Рассказывая об этом своим сородичам, Базаралы настойчиво советовал: «Научитесь и вы сосать грудь земли. Объединитесь, хотя бы по две-три семьи, вспашите весной хоть одну-две десятины, все силы на это положите и посейте хлеб»⁶⁶.

В самом тобыкты все большее количество кочевников также находит выгодным сочетать скотоводство с земледелием либо делать земледелие главным источником существования.

В долинах Ойкодыка, Большого и Малого Каскабулака, в долине за холмами Сарыадыр «стояли многочисленные аулы бедняков-жатаков возле засеянных ими хлебных полей. В этих аулах люди готовились в скором времени собрать плоды своих тяжелых трудов. Здесь на 20 десятинах созрели посевы 60 семей, в том числе и посевы Абылгазы и Даркембая. Тут же впервые посеяли хлеб и несколько десятков бедняков, которые лишь недавно откочевали из байских аулов, чтобы заняться хлебопашеством»⁶⁷.

⁶⁵ М. Ауэзов. Моя работа над романами об Абае. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 104.

⁶⁶ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 532—533.

⁶⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 230.

В другом случае сказано: «Те, кто занимался земледелием, охотно селились на Бауыре. Однако, памятуя о здешних жестоких зимах, в каждом хозяйстве в погожую летнюю пору старались заготовить как можно больше сена»⁶⁸.

В «Материалах по киргизскому землепользованию», опубликованных после проводившегося специальной экспедицией в конце XIX — начале XX века выявления излишков земли на нужды колонизации, детально описан каждый административный аул всех уездов Семипалатинской области. Так, по сведениям, относящимся, например, к Семипалатинскому уезду, можно легко представить, как широко хлебопашество вошло в быт кочевого населения. В «Материалах» конкретно указывается местоположение пашен аулов уезда, занимавшихся богарным или поливным земледелием. Из множества подобных свидетельств достаточно привести следующее сообщение о большой группе аулов Семипалатинского уезда: «Пашнями и покосами каждый аул пользуется отдельно от прочих. Большинство сеют хлеб на призимовочной территории, а некоторые аулы на джайляу Миалы»⁶⁹.

Об этом же неоднократно упоминается в эпосе.

Переход к земледелию и оседлости для аульной бедноты в ее бедственном положении был жизненно необходимым фактором. Даркембай рассказывает Абаю, что в оседлом ауле Копжатак поселилась и занялась земледелием аульная беднота из родов анет, карабатыр, котибак, кокше, мамай.

В последней четверти XIX века в связи с обострением аграрного вопроса и усилением классовой борьбы, выражавшейся в разгроме байских аулов, переход к земледелию нередко бывал ускорен ответными байскими репрессиями, вынуждавшими целые аулы возмещать баям потерянный скот. Так, после решения биев, обязавшего жигитекскую бедноту отдать Такежану за каждого уничтоженного его коня по два пятилетних, «целые аулы, словно поверженные бурей, не могли двинуться с места. Как кочевать, если нет коней? Оставалось или разбрестись по другим аулам, идти в батра-

⁶⁸ Там же, стр. 701.

⁶⁹ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 32.

ки, или осесть на землю, забыв о кочевках»⁷⁰. Хотя в целом в Семипалатинской области оседание на землю шло более медленными темпами по сравнению с другими районами Казахстана, наибольшее развитие земледелие получило в отдельных волостях Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов. Надо сказать, что в романе жатаками называются лишь вконец разорившиеся кочевники, вынужденные искать средств к существованию в земледелии. Между тем в рассматриваемое время к земледелию и оседлости обращалась часть середняцких и даже байских хозяйств.

К середняцким хозяйствам, по материалам экспедиции, обследовавшей Семипалатинский уезд в 1900 г., безусловно, должен быть отнесен и административный аул № VIII на урочище Боры рода кожа, во главе которого стоял дед М. О. Ауэзова Ауэз Бердыжожа. Его хозяйство (он владел 30 лошадьми) — типичный образец сочетания скотоводства и земледелия, так характерного для этого времени. Сенокосением и земледелием он занимался уже более 10 лет, в год обследования им было посеяно 10 пудов пшеницы⁷¹.

Под влиянием растущего спроса на хлеб вследствие роста городского населения и повышения потребности в хлебе внутри степи в 80—90-е годы XIX века в отдельных районах появились байские хозяйства, в которых при ведущей роли скотоводства значительное место занимало и земледелие, сразу приобретшее товарный характер.

Следовательно, в последней четверти XIX века к земледелию обратились все социальные слои казахского общества. В этом отношении интересно отметить, что к 1895 г. в Семипалатинском уезде насчитывалось 14 527 хозяйств, занимавшихся земледелием, что составило 62,7% по отношению к общему числу хозяйств уезда⁷².

В областные и уездные правления в последней четверти XIX века поступало большое количество про-

⁷⁰ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 530.

⁷¹ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 194—195.

⁷² «Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области». В «Памятной книжке Семипалатинской области на 1898 г.». Семипалатинск, 1899, стр. 26.

шений от кочевников о переводе их в оседлое состояние и предоставлении им возможности заниматься земледелием. Подавая такие прошения, обнищавшие кочевники указывали на крайне тяжелое положение, выход из которого они видели в переходе к земледелию.

Проблема оседания остро поставлена и в эпопее. В этой связи в настоящей работе особо будет освещен вопрос об отношении к оседанию и земледелию феодально-байской верхушки казахского общества, оказывавшей упорное сопротивление этому глубоко прогрессивному явлению.

Одновременно интересно отметить и другую сторону этого процесса. М. О. Ауэзов, верный исторической правде, показывает, как сильны были еще традиции кочевого образа жизни в сознании народа, которому нелегко было перейти к ломке многовекового уклада жизни. Так, например, Базаралы жалуется Абая, что его маленькому аулу с небольшим стадом вполне хватило бы выпасов и на зимовье, но традиции кочевки были так сильны, что «разве людей удержишь?.. Только и приговаривают: «Вон откочевал аул Байдалы, вот снимается Жабай, аул Бейсемби уходит... Ну и нам надо двигаться. Знаешь, Абай, я за эту свою болезнь прямо возненавидел обычай кочевки»⁷³.

Живучесть старых традиций в сознании народа отражена и в споре Базаралы с Ерболом. Последний говорит: «Чего же ты хочешь: чтобы кочевой казах превратился в оседлого мужика? Думаешь отучить его от дедовского способа хозяйства?»

Однако Базаралы, вернувшийся из ссылки и мыслящий по-новому, отвечает ему, что дедовский-то способ и довел народ до нищеты. Большой болью за бедствующий народ наполнены слова Базаралы: «Кто в этом мире беднее и голее всех! Дети казахов! Посмотри на русских: у них есть города, деревни... А что у нашей бесчисленной бедноты? Одно утешение, что степи широки и пустыни безлюдны — катись куда хочешь, как перекаати-поле, пока тебя гонит степной ветер...»⁷⁴

Большое место уделено в романе и показу жизни

⁷³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 199.

⁷⁴ Там же, стр. 199.

городских жатаков, этого нового социального продукта рассматриваемой эпохи.

Кто такие городские жатаки Семипалатинска? «Сброд из сорока родов», — говорит о них один из персонажей романа, старик Жуман.

Рабочие слободки в Семипалатинске не случайно назывались Верхние и Нижние жатаки, там поселялись кочевники-казахи, «пришедшие в Семипалатинск искать счастья». Жатаки поселялись также в Заречной слободке Семипалатинска.

«В Семипалатинской области это стремление киргиз к оседлой жизни помимо устройства зимовок называется еще и в постоянном заселении ими инородческих пригородных слободок, примером которых может служить Заречная слободка на левом берегу р. Иртыша, против г. Семипалатинска»⁷⁵.

Это была наиболее пауперизированная часть казахского общества, совершенно порвавшая родовые связи, двинувшаяся с начала 80-х годов в города и окрестные села для продажи своей рабочей силы в хозяйствах кулаков и городского населения, занимавшегося земледелием. Социально-экономическое положение этой группы казахского крестьянства объективно делало ее резервом для формирования казахского сельского и промышленного пролетариата.

Развитие земледелия и оседлости было тесно связано с сенокосением, роль которого в последней четверти XIX века все более возрастала даже в кочевом хозяйстве. Сено приберегалось для скота на случай джута, степных буранов, излишки его шли на рынок. На всех зимовках делались запасы сена на зиму. Так, Оспан напоминает Абаю, зимующему в Акшоке, о необходимости накопить как можно больше сена на урочище, расположенном рядом с его зимовкой.

В ауле Абая Кунанбаева в Жидебае, по данным названной выше экспедиции, сенокосением занимались к тому времени уже 60 лет. В ауле сына Абая Магавьи в урочище Акшоке косили уже 25 лет и т. д.⁷⁶

Борьба за покосы играет важную роль в жизни народа. Достаточно вспомнить столкновение на урочищах

⁷⁵ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 471, лл. 7—70.

⁷⁶ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 162—165, 192—193.

Шуйгенсу и Азберген между Такежаном и жатаками этих аулов из-за скошенного ими сена, которое Азимбай, сын Такежана, хотел отобрать силой.

О значительном обращении к сенокосению в крае говорят такие данные: в 1900 г. в Семипалатинской области было собрано 16 000 000 пудов сена. Но, как отмечалось составителями сборника «Киргизский край», «этого количества весьма недостаточно не только для зимнего кормления скота, но и на случай джута»⁷⁷.

Прогрессивное воздействие русских крестьян-переселенцев сказывалось в изменении многих сторон казахского быта. Стали возникать постоянные оседлые поселения, приближенные по своему типу к русским селам.

Особенности быта казахских оседлых аулов, в частности в районе Семипалатинска, вдоль Иртыша, как новое явление, также не случайно стали объектом внимания автора. «Жители их занимались землепашеством и торговлей... жили они в бревенчатых домах, окруженных надворными постройками»⁷⁸.

Для последней четверти XIX века характерным явлением стало оснащение состоятельных хозяйств, занимавшихся товарным земледелием, более совершенными сельскохозяйственными орудиями. В целом же коренной и существенной замены архаической техники новой не произошло и в конце XIX века в силу нищеты казахских трудящихся масс. Аульная беднота довольствовалась в основном рутинной техникой, которую она дополняла отдельными более совершенными сельскохозяйственными орудиями.

Так, Даркембай, занявшись земледелием, научился изготовлять сельскохозяйственный инвентарь. «Работа Дакена для жатаков — большая помощь. Он и соху и телегу починит, сделает и лопату, и косу, и мотыгу, и топор...»⁷⁹

Тяжел был труд бедняков-жатаков, не имевших необходимого количества рабочего скота и сельскохозяй-

⁷⁷ «Россия». Полное географ. описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова, т. XVIII, Киргизский край. СПб., 1903, стр. 248.

⁷⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 552.

⁷⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 220.

зайственных орудий для обработки пашен. Даркембай, рассказывая о хозяйствовании жатаков-егинши его аула, говорит: «Бороны только две. А семей 60. Лошадей совсем мало... Люди поле руками делали».

В романе немало сведений об употреблении казаками земледельческих продуктов: *коже* — супа из пшена или толченой пшеницы, подбеленного молоком, распространенной пищи бедняков; *толкана* — печеной пшеницы, растолченной в порошок, и пр.

Осенью, когда козы переставали давать молоко, бедняки собирали поспевшие колоски, «растирали зерна в ладонях, прожаривали их, толкли и кормили толкном отощавших детей и стариков. Даже эта скудная пища была уже заметным подспорьем для голодных»⁸⁰.

Таким образом, показывая различные категории обедневших кочевников, М. О. Ауэзов на большом конкретном материале воссоздает картины массового обезземеливания и разорения народа.

Ввиду того, что в романе не уделено внимания развитию земледелия в байских и середняцких хозяйствах, бедняки-егинши показаны как самостоятельные хозяева вне различных форм эксплуатации их баями, с которыми они вступали в кабальные сделки из-за недостатка земли и рабочего скота.

М. О. Ауэзову удалось достаточно убедительно показать, что процесс оседания казахов и переход их к земледелию был связан с углублением имущественного неравенства и сопровождался невиданным ранее обострением классовой борьбы.

Уже самый переход кочевников-бедняков к оседлости и земледелию усиливал борьбу за землю, встречал упорное сопротивление богатой и влиятельной верхушки аула, не желавшей допустить не только некоторого ограничения себя в свободе кочевания, но и самого перехода части кочевников в иное податное сословие, так как последнее давало возможность частично освободиться из-под власти феодала. Чтобы воспрепятствовать оседанию кочевников-бедняков, устраивали поправки их посевов. Так, Азимбай, сознательно направив тысячный табун Такежана на посевы бедноты, с ненавистью говорит о жатаках-земледельцах: «Ковыряют

⁸⁰ Там же, стр. 230.

землю. Что выдумали: ни отцы, ни деды не занимались этим!.. Выгнать их пора с нашей земли... Стобит лишь два-три раза подряд уничтожить их поля и прикрикнуть: «Не ройте землю, словно собаки перед чьей-то смертью!» — и они сами куда-нибудь откочуют». Пустив коней в сторону посевов жатаков, Азимбай с табунщиками улеглись спать. «Этот мирный отдых в ночной степи, такой невинный на вид, на самом деле был гнусным преступлением»⁸¹.

С гневом и болью за безжалостно растоптанный тяжелый труд бедняков-жатаков говорит автор об этой сознательной потраве посевов табуном Такежана: «... те самые колосья, которых нынче днем боялись коснуться осторожные руки маленьких детей, сейчас вминались в землю копытами. Спелые зерна пожирались, уничтожались широкими зубами коней. Тяжелый труд, горький пот, трепетные надежды бедноты — все это было растоптано табуном...»⁸²

О другом случае потравы отличного урожая в ауле Даркембая рассказывает жатак Еренай: «Мы жать уже собирались, а они с пяти аулов табуны пустили на наши хлеба, до последнего колоска все вытоптали!..

Когда аулы Такежана, Майбасара, Кунту, Каратая прикочевали в эти места, жатаки подняли разговор о возмещении за прошлогоднюю потраву, не выплаченную до сих пор. Те обозлились и, когда пашни зазеленели, снова пустили свои табуны на поля жатаков...

Когда жатаки со слезами пошли к Такежану и Майбасару, те с бранью прогнали их. «Вы только кочевья портите, всю землю перепахали, все пастбища испоганили!» — кричал Майбасар... А Такежан добавил: «Пусть у нас одни предки,— я вас за родичей не считаю, вы для меня не тобыктинцы, отступаюсь от вас! Коли вам нравится рыть носом землю, проваливайте к мужикам в Белагаш, делайтесь там русскими»⁸³.

Байские барымтачи угоняли и тягловый скот у жатаков, чтобы лишить их возможности обрабатывать пашни.

Бедняки-жатаки были крайне беспомощны перед лицом произвола феодально-родовой знати. Об этом

⁸¹ Там же, стр. 244.

⁸² Там же, стр. 245.

⁸³ Там же, стр. 681.

образно говорит Даркембай, жалуясь Абаю на постоянные потравы посевов байскими табунами: «... Ведь мы здесь одиноки среди злодеев, как кустик чия среди горячей степи. Хоть бы подумали, кого обижают? Ведь у их же порогов мы все исчахли... Им же, их отцам служили...»⁸⁴

Таким образом, активное сопротивление развитию земледелия прежде всего оказывали крупные бай, занимавшиеся исключительно товарным скотоводством. Не случайно материалы упомянутой выше экспедиции зафиксировали, что аул бая Медеу (сына Уразбая), так упорно преследовавшего мирных хлеборобов-уаков, совершенно не занимался земледелием⁸⁵.

В эпопее нашло отражение и такое важное по своим последствиям событие, как усиление переселенческого движения русского крестьянства в Казахстан. Если в середине XIX века в Казахстане насчитывались лишь десятки или сотни крестьян-переселенцев (казачество, хотя и было более многочисленно, земледелием занималось в ограниченных масштабах, особенно в Сибирском казачьем войске), то, по данным переписи 1897 г., в нем проживало в общей сложности более полумиллиона русского и украинского населения, занятого преимущественно в сельском хозяйстве. Безусловно, разносторонний опыт русских и украинских крестьян не мог быть не замечен казахскими егинши.

Упоминания о русских поселках, в которых казахи работали батраками, о крестьянских поселениях в Бельгагачской степи, особенно благоприятной для земледелия, где русские поселки перемежались с аулами казахов-земледельцев, часто встречаются во второй книге эпопеи.

Крестьяне-переселенцы, проделав огромные расстояния до мест водворения, приходили нередко в состояние полной нищеты. Особенно тяжелым было положение самовольных переселенцев, не получавших даже мизерной продовольственной или денежной помощи от правительства в неурожайные годы. Поэтому уже в 90-х годах имело место обратное переселение вконец разорившихся крестьян, которое еще более обострило

⁸⁴ Там же, стр. 681.

⁸⁵ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 147—148.

аграрный кризис в стране. Прогнивший строй царской России был бессилён организовать переселенческое дело. М. О. Ауэзов обращает внимание на это массовое обнищание крестьян-переселенцев, особенно в неурожайные годы. «Бросались в глаза жалкие лохмотья хлеборобов-переселенцев, приехавших в богатое Семиречье из далекой России и оставшихся здесь без крова над головой, без куска хлеба»⁸⁶.

В последней книге романа также изображается беспросветная нужда русских переселенцев, скопившихся в Семипалатинске в результате неурожая и засухи в Семиречье, откуда они ушли, надеясь, что в большом городе будет легче прокормиться. Не имея ни жилья, ни теплой одежды, ни еды, эти люди нанимались к баям и русским кулакам за мизерную плату.

Русский политический ссыльный Федор Иванович Павлов правильно объясняет Абаю смысл переселенческой политики царизма. Он говорит, что царское правительство стремилось переселить на окраины мало-земельных, разоренных дотла, голодающих крестьян, которые уже бунтовали прошлым летом или могут взбунтоваться снова. «Темных людей бессовестно обманывают легкими посулами: «Джетысу, мол, край богатый, земли много, хлеб сам родится — приходи и владей». Вот эти самые голодающие, обманутые мужики и наводняют сейчас Семипалатинск»⁸⁷.

Тяжелое положение бедняков-переселенцев, которое увидел Абай в Семипалатинске, нашло отражение и в донесениях царской администрации того времени. Так, степной генерал-губернатор просил в марте 1891 г. приостановить на два года переселение в Степной край, так как «участки свободных казенных земель под водворение переселяющихся еще не приведены в известность и не обмежованы, а массы прибывших уже в край переселенцев не устроены и терпят крайнюю нужду»⁸⁸.

М. О. Ауэзов исторически верно отразил в эпопее и отношении казахских трудящихся к русским крестьянам-переселенцам, которые в основной массе пришли в Казахстан не как эксплуататоры казахского на-

⁸⁶ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 543.

⁸⁷ Там же, стр. 723.

⁸⁸ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1834, л. 39 и об.

селения, а как труженики, страдавшие от безземелья в центральных районах России. В романе содержатся описания хозяйственных, дружеских связей, устанавливавшихся в ряде случаев между русскими и казахскими трудящимися.

Писатель, несомненно, придавал большое значение рождению братской солидарности русских и казахских трудящихся на почве общих в ряде случаев хозяйственных и классовых интересов. В этом свете принципиально важен следующий эпизод: во время нападения азимбаевцев на аул жатаков 20 человек переселенцев, остановившихся на почлег в их ауле, с оглоблями бросились им на помощь. Переселенцы же помогали жатакам составлять акт о потраве на имя Семипалатинского уездного начальника. Жатаки трех аулов вышли провожать русских крестьян в путь со словами благодарности за помощь.

Упомянутый эпизод вымышлен автором, но он основан на многих аналогичных подлинных исторических фактах, зафиксированных в дореволюционной истории Казахстана. В таких случаях вымысел автора, как исторически достоверный, точно соответствующий конкретной исторической обстановке и логически вытекающий из нее, лишь помогает воспроизвести действительность с большой рельефностью и яркостью. Авторская фантазия, основанная на глубоком понимании закономерностей исторического процесса и его ведущих тенденций, совершенно необходима при обобщении, художественной типизации явлений рассматриваемой эпохи.

Воспроизводя в образной форме намечающееся сближение русских и казахских трудящихся, М. О. Ауэзов особо выделяет это новое явление как имеющее исторически прогрессивное значение в жизни народа.

Базаралы помогли бежать из ссылки русские люди — ссыльные Кирилл и Сергей. Во время его продвижения по Сибири на родину ему также помогали русские крестьяне из бедняков: кормили, указывали дорогу, пускали обогреться, переночевать.

Подобных фактов дружбы между русскими и казахскими трудящимися, случаев так называемого «тамырства», в романе немало.

Достаточно вспомнить, что грузчик Сеит имеет то-

варищей среди русских рабочих, дружит с соседом кузнецом Кириллом, не раз оказывавшим ему помощь в трудную минуту.

Таким образом, эпопея «Путь Абая» также дает основание заключить, что в результате массового переселения русских крестьян в Казахстан сложились условия для экономического сближения казахской и переселенческой земледельческой бедноты, одинаково подвергавшейся эксплуатации на кабальных условиях баями и русским кулачеством.

Переселение крестьян благодаря трудовому взаимодействию русских и казахских трудящихся ускорило переход казахского народа к земледелию и оседлости, помогало казахским земледельцам усваивать более передовые формы хозяйствования и, в конечном счете, способствовало дальнейшему росту производительных сил Казахстана. Хозяйственные контакты между казахским крестьянством и переселенцами имели важные результаты и для последних, заимствовавших у казахов их трудовые навыки, связанные с разведением скота, орошаемым земледелием.

Однако переход к земледелию, начавшийся в ряде районов еще задолго до прихода русских крестьян в Казахстан, был внутренним, органическим процессом, вызванным к жизни определенными потребностями в самом казахском хозяйстве. Хотя в отдельных районах переход казахов к земледелию и произошел под непосредственным влиянием русских крестьян, у которых они перенимали навыки ведения земледельческого хозяйства, в целом в Казахстане развитие земледелия не было принесено извне русскими крестьянами, оно было лишь значительно ускорено в своем развитии и сопровождалось рядом важнейших качественных изменений.

При переходе к оседлости и земледелию происходила эволюция казахского кочевого хозяйства, которое принимало скотоводческо-земледельческий полуоседлый характер.

Вместе с тем М. О. Ауэзов, говоря о земледелии, совершенно не стремится преувеличивать масштабы его развития.

В соответствии с объективной исторической достоверностью кочевое скотоводство с его патриархально-

феодалными устоями представлено в эпосе как доминирующая отрасль производства, которая, хотя и переживала состояние глубокого кризиса, однако продолжала сдерживать широкое проникновение и развитие более прогрессивных производительных сил.

В последней четверти XIX — начале XX века усилился насильственный захват феодально-родовой верхушкой общинной земли на правах фактической частной собственности, что сопровождалось значительным обострением классовой борьбы.

Процесс растущей монополии господствующего класса в пользовании общинными землями стал особенно очевиден, когда «ослабились родовые покровы, маскировавшие феодальные отношения, когда земельная теснота обусловила юридическое закрепление точных районов кочевья за теми или иными феодалами, когда феодалы имели мощную поддержку в лице царского правительства. Теперь феодал не говорил о родовой собственности на пастбища, наоборот, он присваивал их открыто, объявляя себя собственником. Часто пастбища становились объектом купли-продажи, аренды и других сделок»⁸⁹.

Материалы обследования хозяйства казахов Семипалатинской области многократно констатируют аренду и продажу земли. Так, в отношении группы аулов рода анет Чингизской волости отмечалось: «Сдача в аренду и продажа зимовок — обычное явление»⁹⁰.

Следовательно, захват феодальной верхушкой зимовых пастбищ с примыкающими сенокосными угодьями в частную собственность, начавшийся уже в предшествующую эпоху, в последней четверти XIX века все более углублялся и расширялся, распространяясь уже и на летние пастбища, находившиеся ранее в беспорном общинном пользовании.

Этот процесс интересно раскрыт и в романе об Абае, где показано, что за феодальной борьбой между родами в отличие от прежних времен ясно видны интересы феодально-родовой верхушки, монополично владеющей «спорными» между родами землями. Особен-

⁸⁹ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 30.

⁹⁰ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 74.

но явно это проступает в положении бедняков Кокенской волости, занимавшихся земледелием, которые в течение полувека подвергались земельным притеснениям со стороны сильного племени тобыкты, вернее, его господствующей верхушки.

Так, еще Кунанбай завладел урочищами кокенцев Жымба, Аркалык, Кушикбай. Другими тобыктинскими воротилами были захвачены урочища Акжал, Торе-Кудык, Каракудык, Обалы, Когалы, из-за которых разыгралось жестокое побоище. Умело вскрывая и в этом случае социальную суть земельного спора, М. О. Ауэзов показывает, что незаконно захваченными землями монопольно владели лишь отдельные крупные феодалы. Например, Жиренше, владелец тысячного табуна, отец которого Шока забрал у уаков конец Бильды, местность Акжал; отец Абралы, занявший урочища Обалы и Когалы; отец Уразбая тоже вопреки воле хозяев поселился на Каракудыке и Торе-Кудыке. «И без того жизнь у кокенцев была тяжелой: земли для посевов не хватало, они давно уже бедствовали, лишившись плодородных пастбищ, отнятых у них тобыктинцами. Распахать бы эту широкую, протянувшуюся на много верст равнину, сколько можно было бы собрать хлеба! Но как распашешь, когда на ней пасутся шестидесятитысячные табуны Уразбая и других богачей»⁹¹.

Острая борьба за землю разгорелась особенно после того, как кокенцы обратились к русской администрации, решив во что бы то ни стало вернуть себе земли, отнятые у них тобыктинцами. «На Жалпаковском чрезвычайном съезде было вынесено справедливое решение, предложившее тобыктинцам немедленно вернуть захваченные земли их настоящим хозяевам. Тобыктинские воротилы подожгли юрту, где находились бумаги русских чиновников с решениями съезда. Чиновники уехали, земельный спор остался решенным наполовину. Кокенцам удалось восстановить бумаги, и землемер начал отрезку земли»⁹². Тогда Уразбай посылает кокенцам угрожающий сале́м, требуя прекращения работы землемера и примирения, т. е. отказа от

⁹¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 578.

⁹² Там же, стр. 568.

земель, на которые они претендуют. Однако уаки решились искать справедливости.

Собирая жигитов для нападения на кокенцев, Уразбай говорит о них: «Кто такие уаки? Однолошадные, нищие хлеборобы с немазанной, скрипучей телегой! Собрались из сорока родов! Ну, берегитесь теперь, косари, пахари, плотники, однолошадники!»⁹³

Заставляя тобыктинцев составить отряд для нападения на кокенцев, Уразбай и другие воротилы обманывали народ — распространяли мнение, что земли, которые хотят вернуть уаки, принадлежат всему народу, всему племени тобыкты.

Словами «за народ», «за нашу землю» Уразбай прикрывал свои темные корыстные замыслы. Однако рядовые тобыктинцы, часть из которых вынуждена была принять участие в походе, в душе были против затеи степных воротил. О пробуждающемся классовом самосознании и крушении прежних патриархально-родовых иллюзий говорят трезвые голоса бедняков: «Неимуций тобыктынец сроду и не бывал на таких тучных пастбищах, как Каракудык, Торе-Кудык и Жымба». Или «Мой конь травинки там не сорвал, а я сам глотка воды не выпил»⁹⁴.

Приведем текстовый материал эпопеи, свидетельствующий о концентрации земли у феодально-байской верхушки и насильственном обезземеливании бедноты слабых родов, а также дающий наглядное представление о классовом единении феодалов, выступавших в содружестве против рядовых шаруа, у которых они забирали землю.

«Из 2 тысяч семейств тобыкты спорными пастбищами и выгонами пользовались только 30 баев — они то и сидели в юрте Уразбая, представляя тобыктинские аулы. Как во времена Кунанбая, так и сейчас, при Уразбае, сильнейшие главари родов тобыкты притесняли своих соседей, хлеборобов уака, отнимая у них земли.

Зимой, лишь только выпадал снег, богачи-тобыктинцы выгоняли свои табуны в 50—60 тысяч лошадей на хорошо защищенные от ветров обильные пастбища, захваченные у кокенцев. Сейчас эти богачи поспешили

⁹³ Там же, стр. 570.

⁹⁴ Там же, стр. 571.

в Каракудык, потому что их корыстные интересы завязались в один узел с интересами Уразбая, владельца трех тысяч коней»⁹⁵.

Эти данные романа и им подобные наравне с историческими источниками говорят о резкой неравномерности в пользовании землей родовой верхушкой и рядовыми шаруа. «Одни киргизы пользуются огромными пространствами, другие — маленькими участками (до 4 десятин на мужскую душу), встречаются группы киргизов вовсе безземельных, иногда сотнями кибиток»⁹⁶.

Следовательно, формально признававшееся общинное владение землей практически не препятствовало давнему процессу концентрации земельных угодий в руках богатой верхушки аула, монополюльно распоряжавшейся пастбищами.

Бедные общинники, фактически лишенные возможности иметь в своем пользовании земли, зависели от воли феодала. Раскрытый в романе процесс насильственного захвата баями зимовых стойбищ рядовых шаруа подтверждается и заключением указанной выше экспедиции по обследованию Семипалатинской области, в котором по Семипалатинскому уезду отмечалось, что богатые хозяева, «если представляется случай, то насильственно захватывают зимовки бедняков»⁹⁷ с целью выделить своих сыновей.

Насильственный захват земель нередко сопровождался кровавыми столкновениями. Так, сто жигитов, посланных тобыктинскими воротилами, вооруженные соилами, секирами, пиками, напали на кокенские аулы, стремясь угнать их табуны. Но кокенцы встретили тобыктинский отряд с оружием. Всю ночь шло кровопролитное сражение. Тобыктинцы, думавшие угнать табуны, принадлежавшие кокенцам, вынуждены были бежать. Главарям набега удалось уйти от погони, а в руки кокенцев попали «как раз наименее виновные в набеге тобыктинские бедняки: пастухи, табунщики, скотники, дояры, лишь волею своих хозяев оказавшиеся в шайке барымтачей. На их головы и обрушилась

⁹⁵ Там же, стр. 571.

⁹⁶ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4969, св. 562, лл. 43—47.

⁹⁷ Указанные материалы по киргизскому землепользованию, т. X, Семипалатинский уезд, стр. 85.

вся тяжесть беды, накликаемой тобыктинскими главарями на мирных жителей уака»⁹⁸.

Таким образом, бедняки племени, принужденные защищать интересы феодалов, от которых они зависели, жестоко страдали в феодальной борьбе за землю: получали увечья, отдавали жизни.

Жизнь народа воспроизводится автором во всех ее проявлениях: труде, участии в феодальных междоусобицах, классовой и антиколониальной борьбе. М. О. Ауэзов изобразил, как отражались на судьбе народа социальные и политические явления, характерные для казахского общества того времени. Одновременно писатель раскрыл и отношение народа к этим явлениям, его заветные мечты и чаяния. Автор показал, как фактически сложившееся право феодала монопольно и неограниченно пользоваться общинными землями пришло в резкое противоречие с интересами рядовых общинников, которые, занимаясь земледелием и сенокосением, тем самым препятствовали феодалам свободно распоряжаться всей общинной землей. Поэтому так обострился аграрный вопрос в конце XIX — начале XX века, когда бай, стремившиеся пасти свои многотысячные стада на всей общинной земле, пользовавшиеся сезонными пастбищами, стали встречать ограничение в связи с переходом части этих земель под пашни и сенокосы оседлых поселений егинши. Это обстоятельство привело к ожесточенной борьбе за землю в казахской степи. Как уже отмечалось, байство жестоко преследовало земледельческую бедноту, прибегало к потраве урожая зерновых культур, сенокосов.

Воссоздание в эпопее «Путь Абая» различных форм патриархально-феодальной зависимости казахского крестьянства, резкого ухудшения положения народа в связи с дальнейшим размахом узурпации общинных земель феодальной верхушкой казахского общества способствует раскрытию конкретно-исторической обстановки описываемой эпохи и ее все растущих конфликтов между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Выше было показано, как тысячный табун Такежана вытоптал большой урожай бедняков-жатаков. Это была умышленная, заранее продуманная потрава. Та-

⁹⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 585.

кими средствами, по мысли баев, можно было заставить бедняков отказаться от земледелия, разрушить районы складывающейся оседлости.

Не менее острый характер носила борьба за покосы, так как в полуоседлых хозяйствах Семипалатинской области особенно ценились сенокосные угодья.

Так, семь аулов бедняков рода жигитек жалуются, что Азимбай насильно забирает у них половину покосов на урочищах Шуйгенсу и Азберген. Он отнимал сено и в прежние годы, и теперь третий раз производит самовольный покос на их угодьях, несмотря на сопротивление хозяев. Бедняки жалуются на это беззаконие Абая, говоря, что их «скот — земля, не шерсть стрижем мы, а сено», и «эта земля всегда была причиной ... бед... Раньше от Кунанбая народ терпел унижения и насилия из-за земли. Умер Кунанбай, а кунанбайство не сгнуло»⁹⁹. Ища защиты у Абая, бедняки поясняют: «А для нас это сено — большая подмога. Своего скота в наших аулах нет, так мы брали на зимний прокорм скот у крепких аулов. А он накидывается на наше добро каждый год. Без спросу скосит и увезет»¹⁰⁰.

Абай потребовал, чтобы Такежан вернул жигиткам сено, но Такежан отказался и передал им угрозу: «Если жигитеки вздумают свезти его (сено. — Л. А.) к себе, пусть знают: возвращаясь на зимовье, я остановлюсь около их аулов и снимусь с места только тогда, когда мой скот сожрет все сено, которое они у меня увезут»¹⁰¹.

Однако жигитеки, решившись оказать активное сопротивление беззаконию Такежана, развезли по своим зимовкам принадлежавшее им сено. Узнав об этом, Такежан не пошел на свою зимовку Мусакул, а повернул к зимовьям тех семи жигитековских аулов, которые увезли к себе сено с Шуйгенсу и Азбергена. «Впереди каравана ехали Такежан и Майбасар, с ними около дюжины наглых, готовых на все жигитов. Всадники остановились на небольшом холме, по склону которого тянулись низкие, сложенные из дерна загородки загонов для скота. Здесь же стояли и скирды

⁹⁹ Там же, стр. 77.

¹⁰⁰ Там же, стр. 19.

¹⁰¹ Там же, стр. 83—84.

сена, вызвавшего раздор. За караваном на холм поднялись тысячные стада Такежана. Неумолимой лавиной они навалились на жалкие заросли чия, на заповедные пастбища небогатых аулов, сохраняемые на зиму. Овцы и коровы разбрелись по ним, уничтожая траву, верблюды и коровы покрупнее, вытянув шеи через низкие загородки, жадно пожирали сено из стогов»¹⁰². И караван Такежана начал ставить здесь юрты с твердым намерением потравить все корма жигитеков, уничтожить все заготовленное сено.

Касаясь обострения аграрного вопроса в целом, М. О. Ауэзов сумел отразить и такое новое явление, связанное с проникновением в казахскую степь капиталистических отношений, как аренда земли. Земля уже также становилась товаром. Об этом говорят, например, такие факты. Во время джута Абай просит разрешения у ажинцев, имевших немного скота, уступить ему часть пастбищ с обильными, оставшимися под снегом кормами, обещая уплатить за пастьбу¹⁰³.

Аренда земли получила большое распространение в Семипалатинской области, особенно в Бельгагачской степи, где, как неоднократно упоминается в романе, казахские селения перемежались с русскими поселками. Казахи приходили в этот плодородный и благоприятный для земледелия район из других волостей края и арендовали здесь землю. Аренда земли, как распространенное в Казахстане явление, зафиксирована во многих архивных и литературных источниках, относящихся к концу XIX — началу XX века. Так, во всей Семипалатинской области, по данным 1903 г., арендовалось 100 тыс. десятин земли, принадлежавшей Кабинету, казакам и крестьянам Томской губернии (в первую очередь, в Бельгагачской степи), причем казаками арендуется около $\frac{1}{5}$ части этого пространства¹⁰⁴.

Земельная теснота, усугубленная колониальной политикой изъятия земель под переселенческий фонд, в конце XIX века привела к тому, что в целом ряде районов значительная часть казахского населения вынуждена была переходить к аренде земли у русского

¹⁰² Там же, стр. 90.

¹⁰³ Там же, стр. 735.

¹⁰⁴ «Россия». Полное географ. описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова, т. XVIII, Киргизский край, стр. 225.

казачества. Так, например, Арчалинская волость Семипалатинской области состояла из 1414 кибиток, из которых 800 кибиток за известную «плату проживают на войсковых и юртовых казачьих землях»¹⁰⁵.

В 1902 г. в Семипалатинском уезде арендовало землю у казаков 1526 семей (7600 чел.) казахов, а на офицерских участках, принадлежавших Сибирскому казачьему войску, — 778 семей (4414 чел.)¹⁰⁶.

Обострение аграрного вопроса в конце XIX — начале XX века и связанный с ним процесс углубления кризиса кочевого хозяйства во многом были усугублены реакционной колониальной аграрной политикой царского самодержавия, выразившейся в массовом расхищении казахских земель и усилении колониального гнета. «Переселенческий фонд, — отмечал В. И. Ленин, — образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев»¹⁰⁷.

Переселенческое движение в Казахстан в начале XX века рассматривалось царским правительством как приоткрытие предохранительного клапана и притупление аграрных противоречий в центре России¹⁰⁸, выразившихся в массовых аграрных движениях и нарастании революционной ситуации в стране. В 1903 г. у казахов Семипалатинской области было изъято 235 300 десятин¹⁰⁹, а к 1906 г. — 536 124 десятины¹¹⁰.

Многочисленные источники убедительно свидетельствуют, что при создании переселенческого фонда нередко имело место насильственное лишение казахских шаруа, перешедших к земледелию и оседлости, обработанных ими пашен. Так, в Семипалатинском уезде для переселенцев был выделен Джартасский участок, расположенный в 90 верстах от Семипалатинска, на котором «имеющиеся в низинах киргизские пашни... все отошли будущим переселенцам»¹¹¹.

В этом отношении очень интересен архивный материал, из которого видно, что Абай Кунанбаев высту-

¹⁰⁵ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 3, л. 10.

¹⁰⁶ Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в поздней четверти XIX — начале XX века. Алма-Ата, 1963, стр. 261.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 330.

¹⁰⁸ Там же, стр. 327.

¹⁰⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 1259, св. 81, л. 27.

¹¹⁰ В. А. Тресвяцкий. Указ. работа, стр. 98.

¹¹¹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1834, лл. 122—148.

пал поборником развития земледелия среди своих со-родичей в районе р. Баканас с притоками Джанабек и Байкошкар, связанного с необходимостью проведения оросительных каналов. Не случайно поэтому он стремился противодействовать созданию из этих земель переселенческого фонда.

В архивном источнике прямо говорится, что, когда возник вопрос об изъятии для нужд колонизации участков земли по р. Баканас и его притокам, переселенческим чиновникам стало известно, что «влиятельный Ибрагим Кунанбаев обратился к семипалатинскому военному губернатору с прошением, в котором он ходатайствует о разрешении ему и другим 45 кибитковладельцам Чингизской волости образовать оседлое поселение по Баканасу и его притокам Джанабек и Байкошкар. Но при этом он просит о разрешении своим доверителям в течение 5 лет продолжать кочевое хозяйство с перечислением их в Мокурскую волость и о переводе по р. Баканас двух сельскохозяйственных школ Семипалатинской области». Царский чиновник, заинтересованный в изъятии указанной территории под переселенческий участок, поставил под сомнение возможность и целесообразность проведения здесь дорогостоящих оросительных арыков. А. Кунанбаев подтвердил, что на оросительные сооружения придется «затратить не меньше 5 тысяч руб.», но при этом подчеркнул, что такая сумма «не затруднит доверителей, так как все они люди очень состоятельные»¹¹².

Но царский чиновник усомнился и в этих словах Абая и, продолжая настаивать на необходимости изъятия упомянутых земель, мотивировал свои соображения тем, что «трудно допустить, чтобы такой значительный расход был сделан людьми, незнакомыми с сельским хозяйством исключительно ради возможности завести здесь пашни и оседлый поселок». Он писал: «Самый состав доверителей Кунанбаева возбуждает сомнение, все это люди... очень богатые, непривычные к земледельческому труду»¹¹³.

Однако достаточно хорошо известно, что в конце XIX — начале XX века баи нередко занимались зем-

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

леделием, широко применяя наемный труд в своих хозяйствах, производящих товарный хлеб.

Предвзятость царского чиновника особенно наглядно проявляется, когда он приводит домыслы мокурского волостного управителя в отношении намерений Абая. Эти домыслы — образец клеветнических наветов на поэта.

Мокурский волостной управитель объясняет затею Кунанбаева желанием захватить в свою пользу прилегающие летовки и, перечислившись в названную волость, «интриговать в пользу своего избрания в волостные управители»¹¹⁴.

Явная тенденциозность в донесении царского чиновника совершенно очевидна, иначе не понять его заинтересованности в отводе спорного участка русским переселенцам, которые тем более не имели ни опыта, ни средств для проведения дорогостоящих оросительных каналов. Между тем многочисленные источники убеждают нас в том, что в долине р. Баканас казахи издавна занимались земледелием с искусственным орошением.

Так, по свидетельству архивных источников, в Каркаралинском уезде, в долине р. Баканас, казахские егинши уже много десятилетий занимались хлебопашеством. Причем «посевы производятся в узкой приречной долине и орошаются арыками, выведенными к самой реке»¹¹⁵.

Важной темой эпопеи является широкий показ подъема народного протеста, нарастающей классовой борьбы.

Резкое углубление имущественной дифференциации аула и узурпация баями общинной земли в последней четверти XIX — начале XX века явились основой для роста недовольства народных масс, обострения классовой борьбы.

С большой художественной убедительностью раскрываются М. О. Ауэзовым основные классовые противоречия эпохи, вынуждавшие народные массы подниматься на защиту своих жизненных интересов. Глубоко достоверная картина народной жизни в эпопее дает возможность воочию убедиться, что острая нужда

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

в земле, особенно в сенокосных угодьях, которые все более расхищались баями, стала главным содержанием классовой борьбы. Это была борьба за землю между феодально-родовой верхушкой, широко практиковавшей захваты общинной земли в свое монопольное распоряжение, и казахской беднотой, переходившей к земледелию и оседлости, для которой земля становилась единственным источником существования.

Уже в первой книге эпопеи мы видим проявление классовой борьбы в выступлениях одиночек-бунтарей, угонявших скот у Кунанбая и других заправил рода иргизбай, чтобы помочь народу, голодающему после джута.

Один из них, Балагаз, говорит о себе, объясняя, почему он встал на путь конокрадства:

«Он (Кунанбай.— Л. А.) разбогател на моей бедности. Где моя земля? Где мое имущество?.. А мои близкие сохнут от голода — для них это спасение от голодной смерти! Я отнимаю у богача и отдаю неимущему... Я не вор, я — мститель!» После поимки Балагаза Кунанбай отправил его и жигитов, помогавших ему, в Семипалатинскую тюрьму. Раньше к таким мерам никто не прибегал, но Кунанбай пошел на риск, так как «их поведение было слишком вызывающим и ставило под угрозу общую веру в безграничность его собственной силы и власти...

В деле Балагаза Кунанбай видел не простое конокрадство... Что же получится, если весь народ, голодный и бедствующий, пойдет за ними? Кунанбая охватила дрожь при одной мысли об этом. Эта опасность сама вела к необходимости беспощадных, быстрых и решительных действий. Кунанбай рассчитывал запугать народ, жестоко наказав бунтарей в назидание другим»¹¹⁶.

Классовая борьба находила проявление и в огромном количестве народных ходатайств о смягчении участи Балагаза. Абай рассказал адвокату Андрееву, что жигиты брали скот только у богачей и делились добычей с голодающим после джута народом. «Узнав все эти подробности, Андреев задумался. Ему вспомнились имена Робин Гуда, Карла Моора, Дубровского»¹¹⁷.

¹¹⁶ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 379.

¹¹⁷ Там же, стр. 390.

Таким образом, во всех этих ситуациях автор, верный принципам историзма, стремился вскрыть классовую обусловленность действий представителей различных социальных групп, их идеологии.

Давая классовую борьбу в развитии, М. О. Ауэзов последовательно показывает, как выступления против господствующего класса отдельных «бунтарей» перерастают в новые формы народного протеста, находившего выход в значительно более активном сопротивлении — массовой откочевке.

В первом томе эпопеи есть эпизод, когда семипалатинский уездный начальник, ведя расследование по делу Оралбая, обвиненного в конокрадстве, допускает грубый произвол и насилие — избивает допрашиваемых: Базаралы и биев Уразбая, Жиренше, Асылбека. Вмешательство Абая, а затем взрыв народного возмущения, вызванного еще и другими злоупотреблениями, связанными с подготовкой к выборам, сорвали последние; заключенные были освобождены, выборные юрты разрушены и сожжены, народ, прибывший на выборы, откочевал, оставив в голой степи уездного начальника с его свитой и растерянного волостного управителя Такежана.

В такого рода эпизодах находит свое проявление и другая важная в идейном содержании эпопеи сторона — тесное переплетение антиколониальной и классовой борьбы казахских трудящихся.

Развернуть все эти красочно воспроизведенные эпизоды столкновения народа с царскими чиновниками, действовавшими по произволу, дали основание следующие факты, добытые М. О. Ауэзовым на родине поэта.

«Бір ояз қолма-қол сияз құрғызып тентекке кетенін түргізіп, дүре салғызып жібереді. Оразбайды біреу шағып, оған 25 қамшы дүре соққызды. Жабай шақса керек... Жиреншені Орман шағып, ертең бергізейін дегенде, екі солдаты ала жөнелді. Жалаңаштап жаңа дүре соғарда Абай кеп аман алып қалады. Давковский деген ояз Атымтайға дүре соғады. Ол бақырып жатыпты. 15 шыбық соғыпты»¹¹⁸.

«Один уездный начальник, лично проводя съезд, непокорных выпорол розгами. По заявлению одного из жаловавшихся, Уразбай получил 25 ударов. Вероятно,

¹¹⁸ Архив ЛММА, папка № 29, л. 150 об.

жаловался Жабай. На Жиренше жаловался Орман, ему [Жиренше] предназначалось наказание на завтра, но два солдата, схватив, повели его. В тот момент, когда его, раздев, хотели избить, шел Абай и освободил его. Уездным начальником был Давковский. Избили розгами Атымтая. Он кричал. Он получил 15 ударов розгами».

Для воссоздания картины народного возмущения, вызванного диким произволом русских колониальных властей, М. О. Ауэзов использовал скупое свидетельство, записанное писателем С. Бегалиным на родине Абая.

«Екінші Шербешнай Арқатта болды. Онда ояздың үйі өргенеді. Тобықты өртеді деседі»¹¹⁹.

«Второй чрезвычайный съезд был в Аркате. Там сожгли юрту уездного начальника. Говорили, подожгли тобыктинцы».

Таким образом, уже на основании этих материалов (а их можно умножить) видно, что, беря за основу отдельные действительные факты истории, засвидетельствованные в воспоминаниях современников или архивных источниках, М. О. Ауэзов творчески осмысливает их, добивается художественной типизации, дополняя, обогащая их своим авторским домыслом, с целью более точного, более яркого отражения сути эпохи, художественной и исторической правды.

Каким бы богатым историческим материалом ни располагал автор, главной его задачей является превращение этого материала в зримые образы эпохи.

А. Толстой писал по этому поводу: «В каждом художественном произведении, в том числе в историческом романе, в исторической повести, мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи и осмысливающего эту эпоху. В этом конкретное отличие между художником и исследователем. Ученому нужна цепь последовательных фактов, чтобы рассказать об истине. Художник берет на себя смелость, или дерзость, — на основании даже незначительных осколков — своей фантазией, своей интуицией смело и уверенно рассказать об эпохе»¹²⁰.

¹¹⁹ Там же, л. 108.

¹²⁰ А. Толстой. Собр. соч., т. 13, стр. 592.

Автором широко показаны такие наиболее распространенные проявления классовой борьбы шаруа, как отказ от выполнения распоряжений волостных, самовольный уход от баев на наемные сельскохозяйственные работы к русским кулакам и казачеству, на промыслы и промышленные предприятия.

Пробуждение самосознания трудящихся-казахов проявляется и в многочисленных жалобах их на байский произвол, которые они адресуют местным органам царской власти. Отстаивая свои права на землю, они пишут о насильственном захвате баями призимовочных территорий, принадлежащих беднякам, составляют жалобы на потравы сенокосов и пашен и посылают их в уездную администрацию или в поисках справедливости апеллируют к чрезвычайным съездам биев, проходившим при участии русских колониальных властей. Так, жатаки с помощью русских переселенцев составили акт о потраве пашни и передали уездной администрации жалобу на Такежана; 50 бедняков-жатаков, пострадавших вновь от потрав пашен такежановскими табунами, едут требовать возмещения за убытки на Балкыбекский межплеменной съезд.

Но наиболее впечатляет воспроизведение в эпопее рождения новых форм борьбы, когда бедняки переходили к активному сопротивлению байству, борясь за принадлежавшую им землю. В скотоводческо-земледельческих полусоседных хозяйствах важную роль играли сенокосные угодья, поэтому борьба за покосы, как уже отмечалось, носила особенно острый характер.

Выше было показано, как Азимбай произвел насильственный покос на земле семи аулов жатаков на урочищах Шуйгенсу и Азберген. Жатаки же развезли незаконно скошенное сено по своим зимовкам, впервые решившись оказать коллективное сопротивление такежановскому аулу. В ответ на это Такежан, приведя свое тысячное стадо к зимовьям жатаков, пустил его уничтожать заготовленное сено и заповедные зимние пастбища жатаков.

Народ решается на активное выступление против иргизбаевских воротил. Возглавил эту борьбу Базаралы. Объединяя бедняков для похода против Такежана, Базаралы собирает в аулах Миалы и Байгабыла жатаков, которые имели лошадей и могли выступить вер-

хом. Он говорит: «Оттуда начнется поход... Годы мечтал я об этом... Это будет поход бедняков, таких же, как я, как вы, поход мести!» Сорок пять жигитов во главе с Базаралы напали на табунщиков Такежана, охранявших его многочисленный табун. Сломив их сопротивление, отряд Базаралы угнал весь табун Такежана. В эту же ночь Базаралы роздал коней беднякам-жатакам. Такежановский табун был поделен между немущими аулами, раскинувшимися на широком пространстве урочищ Шуйгенсу, Азберген, Караул — до отдаленного Колденена у Чингизских гор¹²¹. Но, посылая коней, Базаралы предупреждал, что их можно употребить только на мясо. «Приказ его был выполнен точно: во всех аулах жигитеков-бедняков, на Шуйгенсу, Карауле, в горах Чингиза, резали присланных коней. Огромный табун Такежана исчез в одну ночь»¹²².

Невиданно смелый набег поразил всех.

«... Не только нынешнему поколению тобыкты, но и старикам не приходилось быть свидетелями такого разгрома... При прежних набегах табуны угонялись лишь как залог, до вынесения решения, никогда не уничтожались, степная знать говорила, что Базаралы научился этому на каторге»¹²³.

В глазах множества простых людей Базаралы предстал человеком, отомстившим богачам за обиду, оскорбления и лишения. Это было активное проявление классовой борьбы, недаром Абай говорит: «Подобного дела в тобыкты еще никто не совершал. Оно означает многое. Это подвиг гнева». Старик Даркембай верно сказал об этом походе бедняков, что «начал его народный гнев, дошедший до кипения»¹²⁴.

Надо сказать, что в основе описаний активных форм классовой борьбы, которую возглавил Базаралы, созданных творческим воображением писателя, лежат, например, следующие, отрывочные сведения, записанные М. О. Ауэзовым со слов Ермусы:

«Такежан жылқысын аларда Айдос Орданың кезеңінен тапқан. Бірақ жігітек Орданың шығыс жағымен кеткен.

¹²¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 101.

¹²² Там же, стр. 102.

¹²³ Там же, стр. 103.

¹²⁴ Там же, стр. 233.

Базаралы жанында сапысы, мойнында мылтығы, кісілерін тосып, құмалақ сап қолды болды-ау деп қорқып отырады»¹²⁵.

«Когда угоняли коней Такежана, жигитеки ушли восточной стороной Орды. Базаралы с саблей, с ружьем на шее, спрятав своих людей, встревоженный, гадал на кумалаках, думая, что с [жигитеками] что-то случилось».

Или другое скупое свидетельство, записанное от Мадияра и повествующее о последствиях нападения на Такежана, когда весь род жигитек понес ответственность за барымту. Решение суда всей тяжестью обрушилось на жигитекскую бедноту, которая должна была возместить убытки, причиненные Такежану.

«Кунту болыс болудың арты тым-тырақаймен бітеді дейді. Жігітектен көп мал шығады. Кедей боп қалады»¹²⁶.

«Конец Кунту как волостного управителя был бесславным. Жигитеки лишились большого количества скота. Обеднели».

Прибегая к обобщению в образе Базаралы новых черт, отражающих развитие прогрессивных тенденций в борющихся социальных и политических силах рассматриваемого периода истории казахского народа (последняя четверть XIX века), М. О. Ауэзов стремился к типизации персонажей, выступавших как бы представителями своего времени, определенной социальной среды, ее идеологии.

Большое внимание к подлинным свидетельствам источников, исследовательский и творческий подход к ним автора в период работы над образом Базаралы создали основу для конкретно-исторического изображения этого образа в романе, с глубокой социальной мотивировкой его поступков, с воспроизведением картины роста его классового сознания.

Прослеживая развитие самосознания Базаралы после его возвращения из ссылки, М. О. Ауэзов, опираясь на эти скудные, но весьма важные в биографии героя факты, смело идет на творческое домысливание его образа. Он превращает Базаралы в сознательного

¹²⁵ Архив ЛММА, папка № 29, л. 134.

¹²⁶ Там же, стр. 109.

борца, объединяющего и поднимающего степную бедноту на борьбу со своими угнетателями. Базаралы говорит в романе: «Будь что будет, пусть ждет меня казнь, но я познал великое счастье: увидел силы народные, таящиеся под гнетом жизни... Пусть сейчас и не даст облегчения людям наш набег — никто в народе не жалеет о содеянном. Наоборот, люди почувствовали, какой великой силой они обладают, если смело встают на борьбу... Великое счастье — увидеть, как пробуждаются силы народа»¹²⁷.

Таким образом, наиболее активной в тот период формой классовой борьбы, проявлявшейся в вооруженных столкновениях, был угон беднотой байского скота в ответ на насилие.

Так, после потравы азимбаевскими табунами посевов жатаков последние захватили 30 коней из его табуна и с помощью русских переселенцев отразили нападение азимбаевских жигитов, требовавших возврата коней¹²⁸. При этом народ принял решение: «Если байские аулы придут с мирными переговорами, они смогут получить обратно своих коней, оплатив жатакам все убытки. Если же нет — кони останутся у жатаков»¹²⁹.

Такежан, объединив своих ближних сородичей, решил разгромить аул жатаков, посмевших вступить на путь вооруженной борьбы с ним.

«К полудню иргизбаи сели на коней. Собралось более 150 всадников. Это были вооруженные соилами и шокпарами байские сыновья и их приспешники, молодые повесы...

Все это войско двигалось к аулам бедняков неторопливо и грозно. Было видно, что иргизбаи действительно решились выполнить свое обещание — разметать аулы жатаков»¹³⁰.

Этот эпизод раскрывает пробуждение классового сознания у обездоленного люда. На помощь «жатакам» потянулось множество неимущих из бедных аулов, расположенных поблизости, на урочищах Ойкодык, Киндикты, Корык, Шолпан, Ералы. Некоторые сидели верхом на клячах, но большинство ехало на верблю-

¹²⁷ М. А у э з о в. Абай, кн. 2, стр. 128—129.

¹²⁸ Т а м ж е, стр. 249.

¹²⁹ Т а м ж е, стр. 252.

¹³⁰ Т а м ж е, стр. 258.

дах и на волах, забравшись по несколько человек им на спину, а еще больше людей шли пешком. Но не было ни одного человека без соила или шокпара. И эти истощенные, оборванные люди несли в сердцах справедливый гнев...»¹³¹

Кровопролитное вооруженное столкновение было предотвращено лишь появлением Абая с большой группой сородичей, вставшего на сторону жатаков и добившегося в результате переговоров прекращения конфликта, причем 30 коней из такежановского табуна остались у жатаков, как возмещение за потраву.

Воссоздавая исторический облик народа, М. О. Ауэзов стремился раскрыть его национальный характер прежде всего в героике активной классовой борьбы. Типизированный образ народа особенно ярко представлен автором, в частности, в лице названного выше Базаралы. В этом образе обобщены сила, богатырский характер народа, его талантливость и духовная красота, вера в светлое будущее.

Но и сам «народ, умный, мужественный, талантливый, с трудом, на ощупь пробивающийся к свету справедливости, встает рядом с Абаем как равный ему герой эпопеи. И каждое лицо в этом собирательном образе — своеобразный и полноценный характер: «этот», которого безошибочно узнаешь в толпе»¹³².

Во второй книге эпопеи рост народного возмущения предстает во все более грозных и организованных формах. Характерно проявление народного гнева против Уразбая, в течение многих лет жестоко угнетавшего своих обедневших и зависимых сородичей.

Поводом для взрыва накапливавшегося годами народного протеста послужили дикий произвол и насилие, учиненные Уразбаем по отношению к грузчику Сеиту.

Объединившись, 500 человек бедняков из рода сактоголак приняли участие в набеге на аул Уразбая, на которого обрушилась вся сила народного мщения. «Докатившись до аула Уразбая, грозная лавина набега разнесла его вдребезги. Жигиты угнали весь целиком трехтысячный табун, принадлежавший Уразбаю и его

¹³¹ Там же.

¹³² З. С. Кедрина. Мухтар Омарханович Ауэзов (1897—1961). В кн.: М. Ауэзов. Путь Абая, кн. 2 (предисловие). М., 1965, стр. 17.

сыновьям. 500 всадников ураганом пронеслись взад и вперед по аулам Уразбая, сметая и грома все на своем пути»¹³³.

Ярким примером того, как дорабатывал и домысливал автор крайне скудные, отрывочные сведения, сохранившиеся в памяти народа, могут служить сообщения Архама Исхакова, творчески использованные автором при описании народного протеста, возглавленного Базаралы, против произвола и насилий Уразбая.

Архам Исхаков сообщил М. О. Ауэзову лишь следующие факты: «Оразбай жылқысын алу, 1899 ж. Қарасу, Сақтоғалақ — Қаражан, Байғұлақ онда өлген. Бейсембай старшын, Оразбай тірідей көрге көмген, Жүрбәмбет, Салмұрын, Таңатарға қосылып кетеді. 5 мың жылқыны тиіп алып кетеді»¹³⁴.

«Угон коней у Оразбая был в 1899 г. Тогда погибли Сактоголак, Каражан и Байгулак. Старшину Бейсембая Уразбай закопал в землю живым. Жузбембет, Салмурын ушли, объединившись с Танатаром. Угнали его (Уразбая. — Л. А.) пятитысячный табун».

Основываясь на этом подлинном свидетельстве о невиданном ранее в этих краях народном мщении одному из самых крупных степных воротил, М. О. Ауэзов дал социальное обоснование действиям своих героев, их психологии.

В цитированном выше источнике упоминается старшина Бейсембай, которого Уразбай живым закопал в землю. Этот факт, сам по себе говорящий об исключительной жестокости Уразбая, был переосмыслен автором эпопеи. В целях большей исторической правдивости и более четкого раскрытия классовой сущности злодеяний Уразбая М. О. Ауэзов развертывает эпизод несколько иначе. Дикую расправу Уразбай чинит над представителем рабочего люда Семипалатинска — грузчиком Сеитом, приехавшим в аул Уразбая к своим родственникам. При чем поводом к расправе послужило исполнение Сеитом стихов Абая, избличающих жестокость и алчность степных воротил, подобных Уразбаю.

Это тот случай, когда авторский домысел более верно, чем действительное событие, отражает историческую правду. Факт личной вражды Уразбая с предста-

¹³³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 647.

¹³⁴ Архив ЛММА, папка № 29, л. 69 об.

вителием его же класса — неким старшиной Бейсембаем, будучи не типичным, не характерным, не мог способствовать раскрытию исторической закономерности. Расправа же Уразбая над приезжим из Семипалатинска рабочим хотя и является вымышленным эпизодом, но дает более верную социальную мотивировку взрыва народного возмущения.

Такого рода вымысел не есть произвол автора, он целиком порожден определенной исторической концепцией, положенной в основу произведения, и зависит от идейно-эстетических воззрений писателя.

Таким образом, М. О. Ауэзов с точностью ученого-историка отражает в романе основные черты социально-экономических условий жизни угнетенного народа, его взаимоотношений с господствующим классом, глубоко вскрывает основные причины недовольства народных масс, показывает невиданные ранее по силе и размаху проявления народного протеста. Это дает основание заключить, что в основе социальных конфликтов романа лежат не надуманные коллизии, а реальные противоречия антагонистических классов, характерные для рассматриваемой эпохи.

Степан Злобин отмечал: «Для нас, советских писателей, историчность художественного произведения определяется степенью правильного раскрытия движущих сил в исторических событиях, которые имеют решающее значение для направления жизненного развития больших человеческих масс, классов и целых народов»¹³⁵.

Стремясь к верному воспроизведению исторической действительности, развитие которой в последней четверти XIX — начале XX века определялось обострением классовой борьбы в казахском обществе, М. О. Ауэзов писал: «Мне казалось правильным, чтобы ведущее место здесь заняли социально-исторические столкновения, а как фон давались бы бытовые сцены, которые в прежних книгах (первых книгах эпопеи. — Л. А.) нередко имели самодовлеющее значение»¹³⁶.

¹³⁵ Ст. Злобин. Воспитательное значение советской художественно-исторической литературы. В сб.: «О детской литературе». М., 1950, стр. 314.

¹³⁶ М. Ауэзов. Указ. статья. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 108.

Вместе с тем эпопея верно отражает классовое единение представителей господствующего класса, недавних непримиримых врагов в феодальной межродовой борьбе, перед лицом восставшего народа — общего грозного врага. Такежан в первый же день набега послал гонцов во все богатые аулы, ко всем баям, биям, аткаминерам, старейшинам всех родов тобыкты с вестью о случившемся. «Набег вызвал гнев и возмущение не только в близких Иргизбау родах тобыкты: все богатые аулы соседних племен — уака, сыбана, наймана, керея, буры, каракесека — приняли весть о разгроме Такежана как личную обиду. Более того, злоба и ненависть, которые внушал к себе и к кунанбаевцам властный и алчный Такежан, были забыты. Казалось, перед всеми этими богатыми аулами вдруг встал во весь рост один общий, равно ненавистный всем враг»¹³⁷.

Причина такого быстрого возникновения союза против народа ясно раскрыта в словах Уразбая: «Базаралы начал не борьбу, а разбой! Что же будет, если завтра он направит голытьбу на других аткаминеров и начнет поголовно резать их табуны и стада?»¹³⁸

Приговор тобыктинских старейшин жигитекской бедноте был безжалостен. Его классовая сущность выражена в романе со всей определенностью: «... отвечать должны все жигитеки своими табунами... Пусть нищая голытьба наперед знает, что ожидает ее за такой поступок. Пусть никого не увлечет пример Базаралы! Нужно наказывать так, чтобы жигитеки не смогли больше встать на ноги. Жалости быть не может, ущерб должен быть взыскан с лихвой»¹³⁹.

Таким образом, ответчиком за уничтожение такежановского табуна был признан весь род жигитек, причем за каждую голову истребленного такежановского табуна жигитеки должны были отдать по два пятилетних коня, а всего — 1600.

«Этой же зимой и весной приговор был полностью выполнен. Из всех жигитеков не заплатились конями только те богатые аулы, которые поддерживали кунанбаевцев — аулы Уркембая, Байдалы, Жабая. На ос-

¹³⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 104.

¹³⁸ Там же, стр. 105.

¹³⁹ Там же, стр. 136.

тальные аулы, главным образом на бедные, легла вся тяжесть расплаты»¹⁴⁰.

Эта усиливающаяся в казахском ауле классовая борьба изображена М. О. Ауэзовым в полном соответствии правде истории, показана ее особенность на данном этапе. Из эпопеи становится очевидным, что отдельные стихийные выступления в рассматриваемое время еще не переросли в борьбу против господствующего класса феодалов в целом, не приняли характера народной войны. Классовая борьба казахских шаруа, показанная в романе ярко и правдиво, имела локальный характер, сводилась к выступлениям против отдельных крупных феодалов, притеснявших народ (Такежан, Уразбай и др.). Поэтому выступления казахских трудящихся не были организованы, не имели общего руководства.

Тем не менее это было началом пробуждения классового самосознания казахских трудящихся, ускоренного проникновения в Казахстан элементов капиталистических отношений, приведших к своеобразному переплетению патриархально-феодалных и капиталистических форм эксплуатации.

Убедительно показав в первой книге эпопеи господство патриархально-феодалных методов эксплуатации и соответствующей надстройки в идеологии, М. О. Ауэзов вскрывает социальную сущность общественной борьбы в степи, характерную для последней четверти XIX века, и говорит о своей цели показать, как «борьба классов, маскировавшаяся прежде родовыми отношениями, все больше обнажается, постепенно проясняется сознание беднейших слоев народных масс»¹⁴¹.

Большое внимание автора к важнейшим социальным противоречиям эпохи проявилось не только в этом случае. Роман проникнут духом борьбы, что является важной отличительной чертой советского исторического романа, столкновение различных социальных и политических сил показано писателем во всей диалектической взаимообусловленности.

В заключение необходимо отметить, что это конкретно-историческое изображение классовой борьбы от

¹⁴⁰ Там же, стр. 137.

¹⁴¹ М. Ауэзов. Указ. статья. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 103.

выступлений отдельных бунтарей до массовых походов бедноты против ненавистного феодала дает возможность увидеть историю народа в ее революционном развитии. В борьбе социально-исторических сил казахского общества явственно определяются две тенденции — реакционная, представленная господствующим классом феодалов, отстаивающим патриархально-феодалские устои, и революционная, отражающая борьбу угнетенного народа за свое социальное и национальное освобождение.

Народ предстает в эпопее как борец с реакционными силами своего времени, как решающая движущая сила исторического процесса. Не отступая от исторической объективности в создании целостной картины классовый борьбы, М. О. Ауэзов со всей страстностью советского художника проявляет свое сочувствие к несущему двойной гнет, страдающему и поднимающемуся на борьбу народу. В этом действенном проявлении растущего классового самосознания угнетенного народа, активных форм его борьбы против социального и национального гнета, свободолюбия, нашедших художественное отражение в романе, раскрывались важнейшие черты национального характера казахского народа, так многогранно воссозданные в эпопее.

Полувекковая история народа, воскрешенная в романе и показанная в развитии, отражает и отдельные изменения в общественной жизни степи пореформенного периода.

Так, новое административное устройство, укрепившее позиции царского самодержавия в Казахстане, объективно привело к значительному ограничению феодальных междоусобиц, тяжело отражавшихся на положении трудящихся, на долю которых выпадала расплата за набеги.

Предостерегающе звучат слова Абая, адресованные тобыктинским главарям, готовившим вооруженное нападение на мирных хлеборобов уака: «Времена соила и набегов проходят, что в свое время довелось узнать Кунанбаю. Давно пора это понять и Уразбаю. Если же вы не согласны со мной, поезжайте, деритесь; на собственной шкуре испытайте, чем кончаются такие дела в наше время»¹⁴².

¹⁴² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 567.

На Аркатском межплеменном съезде, проходившем при участии русской уездной администрации, благодаря авторитетному выступлению Абая в защиту прав уаков кунанбаевские воротилы потерпели полное поражение.

Новым явлением в жизни казахского общества, наносившим удар его косным вековым устоям, было стремление казахских женщин к независимости, к свободе в решении своей личной судьбы, их выступление против реакционных патриархально-феодалных обычаев аменгерства.

Если раньше женщины гибли в неравной борьбе за свои права, не находя никаких путей к спасению, то в последней четверти XIX века протест женщины, обращавшейся в русский суд за защитой от жестоких феодальных обычаев, в ряде случаев заканчивался извлечением ее от насильственного брака.

Так, Макен, убежавшая в Семипалатинск с Дарменом, не желая подчиниться старому обычаю, по которому на нее имел право брат умершего жениха, подает прошение уездному начальнику и председателю окружного суда. Она ищет защиты у русских законов, которые «все же лучше защищают личность человека, чем законы шариата в степи»¹⁴³, угрожавшие им бесчеловечной расправой.

Дело Макен решает Семипалатинский уездный начальник, склонный к «либеральному заигрыванию с местным населением, сменивший старых бурбонов и держиморд, вроде Казанцева».

Надо сказать, что, хотя суд над Макен Азимовой является вымышленным эпизодом, он верно отражает новую тенденцию — обращение отдельных казахских женщин за защитой к русскому законодательству, более прогрессивному в семейном праве по сравнению с средневековыми нормами шариата и адата, утверждавшими бесправное положение женщины.

Пробуждающееся стремление казахских женщин к личной свободе зафиксировано и в целом ряде архивных документов рассматриваемой эпохи. Любое из их прошений, будучи типичным само по себе, в основных

¹⁴³ Там же, стр. 450.

моментах совпадает с делом Макен Азимовой, являющимся авторским вымыслом.

Так, степной генерал-губернатор послал акмолинскому губернатору отношение, в котором сообщал, что, «не желая подчиниться насильственному замужеству, киргизка Полудинской волости Петропавловского уезда Джужара Тулкубаева обратилась... с прошением о предоставлении ей личной свободы в выборе жениха...»¹⁴⁴.

Во второй половине XIX века усилилось экономическое угнетение Казахстана российским промышленным капиталом. Колониальное положение Казахстана обусловило развитие его промышленности по двум основным линиям: первичная обработка сельскохозяйственных продуктов и горнодобывающая промышленность, возникшая на базе ценнейших месторождений полезных ископаемых Джекказгана, Караганды, Алтая и др.

В результате стремления российского капитализма использовать Казахстан как сырьевую базу и рынок сбыта промышленных товаров метрополии преобладающую роль в крае играли промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. В этом отношении не является исключением и описываемый в романе Семипалатинск, промышленность которого была представлена кожевенными, мыловаренными заводами, шерстемойками, пимокатными мастерскими, бойнями, овчинными, пивоваренными и прочими предприятиями.

Особое место в Семипалатинске занимали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Обрабатывающая промышленность была отсталой, носила скорее ремесленный, кустарный характер, усовершенствованное техническое оборудование почти не применялось.

Все фабрично-заводские предприятия были мелкими, концентрация рабочих на них совершенно незначительна. Не случайно, когда потребовалась помощь рабочих, лодочник Сеиль обратился к грузчикам Затона, где было значительно больше рабочих, обслуживающих Иртышское пароходство.

¹⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 537, л. 5 и об.

Вместе с тем в связи с проникновением капиталистических отношений в Казахстане начинает складываться национальная буржуазия, которую колониальные власти, защищающие интересы русских капиталистов, не допускали к разработке месторождений полезных ископаемых. Поэтому формирующаяся национальная буржуазия вкладывала свои капиталы в торговоростовщические операции, фабрично-заводские предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. В романе это явление отмечено: называется многоэтажное здание паровой мельницы татарского купца Мусина, владельца бойни Хасена и пр., эксплуатировавших казахских рабочих на основе чисто капиталистического найма.

Развитие обрабатывающей промышленности в Казахстане побуждало поднимать товарность скотоводческих и земледельческих хозяйств, способствовало расширению рынка для сельскохозяйственной продукции.

Возникновение капиталистических предприятий в Казахстане положило начало формированию казахского рабочего класса вследствие все углубляющейся классовой дифференциации казахского аула, выбрасывавшей на рынок труда большое количество полностью экспроприированных крестьян. В Семипалатинске они поселялись на рабочей окраине — в Затоне.

«Казахская беднота, покинувшая разоренные аулы в поисках куска хлеба, находила в Затоне спасение от голодной смерти — работу, пусть изнурительную, тяжелую, но все же она давала возможность прокормить жену, детей и престарелых родителей. И люди, прибывшие в Затон из аулов, радовались, что могли существовать, не протягивая руки за подаянием»¹⁴⁵.

Как и русские рабочие Семипалатинска, жатаки, выходцы из ближайших к городу волостей, построили себе лачуги на узких улочках, примыкавших к заводам.

«Среди здешнего трудового люда больше всего было грузчиков. Во время навигации они перетаскивали на спине тысячи пудов клади, а как только кончалась лет-

¹⁴⁵ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 448.

няя страда, переходили на поденную черную работу»¹⁴⁶.

В эпопее, с большой достоверностью отражающей быт городских жатаков, говорится, что последние образовали на окраинах Семипалатинска несколько поселков, названных их именами: Бас-жатак — Верхние жатаки и пр.

Городские жатаки из слободы Бас-жатак в основном работали на кожевенных заводах, шерстомойках и других мелких предприятиях города, выполняя черновую работу с крайне низкой оплатой труда.

«Большинство здешних казахов занималось тяжелым трудом, жило впроголодь. Измученные изнурительной работой бедняки поздно вечером возвращались домой и валялись с ног от усталости, едва переступив порог»¹⁴⁷.

Тяжелое положение городских жатаков, занимавшихся поденной работой, отражено автором в картинах жизни нескольких семей.

Так, лодочник Сеиль в зимнее время, когда лодка не кормит, ходил на поденную работу на бойню к мяснику Хасену.

«Лодочник занимался убоем баранов... Сын Жумап тоже работает у Хасена: дубит кожу; уходит на бойню рано утром, возвращается поздно вечером, а зарабатывает гроши»¹⁴⁸. Сеиль встает чуть свет и до темноты работает на бойне, он может забить и освежевать в течение дня до 60 баранов, а получает всего 19—20 копеек.

Такая же постоянная нужда и в доме Дамежан в Бас-жатаке, хотя вся семья работает по найму с утра до позднего вечера.

С большой художественной убедительностью и достоверностью отражено в эпопее одинаково бесправное и угнетенное положение как казахских, так и русских рабочих, находившихся в тяжелой кабале у русских капиталистов, торговцев, баев. Один из героев эпопеи ссыльный народоволец Павлов, рассказывая, как холера косит грузчиков Затона, рабочих кожевенных заводов, шерстомойки, пимокатных мастерских, восклица-

¹⁴⁶ Там же, стр. 447.

¹⁴⁷ Там же, стр. 388.

¹⁴⁸ Там же, стр. 524.

ет: «Вот где собачьи условия жизни! Не удивительно, что именно там свирепствует холера»¹⁴⁹.

Таким образом, принципиально важным является изображение в эпопее начала формирования казахского рабочего класса, как составной части российского пролетариата.

Из высказываний автора о своей работе над эпопеей известно, какое важное значение имело для него изображение борьбы купцов, промышленников и баев с городской беднотой — лодочниками, грузчиками Затона, рабочими боен и шерстомоек. «Недавно пришедшие из степей, — писал М. О. Ауэзов, — и превратившиеся в еще не организованный, но все же городской пролетариат, эти последние представляли особый интерес для меня, как писателя.

Именно в их среде можно было наблюдать становление черт нового национального характера»¹⁵⁰.

Русские и казахские рабочие, находившиеся в тесном общении на фабриках и заводах и испытывавшие жестокую эксплуатацию, начинали все более ясно ощущать общность своих классовых интересов, объединяться для совместных выступлений против общих врагов.

Из наиболее крупных совместных выступлений казахских и русских рабочих, сыгравших важную роль в развитии революционного движения в Казахстане накануне революции 1905 г., могут быть названы следующие: забастовка речников Иртышского пароходства в 1900 г.¹⁵¹; крупная забастовка на воскресенских горно-промышленных предприятиях в Экибастузе в 1903 г.¹⁵², на которых было занято свыше 3000 человек; волнения казахских и русских шахтеров на Карагандинских угольных коях, происшедшие в том же 1903 г. и продолжавшиеся несколько дней¹⁵³.

Сближение русских и казахских рабочих происходило под руководством русского пролетариата и имело

¹⁴⁹ Там же, стр. 406.

¹⁵⁰ М. Ауэзов. Указ. статья. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 106.

¹⁵¹ В. И. Семевский. Рабочие на Сибирских золотых промыслах, т. II, 1898, стр. 70.

¹⁵² Е. Дильмухамедов. Революционное движение горнорабочих Казахстана. Алма-Ата, 1955, стр. 29.

¹⁵³ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 286.

огромное историческое значение, так как открывало новую эру в революционной борьбе трудящихся России за свое социальное и национальное освобождение.

В своем стремлении к верному выражению художественными средствами закономерностей и перспектив исторического развития М. О. Ауэзов целым рядом упоминаний и сопоставлений тесно связывает совместную борьбу русского и казахского пролетариата с общероссийским революционным движением. Поэтому так важны в идейном отношении воспроизведенные во второй книге эпопеи первые совместные выступления русских и казахских рабочих, говорящие об их растущей братской солидарности и совместной борьбе против общего врага.

В этой связи М. О. Ауэзов особо стремится раскрыть влияние на казахских трудящихся революционных традиций русского рабочего класса и крестьянства. Это влияние чувствуется, например, в рассказах вернувшегося с каторги Базаралы. Единомышленники Базаралы жадно слушают его повествование о ссыльных русских крестьянах, отправленных на каторгу за выступления против помещиков.

Стремление казахских трудящихся воспринять из русского революционного движения наиболее сильные стороны отражено в раздумьях Базаралы: «Сколько молодых крестьян пригнали на каторгу за эти годы! Все они бунтовали против своих баев... Они борются не по-нашему, не в одиночку — собирают народ и обрушиваются на врага целой лавиной»¹⁵⁴.

Под впечатлением этих рассказов и на основании собственного опыта бедняки — участники набега на Такежана — «почувствовали, какой великой силой они обладают, если смело встанут на борьбу»¹⁵⁵.

Через Абдрахмана, обучавшегося в Петербурге, в аул Абая доходили сведения о первых стачках русских рабочих на фабриках Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 г. и других выступлениях пролетариата в городах России.

В. И. Ленин придавал огромное значение этому влиянию, говоря о необходимости «всякую возможность

¹⁵⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 94.

¹⁵⁵ Там же, стр. 128.

общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять»¹⁵⁶.

В рассматриваемый период в силу неразвитости местной промышленности казахский пролетариат был еще малочислен, но само его появление, переход к наемному труду на капиталистических предприятиях, объединяющих казахских рабочих с русскими, создание условий для их совместной борьбы имело важное историческое значение. Не случайно поэтому М. О. Ауэзов, стремившийся дать верное изображение исторического развития Казахстана второй половины XIX века наряду с изменениями в экономике и общественной жизни, воссоздал отдельные стороны этого процесса.

Эта четко выраженная в романе концепция ясно раскрывается и в высказывании автора в связи с работой над эпопеей: «Чем дальше продвигается роман через жизнь Абая к нашему времени, тем ближе в моем представлении должна сходиться линия развития казахского общества с судьбами русского крестьянства, с общероссийской общественной борьбой»¹⁵⁷.

Изображая казахских земледельцев в значительной степени уже независимыми от феодалов, показывая пробуждение классового самосознания угнетенных крестьян-скотоводов и формирование казахского пролетариата, как части общероссийского пролетариата, М. О. Ауэзов намечает историческую перспективу в развитии Казахстана, показывая объективные предпосылки для социалистической революции, представляя народ как решающую силу исторического процесса. Именно в этом проявляется с наибольшей полнотой подлинная и глубокая народность эпопеи об Абае как произведении социалистического реализма.

Эпопея «Путь Абая» содержит интересный материал для изучения развития казахских городов. Так, если в первой книге романа такие города, как Семипалатинск и Каркаралинск, предстают лишь как торгово-административные центры, то в последней книге отражена и возросшая их роль в промышленном и культурном развитии края.

¹⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 130.

¹⁵⁷ М. Ауэзов. Указ. статья. «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 104.

Если в 1860 г. население Семипалатинска насчитывало 9420 человек ¹⁵⁸, то в 1903 г. оно возросло более чем втрое и насчитывало 31 тыс. жителей. Причем в последней четверти XIX века значительно увеличилась численность казахского населения города.

Так, из 31 тыс. жителей Семипалатинска в 1903 г. мусульманское население — казахи и частично татары — составляло 9 тыс. человек, т. е. немногим менее одной трети ¹⁵⁹.

Казахское население города росло главным образом за счет разорявшихся кочевников, которые приходили в города, поселялись в его предместьях и жили продажей своей рабочей силы.

В романе Семипалатинск показан всесторонне. Особенно много внимания уделено характеристике различных социальных слоев его населения. Это и представители господствующей верхушки города — царские чиновники, купцы, казахские баи, алыпсатары, представители духовенства, и простой трудовой люд — рабочие промышленных предприятий, грузчики Затона, кустари-ремесленники (портные, кожевники, сапожники, столяры и пр.).

«Возникновение городских центров и рост городского населения были положительным явлением в социально-экономической жизни казахов. Оторванные от патриархально-феодальной среды казахи приобщались к городской культуре. Вчерашний кочевник, опутанный патриархально-родовыми пережитками, приобретал облик городского жителя» ¹⁶⁰.

Это тот процесс неземледельческого отхода, о котором В. И. Ленин писал: «Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности» ¹⁶¹.

Влияние города ощутимо сказывалось во всем быте казахов, прежде всего на строительстве зимовок. Еще

¹⁵⁸ ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 3, л. 59.

¹⁵⁹ «Россия». Полное географ. описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова, т. XVIII, Киргизский край, стр. 405.

¹⁶⁰ Е. Б. Бекмаханов. Указ. работа, стр. 216.

¹⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576.

более оно проявлялось в аулах, расположенных недалеко от Семипалатинска.

«Жизнь побережных аулов сильно отличалась от степной. Жители их занимались хлебопашеством и торговлей, привыкли к городу, где часто бывали на базаре и на ярмарке. Быт их тоже не походил на тобыктинский, жили они в бревенчатых домах, окруженных надворными постройками»¹⁶².

Историческое значение сближения Казахстана с Россией способствовало созданию более благоприятных условий для проникновения передовой демократической русской культуры в среду казахского населения. Этому в определенной степени содействовали появившиеся в ряде уездных городов и сел русско-казахские школы, создание которых было предусмотрено «Положением 1868 г.». В названных школах за последние десятилетия XIX века несколько тысяч казахских детей получили начальное образование, открывшее для некоторых молодых людей, выходцев из господствующего класса, возможность продолжать образование в гимназиях, семинариях, высших учебных заведениях Москвы, Петербурга, Томска, Казани.

Несмотря на колонизаторские цели царизма, стремившегося подготовить верных правительству переводчиков и чиновников, русская школа благодаря деятельности разночинной демократической интеллигенции, боровшейся за распространение просвещения в народных массах, подготавливала также и условия для формирования казахской демократической интеллигенции.

Уже в 1874 г. в Семипалатинской области было 69 учебных заведений с общим числом учащихся 2007 человек, в среднем же на 1000 человек населения приходилось всего 4 учащихся¹⁶³.

В 1887 г. в области было 83 учебных заведения, в них — 2232 учащихся. Из общего числа учебных заведений русско-казахских школ-интернатов было 8, в них обучалось 127 мальчиков и 31 девочка¹⁶⁴, татарских школ — 15, в них насчитывалось 696 учащихся¹⁶⁵.

Важным центром культурной жизни области являл-

¹⁶² М. А у э з о в. Абай, кн. 1, стр. 552.

¹⁶³ ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13 200, л. 246.

¹⁶⁴ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 2966, лл. 20—21.

¹⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 1282, оп. 3, д. 508, л. 31.

ся Семипалатинск. В городе постепенно росло число культурно-просветительных учреждений. Так, в 1903 г. здесь было 16 начальных учебных заведений с 1570 учащимися, а из средних учебных заведений — мужская и женская прогимназии¹⁶⁶.

В этих начальных школах, как показано в романе, начинают обучаться дети казахской бедноты и сынки некоторых баев, понявших выгоды русского образования для будущей карьеры своих отпрысков. Многих детей из аульной бедноты привез в город и устроил в школу сам Абай.

Часть казахских мальчиков, живших в интернатах русско-киргизских школ, обучалась в трехклассных и пятиклассных городских училищах.

Русские общеобразовательные школы, безусловно, играли более прогрессивную роль в просвещении по сравнению с консервативными мусульманскими медресе, где насаждался религиозный фанатизм.

Абай отдал учиться своих детей — Абиша, Магаша и Гульбадан — в Семипалатинскую русскую школу. Он также устроил учиться нескольких казахских детей-сирот и детей жатаков. Задумываясь об их будущем, Абай говорил: «Пусть хоть молодое их поколение озарится лучом света... Может быть, через них и отцы свет увидят... Выучатся, народу пользу принесут»¹⁶⁷.

Узнав, что скот, переданный по его решению на Балкыбекском съезде жатакам, раскраден байскими конокрадами, Абай, хлопотавший в это время об устройстве детей жатаков в интернат при русско-киргизской школе, подумал: «Пусть хоть кто-нибудь из жатаков получит богатство, которое нельзя расхитить — знание»¹⁶⁸.

Жатак Даркембай, рассуждая о значении образования, получаемого в русской школе, говорит: «Русское учение просветляет человека, делает его зрячим. И руку его удлиняет»¹⁶⁹.

Абай привез одного из детей жатаков — Данияра — в город и отдал в русско-киргизское училище. Такого рода учебные заведения подготавливали переводчиков и мелких чиновников для губернских канцелярий.

¹⁶⁶ «Россия», т. XVIII, Киргизский край, стр. 406.

¹⁶⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 745.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 219—220.

«Данияра поместили в интернат вместе с его сверстниками-казахами, одели в удобную русскую одежду, дали чистую постель. Через несколько недель он уже превратился в старательного и благовоспитанного школьника. Никто не узнал бы в нем степного оборвыша, безродного сироту, которого по разверстке властей («три мальчика с каждой волости») доставили в город...»

В этом отношении русские школы выгодно отличались от школ при мечетях с их средневековым бытом. Кроме того, светские знания, которые давали русско-казахские общеобразовательные школы, составляли огромное преимущество этих школ перед мусульманскими мектебами, где главное внимание уделялось изучению корана. Однако необходимо заметить, что под влиянием распространения светского образования многие мектебы в рассматриваемое время стали включать в свою программу наряду с религиозным обучением изучение родного языка, письма, счета, отдельных образцов поэтических творений классиков Востока.

Во второй книге эпопеи Абай не раз выступает как опекун казахских мальчиков, обучавшихся в русских школах Семипалатинска, среди которых были сын Даркембая Рахим, дети погибшего в снежный буран пастуха Исы и дети аульной и городской бедноты.

В конце XIX века в русские школы стали отдавать своих детей и представители господствующего класса.

Город становится средоточием русской и складывающейся казахской интеллигенции. «В те годы довольно часто можно было встретить молодых казахов, получивших, подобно Данияру, русское образование и носивших европейскую одежду. Они работали толмачами, писарями, фельдшерами и ветеринарами»¹⁷⁰.

Таким образом, в эпопее нашло отражение растущее стремление к просвещению среди разных социальных слоев казахского общества.

* * *

Проделанный выше анализ эпопеи «Путь Абая» обнаруживает стремление ее автора, основываясь на тщательном изучении фактических данных архивных и

¹⁷⁰ Там же.

литературных источников по истории Казахстана, отобразить все сферы социальной, экономической, бытовой и культурной жизни народа во всем ее национальном своеобразии.

Выявляя из огромного количества фактов и отдельных сторон исторического бытия народа важнейшие закономерности в развитии общества, М. О. Ауэзов художественно воспроизводит прогрессивные силы, которым принадлежала решающая роль в эволюции казахского общества.

М. О. Ауэзов показывает, что главным и определяющим в этом процессе было сближение русских и казахских трудящихся, обусловившее общность их исторической судьбы, связанной с перемещением центра мирового революционного движения в конце XIX — начале XX века в Россию, создавшее благоприятные условия для приобщения казахских трудящихся масс к освободительной революционной борьбе российского пролетариата. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что, находясь на положении колонии, Казахстан в хозяйственном и политическом отношении не был обособлен, а являлся частью царской России.

Благодаря массовому переселению в Казахстан безземельного русского крестьянства, созданию промышленных предприятий, где наряду с русским стал формироваться и казахский пролетариат, объективно создавались условия для складывания общих классовых интересов русских и казахских трудящихся, укреплялся их боевой союз в нараставшем из года в год революционном движении в стране.

Антифеодальная, национально-освободительная и антиимпериалистическая борьба казахских и русских трудящихся Казахстана, слившись воедино с революционной борьбой в метрополии, в дальнейшем явилась составной частью Октябрьской социалистической революции.

Понимание закономерностей социально-экономической жизни общества позволило автору отобразить такие процессы, как разложение патриархально-феодальных отношений, проникновение в аул элементов капитализма, обострение аграрного вопроса и классовой борьбы, переход к земледелию и оседлости, форми-

рование казахского пролетариата и пр., а также определило характер изложения всего материала романа.

Таким образом, историзм эпопеи «Путь Абая» проявляется в глубоко достоверном конкретно-историческом отображении эпохи, в стремлении к раскрытию ее глубинных процессов и внутренних противоречий.

М. О. Ауэзов, сочетая в своей работе точность историка и творческую фантазию художника, сумел добиться соответствия правды исторической и правды художественной, такого слияния вымысла с реальной историей, которое, говоря словами Белинского, давало возможность наиболее ярко, рельефно и достоверно отобразить суть рассматриваемой эпохи, создать исторические характеры.

Изучение эпопеи «Путь Абая» обнаруживает, что в ней художественно воссозданы все стороны жизни казахского общества второй половины XIX века, глубоко вскрыты сложные внутренние противоречия этой жизни, борьба, столкновения антагонистических сил, а также показаны ведущие закономерности развития общества, живо отражающие дух далекой исторической эпохи.

Масштабность «Пути Абая», как и всякого исторического произведения, обусловлена и всесторонним изображением жизни народа, его исторической судьбы на протяжении полувека. Сюжет эпопеи полностью организован ходом самой истории, многоплановым и многообразным течением жизни народа с ее сложнейшими переплетениями человеческих судеб и событий, борьбой прогрессивных и реакционных сил.

В соответствии с традициями лучших советских исторических романов, художественным открытием которых было воспроизведение реальной жизни народа, раскрываемой в труде и борьбе, во всей сложности социальных противоречий эпохи, народ предстает в эпопее как творец истории, как главный ее герой. Особенно жизненны и впечатляющи массовые сцены взрывов народного возмущения; в них показаны сила восставшего народа, его мужество и самоотверженность, утверждающие решающую роль народных масс в историческом процессе.

Глубокая достоверность в показе эпохи дает все основания рассматривать «Путь Абая» как надежный

исторический источник, позволяющий делать интересные наблюдения, выводы и обобщения в изучении экономической и общественной жизни казахов, показанной в диалектическом развитии на протяжении полувека.

Вместе с тем эпопея «Путь Абая» убедительно свидетельствует всем своим богатейшим фактическим материалом, что автор сумел так полно и многогранно воссоздать правду истории благодаря глубокому пониманию важнейших закономерностей исторического процесса, его движущих сил.

Внимательное рассмотрение содержания романа ясно обнаруживает, что отбор его разностороннего фактического материала продиктован именно этими исходными позициями, в которых нашли четкое отражение мировоззрение автора, его толкование описываемых исторических процессов, основанное на концепции марксистско-ленинской исторической науки о законах развития общества.

Воссоздание целостной и всеобъемлющей картины описываемой эпохи, раскрытие смысла и логики истории и отличает принципиально новый творческий подход авторов лучших советских исторических романов к явлениям истории, составляет истинно реалистические черты советского исторического романа.

Однако необходимо оговориться, что вся ценность эпопеи, рассматриваемой в данном случае лишь в этом аспекте, заключается, на наш взгляд, в том, что она отнюдь не является иллюстрацией к учебнику истории Казахстана. Автор не ограничился лишь добросовестным описанием истории своего народа, а сумел всей силой своего художественного мастерства воскресить эту историю в живых типических образах и через них показать прогрессивный ход ее движения, выявить те тенденции в ее развитии, которые сближают прошлое с нашей современностью.

АБАЙ КУНАНБАЕВ И ЕГО СРЕДА

Изучение советских исторических романов показывает, что, как правило, их героями становятся исторические личности, сыгравшие прогрессивную роль в истории своего народа: Емельян Пугачев из одноименного романа В. Шишкова, Степан Разин из романа Ст. Злобина, Богдан Хмельницкий из «Переяславской рады» Н. Рыбака, Петр I А. Толстого, Пушкин Ю. Тынянова и т. д.

Герой романа-эпопеи «Путь Абая» — великий казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев, внесший огромный вклад в духовную культуру своего народа, сыгравший исторически-прогрессивную роль в ориентации казахского народа на приобщение к революционно-демократической русской культуре, сближении с русским народом.

Рассмотренные выше изменения, происходившие в экономической, политической и культурной жизни Казахстана конца XIX — начала XX века, ясно обнаруживают стремление автора исторически достоверно показать, что новые прогрессивные духовные запросы в мировоззрении и творчестве Абая были порождены и закономерно обусловлены самой исторической обстановкой, в которой он жил.

Социальные устремления великого казахского поэта и мыслителя, сложившиеся под влиянием приобщения к передовой демократической русской культуре, были направлены на защиту интересов трудового казахского народа, выражали его нужды и помыслы.

Не дойдя в силу исторической ограниченности своего времени до последовательного революционного демократизма Н. Г. Чернышевского, призывавшего к насильственному уничтожению существующего строя, А. Кунанбаев, однако, всем своим творчеством и общественной деятельностью страстно обличал социальную несправедливость окружающей его жизни, разоблачал все слои господствующего класса — угнетателя народа. Защищая интересы трудового народа, он призывал его к борьбе за свои права, глубоко веря, что просвещение создаст условия для лучшей жизни, приведет к уничтожению общественных пороков, хозяйственному и культурному развитию края. Просвещение казахского народа, которое Абай рассматривал лишь в тесной связи с приобщением казахов к экономической и культурной жизни русского народа, должно было, по его глубокому убеждению, заставить людей изменить отсталый образ жизни, помочь трудящимся сбросить иго угнетения и бесправия. Хотя борьба Абая за освобождение народа от социального угнетения посредством просвещения была сама по себе утопична, но ее значение в духовном пробуждении народа, росте его сознательности было чрезвычайно прогрессивным.

«Абай народен тем, что стал духовным оком своего народа и видел далеко, мысля и чувствуя, как народ, он указывал ему на его будущее.

В творчестве Абая отразилось, как в историческом фокусе, все главное, волновавшее передовые умы народа. Никто до Октябрьской революции в истории казахского народа так напряженно, многосторонне и ответственно не мыслил о судьбе казаха труженика, «о кровавых ранах общества», о его будущем, как Абай. Он стал, пользуясь выражением Белинского, тем талантом, который должен быть «органом сокровенной думы всего общества, его, быть может, еще не ясного самому ему стремления»¹.

Приобщившись к демократической русской культуре, Абай впервые распространил ее лучшие образцы в окружающей его среде, сделал их понятными и близкими широким кругам народа, что, несомненно, способствовало духовному пробуждению, рас-

¹ «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957, стр. 470.

ширению кругозора, росту самосознания трудящихся казахов.

М. О. Ауэзов поставил своей задачей глубоко и всесторонне показать через образ Абая его эпоху — характер общества, жизнь казахского народа. Образ Абая стоит в центре сюжета эпопеи, в целом обусловленного самим ходом истории.

Воспроизведение жизни и деятельности Абая в социальном, бытовом, психологическом, творческом аспектах было бы схематичным без достоверного показа его жизненной среды. Избегая модернизации в изображении Абая, М. О. Ауэзов показывает, что поэт-просветитель вышел из недр господствующего класса — был сыном могущественного старшего султана Кунанбая Ускенбаева. Это обстоятельство приводило в ряде случаев к противоречиям в мировоззрении поэта, исторической ограниченности его взглядов.

В романе показано становление личности Абая, развитие его прогрессивных, демократических воззрений, отражен путь его к народу, интересы которого он защищал, будучи выразителем народных стремлений и чаяний. Вся борьба Абая с темными силами того времени, думы поэта о будущем народа представляют его носителем прогрессивных тенденций в историческом развитии казахского народа.

Как при воссоздании эпохи Абая М. О. Ауэзов пользовался широким кругом исторических источников, так и при воспроизведении жизни и деятельности поэта он должен был опираться на основные зафиксированные историей факты его биографии, т. е. правдиво изображать его жизнь. В отличие от писателя, создающего вымышленный образ героя литературного произведения, М. О. Ауэзов обязан был исходить из исторически достоверных сведений о жизни и деятельности Абая Кунанбаева, хорошо известных в настоящее время казахской литературоведческой и исторической наукам. Писатель не мог здесь произвольно изменять главные события биографии Абая, силой своей фантазии нарисовать иную судьбу и деятельность героя, отличные от действительных. В этом, собственно, и проявляется одна из специфических черт жанра исторического романа: как правило, он строится на документальной основе, сюжетом его являются события, имев-

шие место в истории, а основными героями — подлинные исторические лица.

Многие вопросы творчества поэта, сведения о его жизни и деятельности, освещенные М. О. Ауэзовым в целом ряде статей, опубликованных в 30—50-е годы, были впоследствии обобщены им в монографическом исследовании «Абай (Ибрагим) Кунанбаев».

Специальный раздел этой монографии посвящен описанию жизненного пути поэта на основе добытых М. О. Ауэзовым и другими исследователями, как филологами, так и историками, подлинных биографических данных о нем.

Сопоставление важнейших фактов биографии Абая, зафиксированных в указанной монографии, с отражением жизненного пути поэта в эпосе показывает, что писатель полностью исходил из исторически достоверных сведений о жизни поэта, да и не мог отойти от правды истории, так как это привело бы к слишком вольному изображению жизни выдающейся исторической личности. Нам представляется поэтому нецелесообразным производить сопоставление действительных биографических данных о поэте с воспроизведенными в романе. Однако исследования отдельных моментов жизни и деятельности Абая, воссозданных в эпосе на основе использования автором исторических источников и воспоминаний современников, дают возможность получить представление о методах творческой переработки автором документальных свидетельств эпохи. Такой анализ в ряде случаев позволяет увидеть, как в произведении, основанном на жизненных фактах, «действительность жизненная переходит в действительность искусства»².

Создавая художественную биографию Абая Кунанбаева, автор стремился, как это было показано в предыдущем разделе, не только к верному воссозданию образа выдающегося деятеля казахской культуры второй половины XIX века, но и к исторически достоверному воспроизведению эпохи. Именно этими задачами и обусловлен весь отбор фактического материала, который писатель использовал при работе над романом.

² М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 362.

Очень интересно в этом отношении отметить, что на полях рукописей с записями воспоминаний, сделанных М. О. Ауэзовым на родине Абая и содержащих факты из жизни поэта и его окружения, лишь против некоторых из них стоит знак NB — пометка писателя, относящаяся к материалам, которые он считал принципиально важными. Изучение этих записей и работы над ними художника дает основание сделать вывод, что М. О. Ауэзов использовал лишь исторически характерные факты и совершенно опускал отдельные эпизоды, высказывания поэта, сообщения о его действиях, которые приписывали ему современники и которые могли быть в жизни, но, будучи случайными, второстепенными, не представляли интереса для художника, стремящегося к обобщению типических черт героя и его времени.

Так, изучение архива М. О. Ауэзова обнаруживает, что писатель совершенно не использовал в романе довольно богатый материал, раскрывающий отдельные стороны поведения Абая в быту, некоторые моменты его личной жизни, в частности историю его женитьбы на Еркежан, вдове его брата Оспана.

В отборе материала, касающегося жизни Абая, всего его облика, четко прослеживается стремление М. О. Ауэзова выделить лишь те явления или черты поэта, которые были характерны для него, как выразителя прогрессивных тенденций того времени.

«История заставляет людей совершать самые разнообразные и далеко не всегда характерные поступки, а литература — только характерные. Поэтому писатель вводит в произведение не всякую историю, не всякую жизнь, а подтверждающие его правоту факты из истории и жизни»³, — пишет А. Белинков. На эту сторону творчества исторического романиста прямо указывал и М. О. Ауэзов, делясь своим опытом работы над романом об Абае: «В моих романах, например, множество добытых мною фактов жизненной биографии Абая остается в стороне. Одни факты я развернул, другие вовсе опустил, потому что они не имеют существенного значения в том историческом здании, которое я стремился возвести в своих книгах»⁴.

³ А. Белинков. Юрий Тынянов. М., 1960, стр. 161.

⁴ М. Ауэзов. Указ. работа, стр. 358.

Отказ от использования такого рода данных нередко был связан с тем, что они содержали заведомо ложные или сознательно тенденциозные, сугубо пристрастные сведения, исходившие от врагов поэта или их потомков, поддерживавших эти измышления. Достаточно указать на клеветнические показания о якобы имевшем место взяточничестве Абая, о будто бы чинимых им незаконных земельных захватах, его несправедливых судебных решениях и пр.

Однако, изучая сомнительные, искажающие действительность опросные сведения, исходившие от врагов Абая, ненавидевших поэта за демократические убеждения, защиту интересов народа, М. О. Ауэзов не всегда отбрасывал их, а подходил к ним критически. В этих сведениях он выявлял отдельные достоверные штрихи, которые как подлинные документальные свидетельства эпохи могли быть использованы в романе при творческом подходе к ним автора.

М. О. Ауэзов прямо говорил, что ему «требовалось сопоставлять порой противоречивые факты и каждый раз исследовать их самому чуть ли не по всем правилам юридических и исторических наук»⁵.

При сличении противоречивых документов историческому романисту необходимо, как писал А. Толстой, выработать «особое историческое «чутье», которое развивается практикой»⁶.

Особенно трудна и ответственна задача художника в определении единственно верного, социально обоснованного существа действий отдельных исторических прототипов героев романа. В этом отношении интересен подход М. О. Ауэзова к истории деяний Кунанбая, связанных с казнью Кодара.

В аулах иргизбаев, потомков Кунанбая, прочно утвердилась версия о справедливости решения Кунанбая и безусловной виновности Кодара. Эта версия была хорошо известна автору еще с юности. Однако в период работы над изучением исторических сведений опросного характера, полученных им и от представителей других родов племени тобыкты, М. О. Ауэзов разбирается в истинном положении дел, заключающемся в том, что

⁵ Там же, стр. 360.

⁶ А. Толстой. Собр. соч., т. 13, стр. 496.

«Кунанбай был просто напросто заинтересован в захвате земель, принадлежащих Кодару и его роду»⁷.

Абай Кунанбаев предстает в эпопее тринадцатилетним мальчиком. Таким образом, автор фактически прослеживает весь его жизненный путь начиная с детства. Хотя все эпизоды, связанные с детством Абая, безусловно, являются авторским вымыслом, тем не менее они служат раскрытию характера будущего поэта, изображению становления его личности. Достаточно привести пример казни Кодара, которая, как писал М. О. Ауэзов, опалая своим страшным зрелищем открытую душу ребенка, не подозревавшего до этого о существовании зла, становится исходным моментом в драме всей жизни Абая, впервые увидевшего отца в страшном обличье убийцы⁸.

Если о последних годах жизни Абая сохранилось много воспоминаний в памяти его современников и их потомков, то о юности поэта М. О. Ауэзов почти не располагал сведениями, за исключением отдельных скудных фактов, сохранившихся «в потускневшей памяти стариков», да нескольких строк из поэтических посланий Абая любимой девушке Тогжан.

Любопытно, что М. О. Ауэзову довелось увидеть Тогжан, когда она была уже старухой. Изумительный по своей красоте, чистоте и обаянию образ Тогжан, созданный в эпопее, был навеян кроме поэтических строк Абая и приводимыми ниже скудными фактами, которые были творчески переработаны автором, дополнены его фантазией.

«Сүйіндіктің қызының аты Тоғжан. Сүйіндіктің тоқалы Қантжаннан туған. Әппақ сұлу кісі болған. Кейін Аққозы алған»⁹.

«Дочь Суюндика звали Тогжан. Она родилась от его младшей жены Кантжан, была белолицей, красивой. Впоследствии на ней женился Аккозы».

Одни из самых поэтических страниц эпопеи, рассказывающие о первом свидании Абая с Тогжан, рождении дружбы с Ерболом, который, рискуя жизнью, помог Абаю перебраться через реку, когда неожиданно начавшийся ледоход отрезал ему путь из аула Суюнди-

⁷ М. Ауэзов. Указ. работа, стр. 361.

⁸ Там же.

⁹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 131.

ка, также имеют в своей основе реальные, жизненные факты из биографии поэта.

«Бір жолда қыз қойнында жатқанда таң атып кетіп, су түсіп кетіп өте алмайды. Сасады. Ербол сонда жүрген малшы, соны Абай шақыртып алады. Бұрын таныс емес. Судан өткізіп сал дейді. Ербол өгізге мініп, ананы байталға мінгізіп өткізіп салады. ...Ербол Абайды сонда құтқарған»¹⁰.

«Однажды (Абай.— Л. А.) остался у девушки до рассвета. Утром обнаружилось, что река разлилась и он не может перебраться через нее. Он растерялся.

Увидев Ербола — пастуха, Абай позвал его. Раньше они не были знакомы. Абай попросил его помочь переправиться через реку. Ербол сел на быка, Абая посадил на кобылицу-трехлетку, переправил... Ербол тогда избавил Абая от беды».

Эти слухи и отрывочные строки под пером М. О. Ауэзова оживали в ярко развернутые картины: волнение, счастье Абая во время свидания с любимой, бурный весенний ледоход, страх Ербола за судьбу друга, оказавшегося отрезанным разбушевавшейся рекой в ауле, враждовавшем с его родом, их переправа через реку и самообладание Абая в минуты серьезной опасности.

М. О. Ауэзова заинтересовало также отмеченное современниками неодобрительное отношение Кунанбая к дружбе Абая с Ерболом, происходившим из бедной семьи.

«Құнанбай: «Ерболдың басын Ыбырай алады, Ыбырайдың басын Ербол алады күндердің күнінде көрерсіңдер деген екен»¹¹.

«Кунанбай: «Увидите, со временем они (Абай и Ербол.— Л. А.) погубят друг друга».

Современники отмечали как личное качество Абая его почтительное отношение к старшим.

«Жақсыларды көргенде атынан түсіп, тымағын қолтығына алып, қолын қусырып сәлем береді»¹².

«При виде почтенных людей сходил с лошади, снимал шапку и здоровался, почтительно складывая руки на груди».

¹⁰ Там же, л. 175 об.

¹¹ Там же, л. 135.

¹² Там же, л. 175 об.

Нам думается, что это качество Абая, подмеченное современниками, было принято во внимание автором и при описании сцены встречи Абая в Каркаралинске с группой враждовавших с его отцом старейшин во главе с Божеем, которых он приветствовал с большим уважением. Из показаний других лиц, также использованных автором, становится известным, что недоверие, вызванное его приветствием, сменяется одобрением старейшин, понявших, что юноша приветствует их не по приказу отца, а исходя из собственного уважения к старшим в племени.

Из широко известных архивных исторических источников, относящихся к Абаю Кунанбаеву, самым полным и значительным является его следственное дело, связанное с ложным доносом некоего Буробаева, обвинявшего Абая в противозаконных действиях в бытность его волостным управителем.

Как известно, молодой Абай, пытаясь найти применение своим силам в общественно-полезной деятельности, становится волостным управителем Коныр-кокшетобыктинской волости с 1875 по 1878 г.

Абай тогда верил в возможность помощи народу, облегчения его положения, если у власти будет стоять честный и справедливый правитель. Деятельность его в этом отношении исключительно верно отражена в следственном деле, начатом по заявлению Буробаева.

Последний обвиняет Абая Кунанбаева в сборе незаконных поборов, взяточничестве, превышении власти и других злоупотреблениях¹³.

Кроме того, Буробаев жаловался на запрещение ему Абаем, волостным управителем, пользоваться урочищем Таймак-куль, где он намеревался завладеть сенокосными угодьями, обвинял Абая в несправедливом покровительстве Сасыкбаеву, с которым у него (Буробаева) было столкновение из-за пользования зимовкой. По сведениям семипалатинского уездного начальника, Абай Кунанбаев давал следующие объяснения по поводу этих обвинений: «Буробаев жалуется на запрещение ему кочевать на уроч. Таймак-куль, как поступившем во владение старшины Аюбаеву... Уроч. Таймак-куль, хотя было прежде общею кочевкою и пустопо-

¹³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1430, св. 90, лл. 24—38.

рожным местом, а ныне по недостатку зимовых стойбищ волостными выборными отведено старшине Аюбаеву в числе четырех кибиток под зимовку, вследствие чего он, управитель, запрещал Буробаеву кочевать и вытравлять корм на этой местности. Что же касается выводов Буробаева, будто бы местность та принадлежит ему с родственниками, то это совершенная ложь, так как он имеет свою зимовку в горах Орды на уроч. Карадар, а на Таймак-куле никто зимовки не имел, местность была общей кочевкою киргиз, и он, Буробаев, на то место не имеет никаких данных к присвоению его в свою собственность»¹⁴.

Уездный же начальник, касаясь избиения Буробаева неким Сасыкбаевым, писал, что по жалобе последнего, поданной на Буробаева, вытекает, что «Буробаев пригнал свое стадо баранов на его зимовку, и когда Сасыкбаев во избежание потравы стал отгонять его с своей земли, то Буробаев поймал его и с помощью сына своего Джусупа избил; видя такое насилие, освободившись из рук Буробаева с сыном, Сасыкбаев бежал на лошади по направлению в аул его управителя... По дороге Буробаев с сыном нагнали вновь Сасыкбаева и убили лошадь под ним. По выслушании сего заявления управитель Кунанбаев потребовал Буробаева с сыном к себе и приказал разобрать дело судом биев, на что они единогласно выбрали бия, но Буробаев дорогою бежал от Сасыкбаева в Семипалатинск»¹⁵.

Кроме того, из следствия вытекает, что ссылка на 37 свидетелей, подписавших заявление Буробаева против Абая, подложна, а упомянутые свидетели заявили, что «против управителя и старшины ничего противозаконного доказать не могут»¹⁶.

Следующие далее пояснения семипалатинского уездного начальника, разбиравшего жалобу, со всей наглядностью раскрывают смысл ложного доноса на Абая.

«В Коныр-кокше-тобыктинской волости почти ни один управитель не мог благополучно выслужить одно трехлетие... Все они по интригам киргиз этой волости отдаваемы под суд и следствие, но впоследствии оправданы. Происходило это потому, что каждому влиятель-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ному лицу или самому хотелось быть управителем, или же (он.— Л. А.) был во вражде с выборными управителями; в настоящее время почти нет ни одного состоятельного или влиятельного лица в волости, не бывшего под судом и следствием. Бывший уездный начальник Измайлов во избежание этих неурядиц предложил обществу избрать в управители человека посторонней волости и указал им Ибрагима Кунанбаева, который, как ему, так и всем, знавшим его, был известен за человека крайне распорядительного, умного и честного, в чем Измайлов нисколько не ошибся; общество Коныр-кокше-тобыктинской волости действительно согласилось с доводами Измайлова и единогласно выбрало Кунанбаева управителем... Почти за все время управления Кунанбаевым волостью (в течение двух с половиной лет) волость отличалась большим порядком; прежде в ней происходили чуть не ежедневные баранты и часто убийства, в последнее же время — ни одного уголовного следствия, что единственно относится к влиянию Кунанбаева... Настоящая же причина подачи просьбы Буробаевым объясняется следующим: в волости образовалась партия, которая желала видеть управителем своего приближенного, и ввиду предстоящих выборов подучили Буробаева подать просьбу на Кунанбаева, надеясь, что Кунанбаев попадет под суд и тем будет лишен возможности баллотироваться на будущее трехлетие; но, не видя поддержки в обществе и боясь запутаться, сами отказались от дальнейшего преследования дела, и сам Буробаев не знал, что ему делать; с своей же стороны уездный начальник Кареев вполне разделяет взгляд Измайлова на управителя Кунанбаева, что это лучший из управителей не только уезда, но и области»¹⁷.

Объемистое следственное дело Кунанбаева завершается отказом Буробаева от своих обвинений, как вымышленных, и признанием, что «он никогда лично ничего не имел против Кунанбаева, но Кунанбаев в бытность свою волостным управителем, строгим своим обращением по преследованию баранты и конокрадства вооружил против себя некоторых влиятельных лиц в волости и особенно киргиза Каратая Сапакова, который, сгруппировав всех недовольных Кунанбаевым, предло-

¹⁷ Там же.

жил подать на Кунанбаева просьбу, дабы, очернив его в глазах начальства, хотя на время избавиться от его управления волостью; на общем совете недовольных были придуманы преступления, собраны деньги на ходатайство, и он, Буробаев, был выбран ходатаем и послан в Семипалатинск, и что выставленные им свидетели — все более или менее близкие родственники Сапакова и враги Кунанбаева»¹⁸.

Абай Кунанбаев также отмечал, что Буробаев — «только орудие более влиятельных киргиз»¹⁹. В итоге следственное дело об Абае Кунанбаеве, как основанное на ложном доносе, решением местной царской администрации было прекращено.

Нами были приведены обширные отрывки из указанного выше источника, хорошо известного М. О. Ауэзову по публикации Ф. Киреева²⁰, для того, чтобы показать, что использование подобных документальных фактов помогало автору с большой исторической достоверностью раскрывать в романе отрицательное отношение к Абаю феодальной верхушки тобыкты. Стремление просветителя-демократа оградить народ от незаконных притеснений, особенно в земельном вопросе, вызывало со стороны феодалов резкое противодействие, они пытались «обезвредить» Абая, оклеветав и устранив его с должности волостного управителя.

Данные цитированного исторического источника и другие документальные свидетельства такого рода в эпопее «Путь Абая» творчески переработаны и органически слиты с закономерными, вытекающими из ткани повествования дополнениями, созданными воображением писателя. Оттолкнувшись от фактического материала и увидев в нем всю глубину социального конфликта эпохи, конфликта Абая со своим классом, художник развертывает эту тему далее, доводит ее до исторически достоверной кульминации — покушения на Абая, которое было подготовлено феодалами.

Творчески работая над материалами действительности, писатель вводит в повествование вымышленные эпизоды, которые отнюдь не противоречат логике ха-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ф. Н. Киреев. Новые данные к биографии Абая. «Казахстан», 1947, кн. 7, стр. 133—139.

рактера Абая, его идеалам, его деятельности, а, напротив, дают возможность глубже показать значение Абая, его роль в истории своего народа. Отбирая из биографии Абая наиболее важные факты, М. О. Ауэзов нередко усиливал отдельные стороны его характера или деятельности, чтобы с большей художественной выразительностью воспроизвести в нем типические черты его облика.

Это в первую очередь относится к тем документальным свидетельствам, которые давали автору основание развить одну из основных тем романа: Абай — защитник народа.

Так, например, располагая сведениями, что Абай присутствовал на Карамолинском чрезвычайном съезде, М. О. Ауэзов воссоздает всю историю борьбы Абая против злоупотреблений при взимании «черных сборов». Он изображает пышный приезд генерал-губернатора на Карамолинский съезд, униженное подбострастие волостных управителей перед ним и полный достоинства разговор Абая с генерал-губернатором о тяжелом положении народа, о справедливом его протесте против беззакония и злоупотреблений царских чиновников. Подобные эпизоды, созданные воображением художника, даны в романе с таким соответствием духу эпохи, психологии героя, додуманы с такой художественной убедительностью, что автор заставляет верить в их реальность: если даже их и не было в документированной биографии Абая, то они вполне могли бы быть в жизни.

Исторически достоверно, что на Карамолинском съезде Абай был избран верховным бием. Исходя из этого факта М. О. Ауэзов домысливает все обстоятельства, заставившие генерал-губернатора рекомендовать Абая на должность верховного бия. Писатель убедительно и логично показывает, что решающим фактором здесь явилась огромная популярность Абая в степи и любовь к нему народа, видевшего в нем своего защитника, с которым в данной ситуации царский чиновник нашел неразумным не считаться.

В романе показано, что, защищая права бедняков, страдавших от набегов барымтачей, Абай требовал, например на Аркатском съезде, возмещения урона от их хозяев, баев, вроде Уразбая, которые держали спе-

циальных барымтачей. Творчески отражая это явление в романе, М. О. Ауэзов использовал показания Архама Исхакова о присутствии Абая как верховного бия на Карамолинском съезде, где он принимал непосредственное участие в составлении ереже (свода законов) и настоял на включении в него ряда новых статей.

«Абай тебе басы болады. 105—110 статья жасайды Абай. Сонда Абай кіргізген ереженің бірі: ұрының малы жетпегенде ағайыны тартпасын, сүйеушісі тартсын деген дейді»²¹.

«Абай был верховным (бием.—Л. А.), 105—110 статьи пишет Абай. Один из пунктов, введенных тогда Абаем: когда вором бывает украден скот, должны платить не его родственники, а тот, кто ему покровительствовал (т. е. нанимал для барымты.—Л. А.)».

Несомненной удачей М. О. Ауэзова является воссоздание образа Абая Кунанбаева в самой тесной связи с его эпохой, в столкновении с различными социально-политическими силами. Раскрывая формирование характера Абая, его мировоззрения, его поисков средств облегчения участи народа, писатель показывает своего героя в действии, в борьбе с реакционными силами его эпохи.

Такой подход к воспроизведению облика выдающейся личности является единственно верным, так как он дает возможность убедительно представить ее жизнь как отражение исторической эпохи.

Изображая многие стороны жизни казахов в конце XIX — начале XX века и идейную борьбу Абая, М. О. Ауэзов показывает в полном соответствии с исторической правдой, что Абай не мог не столкнуться с проникновением в Казахстан панисламизма, реакционного религиозно-политического течения, проповедовавшего наряду с пантюркизмом государственное объединение под властью турецкого султана. Турецкая буржуазия, стремясь укрепить свои позиции в борьбе за колонии с более сильными капиталистическими державами, пыталась использовать религиозно-политические течения для объединения под своей эгидой мусульманских народов колониальных окраин России. Пантюркистская и панисламистская пропаганда в Средней

²¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 170.

Азии и Казахстане приняла особенно широкий размах со времени организации в Константинополе политической партии «Единение и прогресс».

В начале XX века усиление деятельности панисламистов нашло свое проявление в активной агитации за создание самостоятельной духовной организации в Казахстане с подчинением муфтию, как части духовной иерархии всех мусульман с центром в Турции.

В ряде крупных городов Казахстана при некоторых мечетях усилиями панисламистов создавались конспиративные типографии, в которых печатались призывы к созданию муфтията и другая пропагандистская литература панисламистского толка. Для панисламистской пропаганды использовался каждый повод, даже создание русско-казахских школ представлялось в подобных прокламациях как один из методов обращения казахов в христианство²².

Автором и распространителем подобных посланий был, в частности, кокчетавский мулла Шаймардан Кошегулов, один из убежденных панисламистов Акмолинской области. При его аресте был произведен обыск и обнаружены почтовые расписки об отправлении корреспонденции нескольким лицам, причем в их числе был Абай Кунанбаев. В связи с этим семипалатинский генерал-губернатор в апреле 1903 г. предписывает семипалатинскому уездному начальнику: «В виду производящегося ныне дознания по поводу распространения среди киргизского населения противоправительственных прокламаций и необходимости обнаружения содержания как упомянутого письма, так и вообще корреспонденции Ибрагима Кунанбаева предлагаю вашему высокоблагородию тотчас же по установлении переправы через р. Иртыш отправиться по месту жительства названного Кунанбаева, произвести у него тщательный обыск и всю взятую у Кунанбаева корреспонденцию представить мне»²³.

Из секретного донесения семипалатинского уездного начальника военному губернатору Семипалатинской области становится известным, что в результате тщательного обыска, произведенного в апреле 1903 г. в

²² ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 399, лл. 8, 9.

²³ Там же.

41858

ДИРЕКТОРЪ
ДЕПАРТАМЕНТА ГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИЦИИ

Конфиденциально.

163

Милостивый Государь

Евгеній Константиновичъ,

Итъкъ честь покорѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать въ распоряженіи о препровожденіи мнѣ въ подлинникѣ задержаннаго Азиатской почтово-телеграфной конторой письма, отправленнаго изъ г. Нокчатова, Амурской области, 7 Марта сего года Коцегуловымъ на имя Ибрагима Кулабаева.

Къ сему считаю долгомъ добавить, что по означенному вопросу, возбужденному мѣстными Губернаторомъ, Ваше Превосходительство черезъ Начальника тамбовскаго почтово-телеграфнаго округа телеграммой за № 868 отказали въ выдачѣ означенной корреспонденціи.

№ 5004 ✓
17 Мая 1903 г.

Примите, Милостивый Государь, увѣренія въ совершеннѣйшемъ почтеніи и преданности

Превосходительству

Е. К.

ДРЕВЕСКОМУ.

Мест. Вуевъ

П. К.

Фотокопия документа из фонда Департамента полиции ЦГАОР СССР, свидетельствующая об интересе полиции к переписке Абая.

зимовке Ибрагима Кунанбаева, была изъята вся принадлежащая ему корреспонденция. При этом было обнаружено письмо из Кокчетава, адресованное неизвестным лицом Ибрагиму Кунанбаеву, с просьбой побудить киргиз Семипалатинского уезда присоединиться к киргизам Акмолинской области, обратившимся к правительству с ходатайством об учреждении особого для киргиз магометанского духовного собрания. Письмо это, по объяснению Абая, было получено им от неизвестного лица. В документе говорится, что «Кунанбаев письмо это передал своему сыну Турагулу, который в свою очередь передал таковое чингизскому волостному управителю «на цыгарки», а не для какой-либо цели, так как ни отец и ни он сам никакого значения этому письму не придавали»²⁴.

Царские власти вели активную борьбу с панисламистской пропагандой, подрывавшей позиции царизма на колониальных окраинах России. Поэтому при новом известии о поступлении на имя А. Кунанбаева письма от Ш. Коцегулова семипалатинский военный губернатор обратился к степному генерал-губернатору, находившемуся в Петербурге в мае 1903 г., с ходатайством о получении в Министерстве почт и телеграфов разрешения на «выемку письма на имя Кунанбаева, хранящегося в Аркатской конторе»²⁵.

Обнаруженные нами в ЦГАОР СССР документы свидетельствуют, что Абай Кунанбаев представлялся властям крупной политической фигурой того времени, так как из всех адресатов Коцегулова именно перепиской с ним заинтересовался директор департамента полиции в Петербурге, просивший о «препровождении ему в подлиннике задержанного аркатской почтово-телеграфной конторой письма, отправленного из г. Кокчетава Акмолинской области 7 марта сего года Коцегуловым на имя Ибрагима Кунанбаева»²⁶.

Степной генерал-губернатор Сухотин после ареста Коцегулова телеграфировал семипалатинскому генерал-губернатору, что в «аркатской почтовой конторе есть письмо, адресованное Ибрагиму Кунанбаеву из Кокчетава от Коцегулова; ввиду прекращения вредной

²⁴ Там же.

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1903, ед. хр. 50.

²⁶ Там же.

агитации, зная Кунанбаева как разумного, понимающего человека, прошу уездному начальнику присутствовать при получении Кунанбаевым письма и уговорить его передать вам письмо»²⁷.

А. Кунанбаев, сумевший получить письмо до прихода телеграммы из Петербурга, добровольно передал его семипалатинскому уездному начальнику.

Содержание упомянутого письма Коцегулова было впервые опубликовано Ф. Киреевым²⁸. Оно носило политический характер и преследовало главным образом две цели. Во-первых, склонить Абая к лагерю панисламистов как «высокоуважаемого, всеми чтимого человека, «народного руководителя», чтобы использовать в своей пропаганде его авторитет и огромное влияние на народ. Во-вторых, Коцегулов стремился выяснить позицию Абая в данном вопросе. Однако Абай не ответил ни на одно письмо. Это молчание достаточно красноречиво характеризует его позицию: он видел прогрессивную историческую перспективу для своего народа только в сближении с русским народом, его демократической культурой, борьбой за социальную справедливость.

Недаром на запрос степного генерал-губернатора Сухотина «собрать и доставить возможно обстоятельные сведения о личности Кунанбаева» семипалатинский генерал-губернатор сообщает, что в политическом отношении он считает А. Кунанбаева, «человека умного и не фанатика, ...благонадежным и неспособным вмешиваться в какие-либо интриги мусульманских заправил». «В суждениях своих,— пишет он далее,— во время бесед Кунанбаев обнаруживает полное понимание государственных интересов и правильные взгляды на цивилизаторскую миссию России в азиатских владениях и с негодованием осуждает попытки мусульман-фанатиков противодействовать правительству в его стремлениях»²⁹.

Этот документ дает возможность убедиться в твердой и ясной позиции Абая по отношению к панисламистам и их стремлению обособить казахский народ от русского с помощью крайнего религиозного фанатизма.

²⁷ ЦГА КазССР, ф. 15, ед. 2, д. 399, л. 64.

²⁸ «Казахстан», 1950, № 21.

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 399, лл. 74, 86.

Чиновнику царского колониального аппарата, толкующему взгляды Абая как признание цивилизаторской миссии России в ее восточных колониях, естественно, не дано было понять всей глубины философских и политических взглядов Абая — просветителя и демократа, видевшего две России и ориентировавшегося на Россию демократическую, а не на Россию царского самодержавия — палача народов, против которой боролись все лучшие, демократические силы его времени.

Знакомство автора эпопеи с этими подлинными историческими свидетельствами, а также глубокое изучение социально-политических взглядов Абая позволили ему сделать ряд художественных обобщений, творчески домыслить реакцию Абая на усиление панисламистской пропаганды в Казахстане в начале XX века.

Эпопея на примере Семипалатинска дает наглядное представление о социальных группах, которые были заинтересованы в распространении панисламистской пропаганды. Это прежде всего казахское и татарское духовенство — имамы, кари, хальфе и другие наставники веры из наиболее крупных мечетей, расположенных по обоим берегам Иртыша.

Идеи муфтията нашли также поддержку у казахского и татарского купечества, крупных городских богачей — владельцев промышленных предприятий, отдельных представителей казахской служилой интеллигенции. Ярким панисламистом выступает в эпопее такой крупный чиновник, как Азимхан Жабайханов, в котором недвусмысленно выведен казахский буржуазный националист Алихан Букейханов³⁰, активный приверженец панисламистских устремлений эксплуататорской верхушки казахского общества.

Стремясь привлечь Абая на свою сторону, казахские панисламисты раскрывают перед ним свои цели — создание «единого всероссийского религиозного центра — «муфтията», подчинявшегося муфтию, который станет верховным пастырем всех мусульман города, мало этого всей Семипалатинской области,— и более того — всего казахского народа... Признавая муфтия своим главою, ему должны также подчиниться все при-

³⁰ М. Ауэзов. Великий сын народа. В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 355.

верженцы ислама в Казани, Уфе, Оренбурге, Троицке, Омске». Таким образом, «тридцатимиллионное мусульманское население Российской империи, братья и сестры в истинной вере станут еще ближе друг к другу, сплотятся в единую семью...

В Стамбуле, в стране халифата, находится духовный оплот всех правоверных — шейх-уль-ислам. К нему должно присоединить и российскую мусульманскую общину»³¹.

С этой целью идеологами панисламизма составлялись петиции и приговоры от имени всех мусульманских народов, живущих на территории России. Добиваясь их широкой поддержки, собирая подписи среди городского и сельского населения, верхушка казахского духовенства в Семипалатинске обращается, как показано в эпосе, за помощью к Абая, человеку, пользующемуся уважением и любовью у народа, возлагая на него в связи с этим большие надежды³².

Исключительно интересны и имеют познавательное значение достоверные детали этой кампании — показ на примере Семипалатинска активной деятельности местного духовенства, посещавшего даже рабочие поселки, кварталы бедняков, не говоря о проповедях в мечетях и других местах скопления народа, где они с благоговением произносили титулы «хальфе-султан» и «шейх-уль-ислам», призывая население присоединить свои голоса за создание муфтията³³.

Этот вопрос был настолько принципиален и важен для Абая, что исходя из известных документальных свидетельств М. О. Ауэзов показывает своего героя высказывающим отдельным представителям городского трудящегося люда Семипалатинска свое глубоко отрицательное отношение к панисламистской пропаганде.

Абай говорит пришедшим к нему за советом простым прихожанам мечетей: «Пусть горожане никаких приговоров не составляют и подписей своих не дают. Пусть отговариваются тем, что казахи испокон веку не были богомольными, а потому и муфтия не желают... Клич к объединению под знаменем ислама нам не под-

³¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, 1958, стр. 687.

³² Там же, стр. 688.

³³ Там же, стр. 689.

ходит, потому что не приближает нас к просвещению, а отдаляет от него»³⁴.

Эта сцена является, безусловно, авторским вымыслом, но из всего сказанного выше можно заключить, что она по своей исторической достоверности может быть приравнена к фактам, подтверждаемым документами. Это тот прием в работе исторического романиста, о котором писал А. Толстой, отвечая на вопросы начинающего автора: «Можно ли присочинить биографию историческому лицу? Должно. Но сделать это так, чтобы это было вероятно, сделать так, что это (сочиненное) если и не было, то должно было быть»³⁵.

Исходя из известных исторических факторов, глубокого понимания особенностей эпохи и биографии Абая М. О. Ауэзов творчески домысливает их развитие, воссоздает естественно вытекающие из них возможные последствия. Умело пользуясь своим правом художественного вымысла, он доводит до логического завершения острую идейную борьбу Абая против проникновения панисламизма в Казахстан. Писатель приводит Абая к открытому спору в главной мечети города со сторонниками муфтията — духовенством, представителями национальной буржуазии и националистически настроенной интеллигенции, готовых подчинить казахов «чужой и враждебной им власти муфтия».

Обосновывая свою позицию, Абай говорит Абишу: «Они хотят, чтобы я забыл, как, выйдя из невежественного аула, сделался просвещенным человеком. Они хотят, чтобы я отвергнул тот луч света, который осветил мне в темной степи тропинку к русской книге, открыл мне глаза на мир. Если прислушаться к голосам тех, кто шлет мне послания от имени ислама, я должен превратиться в современного дервиша, в нового Суфи-Аллаяра, должен унижить самого себя, сжечь свои произведения... Они хотят отравить ядом ислама всех казахов, используя для этой цели меня как свое орудие. Они намерены задержать в путах невежества все последующие поколения нашего народа»³⁶.

Этот монолог Абая вымышлен автором, но он также

³⁴ Там же, стр. 692.

³⁵ А. Толстой. О литературе. М., 1966, стр. 322.

³⁶ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 488.

может служить образцом того, как убедительно, исторически достоверно звучат сцены, отдельные эпизоды, раздумья поэта, целиком построенные на творческой трансформации автором исторических документов, дающих основание наряду с литературным наследием Абая для раскрытия основного направления идеологической борьбы поэта с реакционными силами его времени.

М. О. Ауэзов, отражая в своем произведении поступательный ход истории, показывает, как Абай, будучи выразителем прогрессивных тенденций своего времени, отвергает панисламистскую пропаганду, несущую казахам невежество и отсталость, и призывает к просвещению, истинным путям к освобождению народа.

В этой борьбе с наиболее жестокими и дикими угнетателями народа из феодальной среды, с реакционным духовенством идет становление характера Абая, растет его политическое самосознание.

Большого драматизма достигает повествование той части эпопеи, где рассказывается об эпидемии холеры в Семипалатинске, вспыхнувшей в 1892 г., и борьбе Абая с представителями мусульманского духовенства города, неслыханно обогащавшимися на обрядах, связанных с похоронами. Сцены, рисующие столкновения Абая с духовенством, здесь вымышленны. Однако они вполне допустимы и правомерны, так как находятся в полном соответствии с критическим отношением Абая к духовенству, алчность и продажность которого он не раз высмеивал в своих стихах. Вместе с тем Абай не мог бы оставаться равнодушным к тяжкому бедствию народа и, как просвещенный человек, искал бы путей облегчения его страданий. Борьба поэта с духовенством, выражавшаяся в призывах к отказу на время эпидемии от традиционных мусульманских обрядов, связанных с похоронами и поминками, способствовавшими еще большему распространению болезни, находится в соответствии с предписаниями Министерства внутренних дел по медицинскому департаменту, касающимися временных правил «о погребении умерших от холеры магометан» от 10 августа 1892 г., с которыми Абай мог быть знаком.

В романе показано, что в борьбе Абая за облегчение положения народа во время эпидемии большую роль сыграли советы его друзей — политических ссыльных,

среди которых были врачи. Это обстоятельство также имело под собой реальную почву, если вспомнить дружбу Абая с ссыльными врачами Н. Долгополовым, его женой А. Шур и др.

Такого рода вымышленные факты не искажают исторического облика Абая, а, напротив, глубже раскрывают его тесное общение с народом, показанное в живых сценах, его кровную связь с терпящей лишения и страдания городской беднотой. Здесь авторский домысел помогает с большой художественной выразительностью выделить те наиболее прогрессивные черты в деятельности Абая, которые сделали его просветителем и демократом, защитником народа, выразителем его чаяний.

Большое место в эпопее занимает просветительская деятельность Абая. Для воспроизведения ее М. О. Ауэзов располагал как достоверными историческими фактами, известными из его биографии, так и самим литературным наследием Абая, со всей полнотой отразившим его идеи просветителя и демократа.

В. И. Ленин, раскрывая характерные черты просветительства, указывал на непримиримую вражду просветителя к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях; защиту просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни; отстаивания интересов народных масс, главным образом крестьян³⁷.

Эти основные черты просветительства, названные В. И. Лениным, можно отметить в творческой и практической деятельности Абая Кунанбаева, конечно, не упуская при этом из виду тех конкретно-исторических условий, в которых он провел свою жизнь.

Так, Абай, обличая уродливые пережитки патриархально-родового строя в общественных отношениях, безжалостную эксплуатацию трудового народа баями, допуская произвол и насилие, защищая интересы трудящихся масс, объективно выступал против патриархально-феодалных устоев казахского общества.

При изображении повседневной жизни Абая, его влияния на окружающих М. О. Ауэзов также стремился опираться на конкретный жизненный материал. Например, в текст романа в творческой переработке авто-

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

ра были включены следующие факты, относящиеся к просветительской деятельности Абая. По воспоминаниям Архама Исхакова, «...«Черный век и Марта», «Четыре мушкетера», «Рустем», «Рассказы о Петре Великом»,... «Тысячу и одну ночь» впервые рассказал народу Абай.

«...«Шерней бек³⁸ Марта», «Төрт мушкетер», «Рустем», «Петр беликий жайынан ертект», «Мың бір түнді» елде алғаш айта бастаған Абай»³⁹.

В романе воспроизводятся пересказы Баймагамбетом, уже со слов Абая, названных здесь и других произведений русской и западноевропейской классики. Эти сцены основаны на личных впечатлениях Ауэзова, которому в юности довелось быть одним из слушателей Баймагамбета.

Дополнением в этом отношении служили и воспоминания Дильды, первой жены Абая, в передаче Катпы Курамжанова.

«Абайдың айналасы кітап болады дейді. Үйде отырғанда оқытып отырады. Көзіне очки киеді. Немесе кітап үстіне лупа жүргізіп отырады»⁴⁰.

«Окружением Абая были книги. Находясь дома, он всегда читал. Надевал очки или читал книгу через лупу».

Абай не только сам овладел русским языком, но и обучал ему своих детей и близких. Об этом, в частности, можно судить по донесению семипалатинского военного губернатора: «Один из сыновей Кунанбаева по окончании курса Михайловского артиллерийского училища был произведен в офицеры и, будучи на службе, умер в Туркестанском округе. Ныне замужняя дочь Кунанбаева окончила курс науки в киргизском интернате, все остальные дети пишут и читают по-русски. Грамоте обучал их отец. Кунанбаев весьма интересуется русской литературой, выписывает книги, газеты и журналы».

По данным Архама Исхакова, племянник Абая Какитай Исхаков, находившийся у него на воспитании с 12 лет, также начал обучаться русскому языку у самого Абая.

³⁸ Искаженное русское слово «век».

³⁹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 167 об.

⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 399, лл. 87—88.

«Кәең 12 жасында Абай қолына тиген... Сонда орысшаны Абайдың өзінен оқи бастайды»⁴¹.

Основываясь на воспоминаниях современников, М. О. Ауэзов изображает Абая пропагандистом своих взглядов просветителя не только в поэзии, но и в жизни, в беседах со своими земляками о значении знания, новых форм хозяйствования, новой морали. Он стремился расширить их кругозор, знакомя в форме пересказа с отдельными образцами русской и западноевропейской литературы.

Среди такого рода мемуарных источников первостепенное значение имеют факты, которые были непосредственно использованы в эпосе.

Так, по данным Ермусы:

«Келдібек баласы Ниязбек (Жөкең) медреседе оқып жүріп, қалада Абайға келгенде: «не оқисын?» дейді. Нақу оқимын дегенде, «жынды болуға аз-ақ қалыпсың ғой» депті. «Еңбек үйренем десең егін сал» дейді. Кейін Ермұса сынайды, жақсы егінші болған»⁴².

«Абай был в городе, к нему пришел Ниязбек, сын Келдибека, обучавшийся в медресе. Абай спросил его, что он изучает. Ниязбек ответил, что изучает наху. Абай сказал, что ему [Ниязбеку] до помешательства остается уже немного, и посоветовал: «Если хочешь обучаться труду, займись земледелием». Впоследствии, как отметил Ермуса, он [Ниязбек] стал хорошим хлеборобом».

Изображая Кокпая Жанатаева, пришедшего в сопровождении слушателя медресе Алпеима уговаривать Абая присоединиться к панисламистски настроенным казахским муллам, М. О. Ауэзов показывает, как Абай высмеивает Алпеима — «великовозрастного бородатого дядю, не постеснявшегося пойти в ученики в медресе при главной мечети, муллой которой стал Кокпай». М. О. Ауэзов пишет: «Абай повернулся к Алпеиму и спросил:

— Ну-ка, скажи, Алпеим, какой ты сейчас премудростью занимаешься?

— Изучаю арабскую грамматику, наху,— ответил

⁴¹ Архив ЛММА, папка № 29, л. 71 об.

⁴² Там же, л. 53.

Алпеим, осторожно выжидающим взглядом уставившись на Абая.

— Э, смотри, жигит, так недолго и помешаться. Ведь у самих арабов есть поговорка, — и Абай процитировал по-арабски: «Кто долго учит законы — фикху, тот поумнеет, кто долго учит наху — последний ум теряет». Он рассмеялся и продолжал: Это не я говорю, а арабские ученые богословы, которых ты зубришь. — И помолчав, добавил: Ох, Алпеим, отец твой был разумным казахом, ведь это он первый посеял хлеб на Тоқыре. И тебе бы лучше всего было поехать к себе домой, в степь, да заняться полезным трудом»⁴³.

В первой главе настоящего исследования уже приводились архивные документы, свидетельствующие об активном, непосредственном участии Абая в развитии земледелия у казахского населения, и связанное с этим его обращение к царской администрации.

Положительное отношение Абая-просветителя к развитию земледелия у казахов нашло, как известно, яркое проявление в романе. Достаточно вспомнить, как Абай защищает интересы бедняков — жатаков, постоянно страдавших от байских потрав их полей. Эта линия романа была построена автором на основании воспоминаний современников и подлинных архивных документов, с которыми он был знаком⁴⁴, а также на главном источнике эпопеи — поэтическом творчестве самого Абая.

Как известно, Абай во многих своих произведениях выступал горячим сторонником перехода казахов к земледелию, оседлости, промышленному труду, как более прогрессивным формам хозяйствования. В тех случаях, когда Абай говорит в своих произведениях об общественно-полезном труде (еңбек), он главным образом имел в виду земледелие.

Так, стало пословицей двустишие известного стихотворения Абая «Сегизаяк»:

Еңбек етсең ерінбей
Тояды қарның тіленбей⁴⁵.

⁴³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 684.

⁴⁴ «Среди архивных документов (новые материалы об Абае Кунанбаеве)». «Советский Казахстан», 1956, № 9, стр. 125—128.

⁴⁵ Если трудишься, не лентясь,
Будешь сытым ты каждый час!

Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. М., 1940, стр. 78.

Там же он говорит:

Егіннің ебін
Сауданың тегін
Үйреніп, ойлан мал ізде⁴⁶.

Абай поощрительно относился и к развитию ремесла у казахов.

Подобных примеров в эпоху много, все они построены на конкретном жизненном материале, сообщенном современниками.

Так, по сведениям А. Исхакова: «Абай өнерпаздарға көмекші. Сыбызғышы, домбырашы, құмалақшы, дейбішыларды қатты сүйеіп күшейткен, ұсталықты, ісмерлікті қатты қостаған»⁴⁷.

«Абай помогал людям, владеющим ремеслом (искусством). Он поощрял домбристов, играющих на сыбызге, мастеров по игре в сегиз-кумалак, шашки, кузнецов».

Заботливое внимание Абая к музыкально одаренным людям, отмеченное современниками, было творчески использовано М. О. Ауэзовым в романе, где ярко показано, что аул Абая был своеобразным духовным центром края, куда постоянно стремились поэты, музыканты, певцы.

«Аул Абая как бы притягивал к себе искусство — самые различные образцы его можно было встретить на дружеских вечерах в Большой юрте. Тут бывали талантливые акыны, певцы, виртуозы-домбристы, мастера красноречия, щедрые на шутки и остроты»⁴⁸.

Среди таких талантливых певцов и музыкантов особенно выделялся Муха, который, обучившись игре на скрипке, исполнял отдельные произведения русской и западноевропейской классики. Известно, что он был одним из лучших исполнителей письма Татьяны и других произведений Абая⁴⁹.

⁴⁶ С юных лет трудись,
Сеять хлеб учись,
И достаток приобретаі,
Приумножишь скот...
Т а м ж е.

⁴⁷ Архив ЛММА, папка № 29, л. 70 об.

⁴⁸ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 143.

⁴⁹ М. С. Сильченко. Абай, 1945, стр. 78

В работе над образом Мухі М. О. Ауэзов использо-
вал фактические данные о реально существовавшем
талантливом музыканте Мухаметкали Адильханове,
записанные на родине Абая писателем Сапаргали Бе-
галиным. В этих материалах подробно рассказывается
биография Мухі, история его обучения музыке⁵⁰. Осо-
бенно интересны те страницы его жизни, когда он,
прибегнув к покровительству Абая, поселяется в его
ауле и в течение ряда лет находится среди окружавшей
поэта одаренной молодежи.

«Мұқа Абайдың адамшылығына, атақ, даңқына
қанық болады. Абайдың маңына әнші, күйші, ақын
т. б. өнерпаздардың үйір болатынын, олардың Абайды
қатты құрметтейтінін Мұқа жақсы біледі. Мұқа да өз
өнерін Абай алдына тартып, ұлы данаға шәкірт, дос
болуға ынтығады.

Әбілханның ортаншы баласы Исахан қайтыс болып,
оның уақыты толғанда оның әйелі Фатиханы Исахан-
ның ағасы Мұсаханға қатын үстіне тигізбек болады.
Әйелдің қарсылығына қарамай некесін қиып қосуға
айналады.

Фатиха мен Мұқаның арасында құпия сөз, көңіл-
дестік болады екен. Мұқа ешкімге сездірмей екі атты
ыңғайлайды да, Әлімханның қойшысы арқылы Фати-
хамен уәде байласып, белгілі уақытта ауыл сыртында-
ғы қалың тоғайдан кездесуге сөз байласады... Екеуі
екі атқа мініп алып, паналайтын орын Абай деп тар-
тып кетеді. Таң ата Ақшоқыда отырған Абай аулына
келеді. Абай үйде болмайды. Шыңғыста съезд өткізіп
жатыр екен. Үйде Мағаш болады. Мұқаны бұрыннан
да сыртынан біледі екен. Келгеніне қуанып құрметпен
қарсы алып, барлық жайға қанған соң Абайға хат жа-
зып кісі жібереді...

Ертеңінде Шыңғыста съезд құрып жатқан Абайдан
Мұқаны мұнда жіберсін деген хабар келеді. Мағаш
Фатиханы алып қалады да, Мұқаның жанына бір адам
қосып беріп, Абайға жібереді. Абай Мұқаның келуін
қарсы алып:

— Ештеңе етпес, бір іс істеген екенсің өзім жайлар-
мын, алаң болма. Сырнай ойнай бер,— дейді...

Абай Мұқаға жеке үй көтеріп береді. Қыс болса

⁵⁰ Архив ЛММА, папка № 29, лл. 233—235.

Абаймен Семейге бірге барып, жаздай Абай аулында болады. Абай балаларына музыка үйретеді.

Мұқаны Абай әдейілеп Семейге жіберіп, ән күй үйреніп музыканттық талантының өркендеуіне көп көмектеседі. Мұқаны Мәскеу, Петербургқа жібермек болып, әдейілеп киім тіктіріп даярлап жүрген кезінде елдің шатағынан ойы іске аспай қалады»⁵¹.

«Муха был наслышан о человечности, известности, славе Абая. Он хорошо знал о стремлении певцов, музыкантов, акынов и других лиц, владеющих каким-либо видом искусства, сблизиться с Абаем, большим к ним уважении Абая. Муха сам стремился показать Абаю свое искусство, стать учеником и другом этого великого человека.

После смерти среднего сына Адильхана, Исахана, и по истечении положенного срока его жену Фатиху хотели сделать второй женой брата Исахана — Мусахана. Несмотря на возражения женщины, ее заставили выйти замуж насильно.

Фатиха и Муха любили друг друга, у них был тайный сговор. Муха никому ничего не говорил, приготовил двух лошадей и, договорившись с Фатихой через чабана Алимхана, встретился с ней в определенный час в густых зарослях за аулом... Сев на коней, они уехали, надеясь укрыться в ауле Абая. К рассвету они приехали в аул Абая — Акшоқы. Абая дома не оказалось. Он проводил съезд в Чингизе. Дома был Магаш. Он и раньше слышал о Мухе. Он обрадовался их приезду, встретил с почетом и, описав их положение, отправил с одним человеком письмо к Абаю. На другой день от Абая, проводившего съезд в Чингизе, пришел ответ, чтобы Муху прислали к нему. Магаш оставляет Фатиху и в сопровождении одного человека отправляет Муху к Абаю. Абай, тепло встретив Муху, сказал: «Ничего, дело твое сам улажу, не беспокойся, занимайся своим искусством». Абай дал Мухе отдельную юрту. Зимой Муха вместе с Абаем ездил в Семипалатинск, летом находился в ауле. Он обучал музыке детей Абая. Абай специально посылал Муху в Семипалатинск, чтобы тот развивал свои музыкальные способности, обучаясь песням, музыке. Он намеревался отправить Муху

⁵¹ Там же, лл. 232—235.

в Москву и Петербург, специально для этого заказал для него одежду, но из-за беспорядков в степи эта мысль осталась неосуществленной».

Все эти сведения нашли довольно точное отражение в романе, где о Мухе говорится следующее: «В среде молодых друзей и учеников Абая Муха появился не очень давно. Сам он был не из этих мест, он происходил из рода кандар племени уак. Там он полюбил одну девушку, но так как родители ее противились свадьбе, Муха, по совету Магаша, увез ее и поселился в тобык-тинских аулах. Искусный певец, скромный и веселый, Муха понравился Абая, стал одним из его любимцев...

Абай внимательно следил за игрой Мухи. Было ясно, что Муха не обладал настоящей техникой, очевидно, он лишь кое-чему подучился у какого-нибудь заурядного скрипача, но в нем чувствовались редкое дарование и музыкальность»⁵².

Приведенные выше отрывки воспоминаний об Абая, сохранившиеся в памяти его современников и их потомков, свидетельствуют о том, как бережно в течение многих лет М. О. Ауэзов собирал по крупицам разносторонние сведения об Абая, в том числе и о его повседневной жизни. Художественное обобщение и отражение этих сведений в романе способствовало созданию многогранного, живого образа поэта.

В этой связи не случаен и отбор писателем материала, говорящего о сочувственном отношении Абая к угнетенному положению женщины в казахском обществе, о его борьбе за облегчение ее доли, его активных выступлениях против отсталых феодальных устоев в области семьи и брака.

Так, в эпосе Абай неоднократно защищает права женщин. Он, например, становится верховным бием в деле девушки Салихи, освобождает ее от брачных обязательств, связанных с законами шариата. Далее Абай оказывает смелую поддержку и помощь Макен и Дармену, бежавшим из степи в город под его защиту, и советует им прибегнуть к русским законам в области брака как более прогрессивным по сравнению с мусульманскими.

Эти события непосредственно связаны с подлинны-

⁵² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 144.

ми ситуациями, имевшими место в биографии Абая. В разных источниках сохранились сведения об участии Абая как верховного бия в споре двух родов из-за девушки Хадиши, принявшем в свое время огромные масштабы. М. О. Ауэзов подробно записал воспоминания Ермусы, посвященные этому событию:

«*Қадиша қыз дауы.* Абайдың сабалұына осы себеп болған. Қадиша Байғұлақ туысқаны. Жуантаяқ қызы. Айттырған жері есполат. Осыны абыралы Жолдыбай (жігіт) алып қашпақ болады. Бес жігіт сақтоғалақ аңдып тұрып ұстап алады. Осы жанжал. Абай қыз-жігітті алғызады. Екі аяқта бір кісен. Қыз кеп есіктен өлең айтады. Абай билік айтады. Қызға теңдік береді. Осыдан есполат жесірі кетіп қас болады. Жуантаяқ қызы кетіп қас болады. Сақтоғалақ бес жыл бес түйеден 25 түйе тартқан ол қас болады. Әбен, Оразбай осы тұста ұрандасады»⁵³.

«*Спор из-за девушки Хадиши.* Это послужило причиной избиения Абая. Хадиша была родственницей Байгулака из рода жуантаяк, была засватана родом есполат. Ее хотел похитить жигит абралинец Жолдыбай. Пять жигитов из рода сактоголак, подкараулив, схватывают их. В этом суть ссоры. Абай требует к себе девушку и юношу. У обоих ноги были связаны одними железными путами. Девушка, войдя в двери, запела песню. Абай произносит приговор судьи. Он дает девушке свободу. Потеряв невесту, род есполат становится враждебным Абаю. Жуантаяки тоже во вражде с Абаем из-за ухода девушки. Сактоголаки, которые должны были в течение 5 лет выплачивать по 5 верблюдов, всего 25 верблюдов, тоже становятся врагами Абая. Абен, Оразбай в это время дают клятву (т. е. объединяются против Абая.— Л. А.)».

Если обратиться к первому тому эпопеи, то легко проследить, что цитированные выше сведения почти полностью легли в основу разбирательства Абаем спора между двумя родами из-за девушки, самовольно расторгнувшей брачный сговор. Но все эти сухие факты в романе обрели плоть и кровь, дополненные авторским вымыслом.

М. О. Ауэзов воссоздает историю вражды между ро-

⁵³ Архив ЛММА, папка № 29, лл. 55, 55 об.

дами, описывает взаимные набеги с угоном скота. После разрыва сватовства сыбанцы стали угонять скот у кереев. «Каждая сторона старалась захватить не меньше угнанного. Набег сменялся набегом... Всякий, кто был способен поднять соил, ввязывался в борьбу. Вокруг неудачного сватовства затянулся крепкий узел вражды»⁵⁴. Далее автором подробно раскрываются мотивы, по которым спорящие стороны обратились на Балкыбекском съезде к Абая, чтобы он на правах верховного бия решил их тяжбу. Подробно описан ход следствия по делу Салихи. Интересно построена сцена беседы Абая с Салихой, раскрывающая горячее стремление девушки к свободе, ее твердое решение уйти из жизни, но не покориться, став третьей женой старика. Психологически тонко и убедительно М. О. Ауэзов показывает, как перед мысленным взором Абая возникает картина гибели девушки, бросившейся в реку с высоко-го утеса. Мысли и видения теснились в душе Абая, и размеренные слова сами сложились в строки:

...Пусть тело мое целует не старый муж, а волна!—
Сказала и в темные воды со скал метнулась она...⁵⁵

Так, в тесном сопоставлении с реальными фактами из биографии Абая М. О. Ауэзов рисует рождение известного стихотворения Абая «У хана девушка жила».

Вместе с тем воображением художника воссоздается вся сложная атмосфера суда биев, предшествовавшая окончательному решению судьбы девушки, начало разрыва Абая с Жиренце и Уразбаем, помощниками главного бия, намеревавшимися, приняв крупную взятку от одной из сторон, решить дело не в пользу Салихи, и, наконец, само разбирательство на Балкыбекском съезде, закончившееся справедливым решением Абая, который наряду с освобождением девушки строго продумал все меры по взаимному материальному удовлетворению сторон. Подчеркивая прогрессивные тенденции в деятельности Абая, М. О. Ауэзов показывает, что с его неожиданным и смелым решением основная масса народа была согласна. Несмотря на проклятия части степной аристократии, и киреи, и сыбанцы «оценили

⁵⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 729.

⁵⁵ Там же, стр. 732.

Абая как человека новых мыслей, смело ломавшего старые казахские обычаи»⁵⁶.

Даже в отношении всецело вымышленных персонажей, таких, например, как Дармен, автор также стремился опираться на реальный исторический материал, что придавало большую убедительность и жизненность его персонажам. Так, бегство Дармена с любимой девушкой Макен в Семипалатинск под защиту Абая, будучи вымышленным эпизодом, находит не одно яркое подтверждение правомерности такого вымысла в самом материале биографии Абая. Выше упоминалось о талантливом музыканте Мухе, который, бежав с любимой женщиной, нарушившей обычаи аменгерства, нашел приют и покровительство у Абая. Аналогичный эпизод был записан М. О. Ауэзовым со слов Катпы Курамжанова:

«Ақмет Шәріп Молдажан ұлының қатын[ын] алып қашып, Абай қолына келіп үш жыл тұрып қайтқан. Бұл орысша, қазақша оқыған адам. Жетім бала есебінде оқуға түскен. Қызметін тастап Абаймен танысқандықтан соның аулына үш жылға кетеді»⁵⁷.

«Ахмет Шарип, похитив жену сына Молдажана, приехал к Абаю и прожил у него три года. Это был человек грамотный по-русски и по-казахски. Как сирота был определен на учебу. Познакомившись с Абаем, он уезжает на три года в его аул, оставив свою службу».

Для характеристики нового отношения Абая к положению женщины в семье, особенно невесток, интересно следующее сообщение Тумабая:

«Келінін, қызын жасырмайды. Пакизатты ұзатарда жаулық кигізерде: «Балам ақ нөкта деген осы», — дейді. Пакизат киіп ап әкесіне қарайды. Абай анау шыққан соң көзінің жасын іркіп ап»⁵⁸.

«Невестку и дочь не держал взаперти. Когда отправляли Пакизат к жениху, он сказал перед одеванием ей жаулыка: «Дочь моя, это и есть так называемая белая узда». Пакизат, надев, смотрит на отца. После ее ухода у Абая на глазах показались слезы».

Новые отношения, которые Абай как передовой человек своего времени устанавливал в семье, нашли

⁵⁶ Там же, стр. 739.

⁵⁷ Архив ЛММА, папка № 29, л. 208.

⁵⁸ Там же, л. 190 об.

Абай в кругу семьи.

отражение в романе, например, в сцене приезда Абиша с женой в Семипалатинск, где его ждал Абай. Перед отъездом на службу в Верный Абиш заехал к отцу. «Абиш в новеньком офицерском мундире вбежал в комнату отца и громко отдал ему салем. Магиш постеснялась войти вместе с мужем и задержалась за дверью. Абай не принял салем сына. «За этим порогом осталась твоя жена, — печально сказал он. — Не кажется ли тебе, что это унижает тебя — офицера, и меня, твоего отца? Приведи ее сюда и внуши ей, что я не тот свекор, которого должна страшиться невестка»⁵⁹. О щепетильности Абая в этом отношении, подмеченной М. О. Ауэзовым, свидетельствует групповой фотоснимок Абая с семьей, где он запечатлен с сыновьями, женой и невесткой.

Немало внимания уделил писатель и воспроизведению взаимоотношений Абая с виднейшими акынами

⁵⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 403.

его времени, используя при этом, в частности, следующее воспоминание Катпы Курамжанова:

«Абай Қоңыр көкшеге болыс боп тұрғанда Байкөкше ақын бұл отырған үйге кіре береді. Абай:

Тақыр жерге қауындап шөп бітеді,
Кей адамға мал мен бас көп бітеді, —

деп осының аяғын отырмай айтып жіберші дегенде: Байкөкше:

Кей жігітті пысық деп болыс қойсаң
Қашан түсіп қалғанша жеп бітеді, —

деп отыра кеткен»⁶⁰.

«Когда Абай был волостным в Коныр-кокше, к нему в дом зашел поэт Байкокше.

Абай:

На голом месте буйно вырастает трава,
У некоторых людей много детей и богатства, —

не садясь, продолжи конец этого (двустипшия. — Л. А.). Тогда Байкокше:

Если изберешь какого-то жигита волостным за ловкость,
До тех пор, пока его не сместят, будет наживаться, —

сказав, сел».

В романе этот эпизод подвергся интересной творческой трансформации, придавшей ему более глубокий социальный смысл. Перед началом Балкыбекского чрезвычайного межродового съезда Оспан как хозяин Большой юрты Кунанбая приглашает к себе на угощение всех волостных управителей двух уездов, среди которых находились Абай и акын Байкокше. Попросив акына спеть, волостные остались недовольны его песней, говорящей об угнетении народа власть имущими. Абай замечает, что песни Байкокше тем ценны, что в них голос народа. Отрицая право акына говорить от имени народа, Такежан бросает ему вызов. «Ну, коли так, спой мне в четырех строках все, что говорит народ», — с издевкой сказал Такежан. Остальные подхватили эти слова, осыпая акына и Абая колкими насмешками.

⁶⁰ Архив ЛММА, папка № 29.

Абай, подзадоренный, с улыбкой взглянул на Байкокше.

— Ну что же, тянуть нечего, Байеке, я начну, а ты заканчивай! Давай ответим им, что говорит про них народ! — и он громко начал:

Густою травой жайляу в низинах покрыт,
На легкое счастье родится иной жигит...

Акын сидел на корточках. Он привстал, насмешливо поднял брови и быстро закончил в лад Абаю:

Поставят за ловкость его волостным —
Он только взятки берет, пока не слетит!

— Вот что говорит народ! — добавил он и, взглянув на Такежана, громко расхохотался⁶¹.

В воспоминаниях современников об участии Абая как верховного бия в суде девушки Хадиши говорится, что это дело послужило причиной разрыва поэта с Оразбаем, последний подготовил на него покушение.

Покушение на Абая действительно произошло летом 1897 г. во время волостных выборов на урочище Кошбике и было организовано старшиной Оразбаем Аккуловым и группой ненавидевших Абая представителей степной знати.

М. О. Ауэзов принял во внимание отдельные детали этого события, в частности сцену, когда один из участников нападения, опасаясь за жизнь поэта, пытался прикрыть его от ударов своим телом.

«Абайды сабағанда үстiне жығылған. Оны талқан қып ұрған. Бір ай қалжа жеп жатып тұрған»⁶².

«Когда Абая избивали [один человек, чтобы защитить его], упал на него сверху. Его [защищавшего] жестоко избили. Целый месяц отлеживался».

Подобные достоверные и важные штрихи в воспоминаниях современников М. О. Ауэзов в ряде случаев включал в повествование почти без изменений как материал, придающий точность и историческую правдивость описанию событий, имевших место в жизни поэта.

В эпосе этот эпизод отражен следующим образом: «Но среди злодеев нашлось несколько человек, кото-

⁶¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 703—704.

⁶² Архив ЛММА, папка № 29, л. 75.

рые, увидев, что Абая хотят забить насмерть, ужаснулись и пожалели поэта — они нарочно падали на него, стараясь прикрыть от ударов своим телом»⁶³.

Автор в данном случае отошел от буквального следования за источником, в котором отражена лишь внешняя сторона конфликта. Согласно документу, причиной избиения Абая было принятое им решение судьбы девушки Хадиши, неприемлемое для его противников. Писатель же переосмысливает эти сведения, прибегает к творческому домыслу, чтобы, вскрыв более глубокие причины покушения на Абая, достигнуть большей значимости художественного обобщения в раскрытии социального конфликта поэта со своим классом.

На этом примере ясно видно, что в отдельных случаях точное следование документальному источнику, зафиксировавшему случайный, частный факт, дает значительно меньше оснований для исторически верно-го обобщения и осмысления явлений и поступков людей, т. е. для создания художественной правды, чем авторский домысел или вымысел, раскрывающие подлинную суть событий.

М. О. Ауэзов не мог ограничиться в своей творческой работе подобными скухими сведениями. Даже если они были бы более полными, автор и тогда не свел бы свою работу к хронологическому пересказу этих фактов, отказавшись от приемов вымысла и домысла, ибо это крайне сковало и обеднило бы роман как в идейном, так и в художественном отношении.

М. О. Ауэзов широко использовал свое право на творческое воображение в рассказе о детстве и юности поэта, становлении его личности, формировании характера и мировоззрения, что дало возможность писателю в дальнейшем глубже и полнее раскрыть образ Абая — поэта, просветителя, демократа.

Специфическую трудность в работе М. О. Ауэзова над воспоминаниями, сохранившимися в памяти народа, составляло и то обстоятельство, что в них воспроизводились лишь внешние стороны жизни Абая. Его современникам был недоступен сложный внутренний мир поэта, стоявшего по своему духовному развитию неизмеримо выше своих одноаульцев. Создавая худо-

⁶³ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 620.

жественный образ Абая, М. О. Ауэзов стремился проникнуть во внутренний мир художника, его мировоззрение, психику, характер. В данном случае он обращался к вымыслу как необходимому средству для более верного и полного раскрытия личности поэта.

На эту дополнительную трудность — изображение процесса творчества художника — в работе над образом Абая обращал внимание и сам автор. Он говорил, что поскольку герой его произведения поэт, то «Путь Абая» отличается от романов типа «Петр I», «Емельян Пугачев» или «Степан Разин» этой «добавочной нагрузкой». Касаясь специфики своей работы, М. О. Ауэзов писал: «Передо мной стояла задача исследовать и показать не только деятельность и переживания героя, связанные непосредственно с жизнью общества, но и психологию его творчества, реально-исторические корни поэтических замыслов, воплощавшихся в его произведениях»⁶⁴.

Для раскрытия социальных конфликтов эпохи, борьбы самого Абая автору приходилось домысливать события, сталкивать Абая с вымышленными персонажами, додумывать многое в его взаимоотношениях с родными и близкими ему духовно лицами, воображением дополнять картины его борьбы с врагами, например Уразбаем, находить детали острых конфликтов поэта с отцом Кунанбаем и пр.

Вымысел не только необходим автору, чтобы отразить в романе малоизвестные периоды или обстоятельства жизни исторической личности, в данном случае Абая Кунанбаева, или оживить повествование яркими событиями, он играет также важнейшую роль в исторически верной типизации жизненных фактов и явлений, отдельных представителей воссоздаваемой автором эпохи.

М. О. Ауэзов широко пользовался художественным вымыслом при показе взаимоотношений Абая с людьми из народа, такими, как его любимый ученик Дармен, как Даркембай, пастух Иса, старики-жатаки и др. Здесь авторская фантазия служила отражению тесной

⁶⁴ М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования, стр. 360.

связи Абая с народом, защитником интересов которого он выступал.

Эта связь Абая с народом выглядит в романе реальной и жизненно убедительной в значительной степени благодаря тому, что и народ представлен здесь не абстрактной безликой массой, а его обобщенный образ складывается из многих конкретных образов персонажей со своими типичными чертами, глубоко индивидуальным внешним и психологическим обликом, своими человеческими судьбами, контактами с Абаем. Вместе с тем выразитель страданий и чаяний народа Абай не изображен как герой, стоящий над народом, напротив, его деятельность, его стремления находятся в полном соответствии с прогрессивным ходом исторического развития народа.

Однако как вымысел, так и домысел автора при работе над историческим романом не могут быть произвольными, независимыми от правды исторической действительности, представленной в произведении.

Внимательное рассмотрение вымышленных эпизодов романа «Путь Абая» показывает, что все они даются с глубоким обоснованием и верностью правде жизни, правде истории, поэтому они кажутся не менее достоверными, чем эпизоды, построенные на документальной основе.

В этой связи М. О. Ауэзов говорил об ответственности труда художника, которому необходимо увидеть за различными и по-разному понятыми современниками фактами истинную сущность явлений, движущие силы исторического процесса. Особенно важным условием художественного вымысла М. О. Ауэзов, как писатель социалистического реализма, считал социальное обоснование психологии и поступков персонажей.

Методы работы М. О. Ауэзова над документальными свидетельствами эпохи интересно проследить и на примере воссоздания им образов других действующих в романе лиц, представляющих окружение Абая, ту среду, которая была порождена его эпохой и в которой он провел свою жизнь.

Рассмотрение эпопеи в этом плане обнаруживает, что среди сотен ее персонажей вымышленные фигуры составляют единицы, подавляющее же большинство героев — подлинно существовавшие личности. На это

указывал и сам автор: «В романе документально историчны имена действующих лиц, за очень немногим исключением речь идет о личностях, реально существовавших, так же как существовали до Октябрьской революции их роды, колена, племена»⁶⁵. О биографиях и делах этих личностей М. О. Ауэзов был прекрасно осведомлен, так как провел большую и кропотливую собирательскую работу на родине поэта.

Глубоко вникая в суть социальных противоречий эпохи, М. О. Ауэзов ставил своей задачей отразить полувекую историю народа в конкретно-исторических образах, которые несли в себе характерные черты эпохи и объективно представляли основные тенденции исторического процесса.

Именно эта борьба прогрессивных и реакционных сил в казахском обществе, воссозданная посредством ярких и исторически достоверных образов, является основным содержанием эпопеи «Путь Абая». В этом свете каждый ее художественный образ в той или иной мере типичен, наделен определенными социальными признаками и соответственно выражает определенные интересы. Материалы источников дают возможность показать, как использовал М. О. Ауэзов отдельные конкретные документальные свидетельства эпохи для воспроизведения образа главного врага Абая — Уразбая, в действиях которого, направленных против народа и Абая, нашла сильное выражение борьба господствующего класса феодалов с прогрессивными силами истории.

В отличие от Кунанбая, представлявшего казахскую феодальную верхушку середины XIX века, Уразбай — выразитель интересов казахского байства последней четверти XIX века, порождение новой эпохи, связанной с проникновением в Казахстан капиталистических отношений. Уразбай представлен в романе как один из наиболее диких, жестоких феодалов, не знающих никакой узды в угнетении народа. Недаром Абай называет его злодеем, лютым волком степи, истязателем народа.

Эти черты Уразбая воскресают и в скупых характе-

⁶⁵ Там же, стр. 360.

ристиках, данных ему современниками и записанных М. О. Ауэзовым.

«Оразбай — ауызды, қақсап отыратын, қара қабан кісі еді»⁶⁶.

«Уразбай — властный, назойливый, многословный — напоминал черного кабана».

Уразбай выступает лютым врагом Абая, на которого он переносит всю свою ненависть после смерти эскорбившего его Оспана. Рыскрывая в романе этот объективно имевший место в истории характер взаимоотношений Уразбая и Абая, М. О. Ауэзов писал: «Мстительный, жестокий, решительный, он (Уразбай. — Л. А.) считал, что если уж враждовать, то враждовать надо так, как Кунанбай, прибегая в борьбе к любым средствам. Последнее время он только и был занят тем, что расставлял сети против Абая. Он не жалел скота и коней на взятки городским начальникам и толмачам. В степи он привлекал к себе сторонников не только в тобыкты. За последние годы Уразбай добился того, что его имя было на устах всех волостных, биев и аткаминеров керей, матая, уака, наймана, буры...»⁶⁷

Развивая ход дальнейшего проявления все усиливающейся враждебности Уразбая по отношению к Абаю, автор показывает, как Уразбай исподволь готовит покушение на поэта. Опутав Абая сетью интриг, внеся раздор в его семью, который привел к полному разрыву Абая с его старшим братом Такежаном, и заручившись гарантией безнаказанности со стороны властей в лице крупного царского чиновника Азимханова, одоббившего его черный замысел, Уразбай решает осуществить убийство поэта.

М. О. Ауэзов стремился к наибольшей жизненной конкретности в изображении персонажей, для чего он достаточно полно использовал и подлинные портретные черты реально существовавших действующих лиц. Это помогало ему избежать социологического схематизма в показе своих героев.

Так, по его записям со слов очевидцев:

«Оразбай — акшыл, үлкен, Медеуге ұқсас, семізіше, ақ көзі соқыр, сақалы шамалы, ер пішінді кісі»⁶⁸.

⁶⁶ Архив ЛММА, папка № 29, л. 133.

⁶⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, ст. 331.

⁶⁸ Архив ЛММА, папка № 29, л. 144.

«Оразбай бледный, крупный, похожий на Медеу (его сына, которого М. О. Ауэзов видел.— Л. А.), полный, слепой на один глаз, с редкой бородой, мужественного вида».

Этот портрет использован М. О. Ауэзовым при создании образа Уразбая, но он дополнен творческой фантазией художника, оживившей образ, придавшей ему особенную полнокровность, жизненную конкретность и убедительность. Так, например, чтобы показать Уразбая в момент, когда он затевал одно из своих новых злодеяний, писатель находит выразительный жест, делающий фигуру персонажа зримой. Уразбай сидит, поглаживая свою редкую бороду, любясь сверкающими в ней седыми волосами, которые казались ему признаком зрелой мудрости.

Конкретно-историческое и в то же время ярко индивидуализированное изображение отличает и образы других представителей господствующего класса, как, впрочем, и большинство персонажей романа. Каждый из них, будучи типичным представителем своего класса, тем не менее имеет свои индивидуальные черты, делающие его самобытным, живым, жизненно убедительным.

Таков, например, брат Абая Оспан, которого он выделял среди своих родных как более близкого себе человека, считая его по природе добрым и отзывчивым.

По воспоминаниям Катпы Курамжанова и других современников, Оспан предстает прямым, открытым человеком, обладающим редкой физической силой. Сохранилась память о его щедрости, гостеприимстве, отзывчивости. Так, например, он оказывает приют молодому жигиту, скрывавшемуся у него с бежавшей с ним девушкой, не пожелавшей выйти замуж за нелюбимого человека и смело решившейся на нарушение степных порядков⁶⁹.

При воссоздании образа Оспана М. О. Ауэзов использовал подлинный его фотопортрет из известного группового снимка, а также воспоминания Мадияра, так описавшего его облик:

«Оспан — қара, семіз. Көзі алақандай, мойны жуан, басы үлкен. Мойын кеуде тұтас, сақалы сұйқыл»⁷⁰.

⁶⁹ Там же, л. 235.

⁷⁰ Там же, л. 144.

«Оспан — смуглый, полный, с большими глазами, толстой шеей, крупной головой. Шея слита с туловищем, редкая бородка».

К скупым портретным штрихам Оспана, взятым из воспоминаний его сородичей, М. О. Ауэзов добавляет живые и сочные краски, вводит ряд эпизодов, рассказывает о его детстве, когда шло формирование характера героя и уже проявлялись присущие ему качества: смелость, щедрость, доброта и одновременно вспыльчивость, упрямство, своенравие.

Образ Оспана получился исключительно ярким, самобытным. «Оспана порядком побаивались. Высокий ростом, мощно, как богатырь, сложенный, он производил большое впечатление на встречавшихся с ним людей. О нем ходило множество рассказов, похожих на легенды. Говорили, что он повалил на землю быка, кинувшегося на него, пинком в нос оглушил злую овчарку-людоеда, пытавшуюся его растерзать. Было известно, что он вытащил из колодца упавшего туда годовалого верблюжонка, ухватив его за горбы. Зная, что эта могучая сила сочетается с решительным характером и порою бешеной вспыльчивостью, редко кто пытался ему противоречить.

С другой стороны, многих привлекали открытый характер Оспана, его щедрость и гостеприимство. Об этом тоже ходили легенды. Говорили, что, если кто-либо проедет мимо его аула, Оспан посылал за ним вдогонку и с шутливой обидой спрашивал его: «Чем провинились перед тобой мои овцы, что ты не желаешь ответить их мяса?»⁷¹

Вместе с тем, диалектически раскрывая положительные и отрицательные черты Оспана, автор показывает, что весь образ мыслей и поступков Оспана, его нрав порождены его средой и ею обусловлены. Поэтому совершенно закономерно, что М. О. Ауэзов изображает его и как типичного представителя феодальной верхушки казахского общества. Оспан, будучи волостным управителем, спокойно предоставляет царским чиновникам с помощью казахских шабарманов безжалостно грабить и разорять народ, собирая «черные сборы» с

⁷¹ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 204.

неслыханными злоупотреблениями в целях личной наживы.

Выслушав горькие упреки Абая, Оспан, чтобы оправдаться перед ним, устраивает на съезде в своей волости суд над конокрадами — грабителями народа. Собрав всех биев, старейшин, елюбасов волости, Оспан первый решился привлечь к ответу Уразбая, «который, подобно другим богачам и воротилам, создавал свое богатство откровенным грабежом... Все жалобы потерпевших оставались без последствий: ни один волостной не рисковал привлечь Уразбая к ответственности. Оспан был первым, кто решился на это»⁷². Это решение вскоре привело Оспана к крупной ссоре с Уразбаем, о которой в руках писателя оказались лишь следующие краткие сведения, сообщенные ему Архамом Исхаковым и Тумабаем:

«Оспан 400 үйге сияз жасатады. Оразбай келмейді. Балтабектің жылқысы ұрланады. Арап пен Күсенге Оспан жақындарың ұрлады деп абақты кеседі. Оразбай қалаға қашады. Оспан қаладан байлап ала келеді Күсен екеуін. Оспан 91 жылы өлді. Элгі уақиға 90 жылы»⁷³.

«Оспан для 400 домов устраивает съезд. Уразбай не приходит. У Балтабека украдены кони. Оспан сказал [Уразбаю], что украли его близкие. Арапа и Кусена он решает отправить в тюрьму. Уразбай бежит в город. Оспан привозит его из города связанным вместе с Кусеном. Оспан умер в 91-м году. Это событие произошло в 90-м году».

Опираясь на эти записи, М. О. Ауэзов воскресил их в одном из эпизодов романа, рассказывающем об обмене и насильственном возвращении связанного Уразбая в аул Оспана.

Пленение Оспаном Уразбая и унижение последнего были столь неслыханны, что молва об этом мгновенно разлетелась по всему племени тобыкты, память потомков надолго сохранила воспоминание о событии.

В эпосе показано, что, когда Оспан с биями, елюбасами, старшинами, писарями и посыльными приезжал в аул Уразбая, чтобы устроить съезд по его делу,

⁷² Там же, стр. 188.

⁷³ Архив ЛММА, папка № 29, л. 107 об.

связанному с покровительством конокрадам, выяснилось, что последний бежал в Семипалатинск с жалобой на самоуправство Оспана.

Почернев от гнева, Оспан закричал: «Теперь я не успокоюсь, пока не достану Уразбая! Хотя бы он сквозь землю провалился, я его разыщу и притащу сюда связанного, как козленка!» Застав Уразбая уже в канцелярии уездного начальника, Оспан хитростью выманивает его на улицу, подводит к повозке, силой заталкивает в нее и увозит из города. Выехав в безлюдную степь за Иртышом, Оспан привязывает Уразбая на задок повозки и в таком виде с позором возвращает его в аул. Все эти события были воплощены творческой фантазией автора в живые и колоритные сцены.

Показывая решительность и силу характера Оспана, автор раскрывает и социальные причины его действий. Не только непререкаемый авторитет Абая и его осуждение толкнули Оспана на такой смелый шаг, как пленение Уразбая, в эпоху дается верное и убедительное классовое обоснование поступков Оспана, в которых отражена идеология его среды. М. О. Ауэзов объясняет, что, добываясь своего избрания на должность волостного, Оспан всем обещал быть справедливым управителем. «Он понимал, что если ему удастся укротить неукротимых воров, изловить изворотливых грабителей, то влияние его в волости упрочится»⁷⁴.

Оставаясь типичным представителем господствующего класса, Оспан не мог действовать иначе, как силой, самоуправством, со всей страстью отдаваясь личной вражде, которая ничего не могла дать народу. Недаром Абай осуждает методы его борьбы: «Оспан правильно решил устроить на него (Уразбая.— Л. А.) облаву. Но бороться надо было с ним так, чтобы он отдал чужое добро, вернул народу награбленное. А Оспан обратил все в личную борьбу, словно он борется лишь во имя своей мести. И вышло так, что сцепились во вражде и тяжбе два соперника, не поделившие власть»⁷⁵.

При изучении воспоминаний современников М. О. Ауэзову нередко приходилось принимать во внима-

⁷⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 204.

⁷⁵ Там же, стр. 207.

ние их субъективный или классово-тенденциозный характер.

Насколько критическим был подход автора к таким источникам, можно проследить на следующем примере. По рассказу Алимбая, молодой Абай среди своих современников особо выделял Асылбека, сына Суюндика, старейшины рода бокенши.

«Абайдың ең зор қызмет еткен, ең сыйлаған кісісі жалғыз Асыл ағаң, ылғи сөз сұрап отырғызып өзі тыңдайды да отырады»⁷⁶.

«Человек, которому Абай много сделал [хорошего] и которого больше всех уважал, был Асыл-ага. Абай его постоянно расспрашивал и выслушивал».

Основываясь на этом сообщении, писатель показывает дружелюбное отношение Абая к Асылбеку: поэт называет Асылбека главным бием на Балкыбекском чрезвычайном съезде и надеется на его честность и справедливость.

Однако после назначения Асылбека волостным управителем (по рекомендации Абая) Абай переживает горькое разочарование в Асылбеке, проявившем себя типичным представителем господствующего класса: народ при нем подвергался не меньшему насилию и злоупотреблениям со стороны должностных лиц волостного управителя, чем и при его предшественнике.

Так идеализация некоторых лиц, вызванная субъективным отношением рассказчиков к отдельным историческим прототипам эпопеи, неукоснительно снималась М. О. Ауэзовым, обнажавшим классовую сущность своих героев, чьи поступки и мировоззрение были полностью обусловлены породившей их социальной средой.

М. О. Ауэзов писал по этому поводу: «Предстояло за конкретными фактами, по-разному истолкованными современниками, увидеть и понять истинную сущность, движущие силы исторического процесса. И здесь социальное обоснование поступков людей, о которых я писал, приобретало особое значение, определяя и их психологический облик»⁷⁷.

⁷⁶ Архив ЛММА, папка № 29.

⁷⁷ М. Ауэзов. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». В кн.: М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 360.

Во второй книге эпопеи большое значение придается появлению образов «людей нового, неведомого прежней степи склада», отражавших прогрессивные общественные устремления своего времени. Через судьбу этих персонажей автор стремится показать важные сдвиги в историческом развитии народа. Здесь наряду с вымышленными персонажами — Дарменом, Даркембаем и др. — большое значение имеют образы Абдрахмана, сына Абая, и Базаралы, прототипами которых были подлинные исторические личности. Так, в отношении последнего было известно, что он побывал в сибирской ссылке и, судя по его дальнейшим действиям, автор имел все основания предположить, что он вернулся оттуда «политически зрелым человеком». В эпопее воспроизведены новые формы классовой борьбы в степи, активные проявления народного возмущения, во главе которых стоял Базаралы. Кто же был его историческим прототипом и каким образом М. О. Ауэзов трансформировал, дополнял и перерабатывал данные связанных с ним источников?

По воспоминаниям современников, Базаралы, сын Каумена, из рода жигитек — реальное лицо. Уже описание его внешнего облика показывает, что это был видный человек.

«Базаралы — дәл Кенесары сықылды, бірақ өте сұлу, тентекбас қалжыңқой»⁷⁸.

«Базаралы был похож на Кенесары (сын Базаралы. — Л. А.), но очень красивый, шутник, озорник».

Ермуса также отмечал: «Базаралы биік сулу, тік сойлы»⁷⁹.

«Базаралы высокий, стройный, красивый».

По данным Мадияра: «Базаралы Ысқақ болыс болған кез ед деді. Он шақты жылқы үшін айдалған Тобыл губернасына барып 10 жылдан соң келген»⁸⁰.

«Когда волостным был Искак, Базаралы из-за десяти лошадей (очевидно, угона. — Л. А.) сослали в Тобольскую губернию, откуда он вернулся через 10 лет...»

По свидетельству Алимбета: «Базаралы 15 жыл ай-

⁷⁸ Архив ЛММА, папка № 29, л. 144 об.

⁷⁹ Там же, папка № 29, л. 132.

⁸⁰ Там же, папка № 29, л. 149.

дауда болған. 52—50 шамасында келді. Сақалды күзеп тастаған екен»⁸¹.

«Базаралы пробыл в ссылке 15 лет, вернулся, когда ему было около 50—52 лет, бороду остриг».

Исходя из этих отрывочных сведений М. О. Ауэзов подробно воссоздает историю Базаралы в первой книге романа: несправедливое обвинение его в связи с делом Оралбая, ссылка, которую сумели добиться кунанбаевцы, стоявшие у власти в племени, и пр. Именно о таких, по крупницам собранных сведениях писал автор, рассказывая о работе над эпопеей: «Отрывочные данные, которые мне удалось собрать о тех или иных событиях, в каждом отдельном случае нужно было дорабатывать, изображая возможные, допустимые для той эпохи и среды ситуации»⁸².

В воссоздании характера Базаралы, его индивидуальных черт большое значение имели отдельные воспоминания, сохранившиеся о нем в памяти народа. О его остром, насмешливом уме, находчивости, так привлекавших к нему Абая, говорят, например, записи, органически вошедшие и в художественную ткань повествования.

«Бесбесбайдың әйелі Балбала. Соның қыз кезінде Базаралы қатты ойнасы. Торғайлар қамап барып, байлап алып, өгізге мінгізіп әкеліпті. Майбасар қалжақтап: «Саған азғана торғай қылды-ау, Базым-ай дейді. Сонда Базаралы іле жауап береді: «Ай, Майым-ай, ол торғай қырғи болып шықты ғой, екеуіміздің біріміздің басымызға мініп, біріміздің көтімізге шоқайды ғой» деп тоқтатып кетіпті»⁸³.

«Балбала, жена Бесбесбая. Между ней и Базаралы, когда она не была замужем, были близкие отношения. Торгаи его окружили, связали, посадили на быка и привезли. Майбасар [сказал] ему, насмехаясь: «Мой Базаралы, тебе отомстили маленькие торгаи (букв. воробьи.— Л. А.)». Тогда Базаралы, посмотрев на него, ответил: «Ай, мой Майбасар, этот торгай [т. е. воробей] оказался подобен соколу, мне на голову сел, а тебе зад выклевал», — и этим заставил замолчать».

В романе рассказ об избиении Базаралы торгаями,

⁸¹ Там же, л. 132.

⁸² М. Ауэзов. Абай Кунанбаев, стр. 360.

⁸³ Архив ЛММА, папка № 29, л. 149.

родственниками жениха девушки Балбалы, М. О. Ауэзов также заканчивает насмешливыми вопросами Майбасара о подробностях избияния Базаралы, которого Майбасар, изображая сочувствие, хотел унизить перед гостями Абая и особенно перед красавицей Нурганым, младшей женой Кунанбая.

«Покосившись на жигита прищуренным глазом и пренебрежительно усмехнувшись, Майбасар продолжал с явным злорадством:

— И по лицу тебя плеткой съездили, Базым? Сбесился этот торгай, что ли? Ну и наглый воробей: на такую голову сел!

Базаралы, подавленный и сдержанный, вдруг вспыхнул и сверкнул глазами.

— А для тебя новость, что торгай из воробья соколом стал? Не ты ли сам помог ему обнаглеть? Ты же первый посадил его на свой зад! Ну, конечно, сокол, сперва тебе зад исклевал, а потом и мне на голову взлетел!

Отомстив обидчику, Базаралы зло расхохотался. Остальные подхватили его смех: все помнили, как несколько лет назад Майбасар был позорно выпорот теми же «бес-каска» — Манасом и его братьями (торгаями. — Л. А.). Майбасар только буркнул себе под нос, совсем смутившись:

— Ох, проклятый, чтоб твоему языку угли горячие лизать...

Абай, довольный находчивостью друга, поддержал Базаралы.

— Молодец, Базеке! — сквозь смех воскликнул он. — Тебя с твоим острым языком не только плеткой, и пулей не сразить!»⁸⁴

Для того, чтобы вскрыть социальную сущность своих героев, М. О. Ауэзов использовал также характеристики, дававшиеся им в свое время и представителями враждебного класса.

Так, в памяти народа сохранилось следующее суждение Жиренше:

«Базаралының бағын ұрлық пен ойнас қайырды дейді Жиренше»⁸⁵.

⁸⁴ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 474.

⁸⁵ Архив ЛММА, папка № 29, л. 149.

«Базаралы погубили его воровство и озорство».

Высказывания о Базаралы не только расположены к нему людей, но и его врагов писатель использовал для всестороннего раскрытия образа своего героя. Вот отрывок из романа, явно говорящий об этом: «Богатырски сложенный, красивый Базаралы, смелый и острый на язык, превосходный певец, считался у старейшин «неугомонным забиякой»... «Конь, отбившийся от табуна, — говорили о нем старики. — Слова его пусты, хотя едки и язвительны...»⁸⁶

В другом случае автор говорит о том, что Базаралы был гордым и самолюбивым, с необыкновенно красивым лицом, большими выразительными глазами, богатырского сложения. С невольной завистью и восхищением говорит о нем и Кунанбай: «Удивительный он, этот Базаралы! Красив и умен, как ни один жигит в нашем крае! Только думы его — недуг его...»

Со всей страстью своей смелой натуры Базаралы отдается классовой борьбе, но при этом остается человеком своей эпохи, связанным с ней всеми корнями.

Таким образом, конкретно-историческое изображение героя помогало писателю избежать схематизма и модернизации в его художественном воплощении. Базаралы не выступает в романе как носитель определенной идеи, а органически сочетает в себе историческую типичность с ярко выраженной индивидуальностью, его образ отличается пластичностью, жизненностью. Наделенный лучшими чертами, присущими народу, он является одной из главных фигур, представляющих в романе художественно обобщенный образ народа. Это человек с твердым характером, сильный духом, самоотверженно вступающий в борьбу за интересы народа. В концепции образа Базаралы, а также и других персонажей романа, в том числе Абая, выражавших прогрессивные тенденции своего времени, проявилось стремление автора показать в полном соответствии с историей казахов второй половины XIX века специфику национального характера в его движении к будущему.

Одним из выразителей прогрессивных тенденций в романе является сын Абая Абдрахман. Это тоже реальное историческое лицо. В воссоздании его образа наря-

⁸⁶ М. А у э з о в. Абай, кн. 1, стр. 312.

ду с воспоминаниями современников и потомков Абая М. О. Ауэзов использовал и подлинные документы, связанные с пребыванием Абдрахмана в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. Личное дело юнкера указанного училища Абдрахмана Ускенбаева, обнаруженное академиком А. Маргуланом в архиве Центрального Артиллерийского музея в Ленинграде, было передано ученым в 1948 г. Мужтару Омархановичу и сохранилось в его личном архиве.

Эти ранее неопубликованные материалы содержат точные данные биографии Абдрахмана, дают возможность составить общее представление о его характере, отношении к учебе, круге знакомых.

Абдрахман родился в декабре 1869 г., начальное образование получил в Семипалатинском городском, а затем в Александровском Тюменском реальном училищах.

В августе 1889 г. он приехал в Петербург с намерением поступить в Политехнический институт. Однако из-за слабой подготовки по специальным предметам он попал лишь в Михайловское артиллерийское училище. При одной из аттестаций юнкера Ускенбаева в училище отмечалось, что он «характера доброго, открытого, настойчивого, очень любим товарищами»⁸⁷.

В другом случае, также при аттестации, ему дается более подробная характеристика: «Характера довольно ровного, добродушного и самостоятельного. Развитие и умственные способности хорошие. К службе относился в высшей степени добросовестно и принятые порядки, предъявляемые требования и приличия всегда старался соблюдать. С товарищами жил дружно, а с некоторыми даже очень близко сошелся. Благодаря своему некрепкому сложению и двукратным вследствие этого отпускам он немного отстал по строю от товарищей, но при его добросовестном отношении к службе он сумеет вознаградить упущенное и будет исправным офицером»⁸⁸.

Под особым контролем в училище был круг знакомых и посетителей юнкеров. В отношении Абдрахмана Ускенбаева в его личном деле отмечалось следующее: «Знакомство его составляют полковник Гвали-хан и

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 310, д. 945, л. 36 об.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 310, д. 947, л. 29 об.

бывшие товарищи по Тюменскому реальному училищу. Посетители: студент-юрист и восточник Саматов, студент Букенталов, студент Иванов»⁸⁹.

Личное дело Абдрахмана дает представление об истории его болезни и ходе его лечения в период обучения в училище. Еще при поступлении в училище отмечалось его слабое здоровье. В 1889 г. он заболевает туберкулезом и почти всю зиму проводит в лазарете. После безрезультатного лечения кумысом в Оренбургской степи и на родине Абдрахман, получив денежное пособие, был отправлен в Одесский военный госпиталь, а оттуда в Абастуман на Кавказ⁹⁰.

Однако, несмотря на тяжелое заболевание и значительные пропуски в учебе, А. Ускенбаев успешно заканчивает в 1892 г. училище, получает звание подпоручика и назначение на службу в Ташкентскую крепостную артиллерию. В дальнейшем, проходя службу в г. Верном, Абдрахман готовится к поступлению в Артиллерийскую академию, но ранняя смерть от туберкулеза помешала осуществлению его планов.

Все эти факты, как известно, нашли отражение в эпосе и были использованы автором, чтобы убедительно показать, как русское образование, поездки, связанные с лечением и службой, расширили кругозор Абиша, не прошли бесследно для его пытливого ума.

Художественно домысливая эти скудные сведения, М. О. Ауэзов сумел извлечь из них материал, помогающий глубже раскрыть идейное значение образа Абдрахмана, о котором он писал: «Я упоминаю в романе об осведомленности Абиша относительно Морозовской стачки, крестьянского движения в России, хотя сведений об этом у меня нет. Я считаю, что просвещенный и передовой молодой человек того времени мог иметь определенное отношение к этим событиям, а вернувшись в степь, рассказать об этом отцу»⁹¹.

Из личного дела Абдрахмана известно, что у него были друзья среди петербургских студентов, он знал о демократических взглядах отца и был связан через него с политическими ссыльными в Семипалатинске,

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Архив Артил. исторического музея, ф. ГАУ, I отд., III стол, ед. хр. 664, лл. 3, 4.

⁹¹ М. Ауэзов, Абай Кунанбаев, стр. 363.

поэтому, естественно, он мог интересоваться движением народолюбцев, занимавшим в 80-е годы XIX века важное место в общественной жизни страны.

Все эти факты биографии Абиша, отраженные в романе, делают вполне закономерными его высказывания о русской культуре, ее благотворном влиянии на казахское общество, которые М. О. Ауэзов вкладывает в его уста: «Да, и этот аул (т. е. аул Абая.— Л. А.), и я сам, мы говорим: «Правда — у русских, Кааба — у русских». И говорим верно. Но у каких русских? Не у Казанцева и Никифорова, не у губернатора и урядников, а у других русских. У тех, кто хочет помочь нашему отсталому, несчастному народу... Кто принесет в нашу невежественную степь просвещение, знания... И сами мы тоже должны помогать народу понять, кто у него друзья и кто враги. Надо говорить ему правду о темных силах степи...»⁹²

Таким образом, здесь авторский домысел идет в русле его концепции истории, что придает эпосе особую идейную четкость и целостность.

В последней книге романа большое внимание уделяется другому сыну Абая — поэту Магавье, который хотя и не мог получить образования в городе из-за слабого здоровья, но под влиянием просветительской деятельности Абая стал достаточно образованным для своего времени человеком.

Из биографии Магавьи известно, что он создал ряд своих поэтических произведений на темы, предложенные ему Абаем. Этот момент отражен в воспоминаниях Архама Исакова, использованных М. О. Ауэзовым при работе над романом ⁹³.

Высокие надежды, связанные с Магавьей, его гибель, горе Абая, о котором с такой большой впечатляющей силой сказано в эпосе, автор воспроизвел, основываясь на воспоминаниях Архама:

«Қысыр сауған жылы жазғытұрым Мағаш ауру болды. Мартта Абай Мағаштың қасында болам деп, Ақшоқыға кетіп қалды. Майдың 12-де Мағаш өлді. Өлгенде өзі Мағаштың қасында болды. Жылап бардық, Дәулеткелді, жылап келгенде:

⁹² М. Ауэзов. Абай, кн. 2, стр. 305.

⁹³ Архив ЛММА, папка № 29.

«Ойбай-ай бергішім-ай, жомартым-ай»,— дегенде, Абай: «Келе ғой алғышым-ай, қайт дейсің-ай!» деп көптің үсті болса да жаңағыны айтады. Мағаштың өлімі ерлік пен ездікті сынайтын өлім ғой. Ез күнде өледі, ер бір күнде, өледі — деген»⁹⁴.

«В том году, когда зимой доили кобылиц, Магаш заболел. В марте Абай, сказав, что будет около Магаша, уезжает в Акшоқы. 12 мая Магаш умер. Когда Магаш умер, он [Абай] был около него. Все плакали. Даулеткельды вошел с плачем: «О мой щедрый!» Абай: «Подойди, любивший получать (пользовавшийся его щедростью), что же поделаешь»,— так перед всеми высказался. Он сказал: «Смерть Магаша является мерилом, определяющим мужество и никчемность. Никчемный человек каждый день умирает, а мужчина (мужественный человек) — однажды».

Эти воспоминания о скорби Абая и всех, знавших Магавью, а также данные о последних днях Абая, особенно хорошо сохранившиеся в памяти народа, были использованы М. О. Ауэзовым для воспроизведения наиболее волнующих страниц последней книги эпопеи, где безысходное горе Абая, отвергнувшего лечение и уходящего из жизни, сливается со страданиями народа, гибнущего от разорения, связанного с невиданным джутом.

К воспоминаниям очевидцев обращается писатель и при воссоздании образов других персонажей, составлявших окружение Абая. Он тщательно записывал рассказы об их внешности, отличительных свойствах характера, фиксировал основные даты жизни, отмечал очередность их ухода из нее.

Характерными образцами подобного рода записей могут служить следующие отрывки:

«Жиришенің сақалы үлкен, беті, көзі, мұрны томпағырақ Қалжыңбас, күлегеш, аузы тоқтамайтын»⁹⁵.

«У Жиренше длинная борода, выдвинутое вперед лицо, выпуклые глаза и выдающийся вперед нос. Он насмешливый, хохотун, любил безостановочно говорить».

«Байсал 59 да өлген, 75 жылдар шамасында өлген.

⁹⁴ Там же, л. 195.

⁹⁵ Архив ЛММА, папка № 29, л. 133.

Байсал арам кісі емес еді. Қара күрең, қара торы жіңішке сұлу кісі еді»⁹⁶.

«Байсал умер 59 лет, приблизительно в 75-м году. Он был неплохим человеком, красивым, смуглым, небольшого роста».

«Байдалы Байсалда бұрын өлген. Сүйіндік те Бейден кейін өлген»⁹⁷.

«Байдалы умер раньше Байсала. Суюндик тоже умер позже Божея».

«Қаратай қатты семіз болған, бұғалы түсіп тұрады екен. 1875—76 жылдарда Қаратай өлген»⁹⁸.

«Қаратай очень полный, свисает двойной подбородок. Каратай умер в 1875 или 1876 г.»

М. О. Ауэзов использовал в романе и меткие народные характеристики царских чиновников:

«Сұлу майыр, семіз майыр, піскен бас майыр, сақалды майыр, қазақ майыр, айғыр майыр, қаражақ майыр»⁹⁹.

«Красивый майор, полный майор, майор — вареная голова, бородатый майор, казах-майор (т. е. оказавшийся. — Л. А.), майор-жеребец, чернощечий майор».

Таким образом, большинство персонажей романа имело своих жизненных прототипов, но автор располагал о них крайне незначительными сведениями, сводившимися главным образом к упоминанию их имен, описанию внешнего облика, скупым определениям социального положения, некоторым датам жизни.

Опираясь на эти факты, писатель силой своего воображения создал глубоко индивидуальные образы с четко выраженной социальной принадлежностью, со своими чертами характера, психологическими особенностями, показанными в закономерном развитии. Большая историческая правда в их обрисовке и типизации представляет эти персонажи во всем многообразии и неповторимости их облика, делает их далекими от схематизма бесплотных носителей лишь социальных признаков.

Таким образом, полное и разностороннее изображение в романе эпохи Абая во многом было обусловлено

⁹⁶ Там же, л. 149 об.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, л. 116.

созданием целой галереи живых, правдивых, полнокровных образов ее типичных представителей.

Исторической достоверности эпопеи «Путь Абая», выразившейся в глубоком и точном понимании социальной действительности времени Абая, поэтическому ее воссозданию во многом способствовало и само творчество поэта, оно явилось одним из важных источников эпопеи.

Надо сказать, что этот вопрос по своей сложности и глубине должен быть предметом самостоятельного исследования. Начало ему уже положено в разделе монографии Е. В. Лизуновой «Современный казахский роман» — «Поэзия Абая — «главный документ» романа-эпопеи». Автору, впервые поднимающему этот вопрос, удалось на конкретном сопоставлении поэзии Абая и текста эпопеи показать, что М. О. Ауэзов почти во всем объеме представил в эпопее творчество Абая и по своему содержанию, касающемуся его эпохи, и в воссоздании ведущих художественных образов. Особенно интересно исследование Е. В. Лизуновой в той части, где ею проанализировано использование поэзии Абая в изображении творческой психологии поэта, эволюции поэтического таланта.

Проделанный нами анализ эпопеи также показывает, что в ней получило полное и разностороннее художественное раскрытие большое количество тех новых тем, которые Абай Кунанбаев впервые ввел в свою поэзию, широко и всеобъемлюще воспроизведя все социальные слои современного ему казахского общества, вскрыв его состояние в социальной, экономической, правовой, семейной и культурной сферах.

Выделяя, как большой художник, в окружающей жизни типические явления, Абай всю силу своего таланта направляет прежде всего на гневное обличение социального зла, всех пороков общественной жизни, подвергает справедливому осуждению отсталые условия быта, невежество, косность, поддерживающие дикие обычаи прошлого.

С большой остротой и резкостью Абай говорит о тяжелых для народа последствиях непрекращающейся родовой вражды, вызванной раздорами феодалов чаще всего в борьбе за выгодные должности волостных управителей или биев.

Разорен мой родной народ,
Расколот, разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон ¹⁰⁰.

Абай высмеивает волостных управителей в целом ряде сатирических стихов, вскрывающих антинародную сущность, продажность, стяжательство этих покорных ставленников царизма.

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья вздохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь ¹⁰¹.

Можно легко проследить тесную связь между этими строками из стихов Абая со сценой величайшего раболепия волостных управителей перед генерал-губернатором, прибывшим на Карамолинский чрезвычайный съезд, воспроизведенной М. О. Ауэзовым в эпопее «Путь Абая».

В стихотворениях «Кулембаю», «Управитель начальству рад», «Кожекбаю», «Жылуы жоқ бойының» («В тебе нет теплоты»), посвященном управителю Мукурской волости Дутбаю, «Вот я стал волостным» и др. отражены многие общие черты, присущие этим послушным слугам колониальных властей, их интриги, подкупы, взяточничество, кляузы на противников в период борьбы за избрание на должность, дикие злоупотребления властью, стяжательство, насилия и произвол по отношению к народу, лавирование между разными феодальными группировками, угодничество перед царскими чиновниками, особенно в связи с предстоящими выборами.

Так, в стихотворении «Кулембаю» Абай высмеивает волостного управителя, вскрывая все его темные дела от самого избрания, которого он достиг с помощью взяток и интриг, до угрозы предстоящего смещения с должности и предания суду за чрезмерные злоупотребления властью и насилия:

¹⁰⁰ А б а й К у н а н б а е в. Избранное. Алма-Ата, 1958, стр. 224.

¹⁰¹ Т а м ж е, стр. 36.

Подсчитай проступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос!..
Лучше всякую бросить власть,
Покуда еще не пришлось
За решетку тебе попасть¹⁰².

В стихотворении, посвященном Дутбаю, Абай с большой разоблачительной силой говорит о вероломстве, лицемерии волостного, преследующего свои цели:

Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро...¹⁰³

Меткими абаевскими характеристиками волостных управителей, так точно подмеченными в жизни и типизированными в его острых сатирических стихах, как бы пронизаны образы волостных в эпопее «Путь Абая» — реальных современников поэта: Кунту, Такежана, Жиренше, Майбасара и др.

Выше отмечалось, что в эпопее показано усиление байства, быстро приспособившегося к новым экономическим условиям, связанным с разложением патриархально-феодальных и проникновением капиталистических отношений. Такого нового бая, занимающегося товарным скотоводством и применяющего новые способы эксплуатации, воспроизводит Абай в стихах «Бай не пожалеет бедняка», «Баи живут, охраняя накопленные богатства», «Как без труда в руках народ держать» и др.

В стихотворении «Зверееет бай, скудеет край» А. Кунанбаев с ненавистью говорит о бае — волостном управителе, как смертельном враге народа, угнетающем и преследующем его:

Правитель тут
Презренный плут,
Народ обирает свой...
Он каждый шаг
Его сторожит везде...¹⁰⁴

Особенно сильно звучит разоблачение хищнического отношения бая к бедняку, нещадно эксплуатируемо-

¹⁰² Там же, стр. 94.

¹⁰³ Там же, стр. 237.

¹⁰⁴ Там же, стр. 124—125.

му всей байской семьей, в стихотворении «Ноябрь — преддверие зимы». Бай, оберегая выпасы, продолжает оставаться на осенних пастбищах, не торопится на зимовку.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану,
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.
И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло...
Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род...
Бай не поможет бедняку, зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди: длинна у бая плеть.
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть ¹⁰⁵.

Глубоко волнующее, реалистически точное описание социальных контрастов дореволюционного аула, данное Абаем в этом и других подобных стихотворениях, было, безусловно, принято во внимание М. О. Ауэзовым при воссоздании в романе быта степных воротил, в частности Такежана, в сопоставлении с крайней нищетой, бедственным положением его одноаульцев.

Выступая против социальной несправедливости, Абай разоблачает все слои господствующего класса от волостных управителей, баев, хищнически грабивших народ, до мулл, ревнителей косности и невежества, не менее лицемерных стяжателей народного достояния, чем другие представители господствующего класса («Глядит, но что же видит он»), и др.

Решающую роль в воспроизведении в эпопее просветительской деятельности Абая помимо достоверных фактов его биографии, воспоминаний современников сыграло и само творческое наследие Абая, в котором выражены его взгляды просветителя и демократа.

Выступая против жестокости и угнетения народа, социального зла в целом, против отсталых форм хозяйствования, реакционных норм шариата, закреплявших угнетенное положение женщины в семье, Абай призы-

¹⁰⁵ Там же, стр. 85.

вал народ к овладению знаниями, более передовыми формами хозяйства (ремесло, земледелие).

Выше отмечалось отражение названных проблем, поднятых Абаем в своем творчестве, в тексте романа «Путь Абая».

Многие раздумья поэта о путях улучшения жизни народа связаны с его надеждой на просвещение. В стихотворении «В интернате» Абай с удовлетворением отмечает:

Да! Сегодня в интернате
Много наших сыновей.

В эпопею широко использованы и мысли Абая о просвещении, выраженные в его прозаических наизданиях. Так, в 33-м слове он призывает молодежь к просвещению, говоря: «Стремись к знаниям, стремись к ним страстно»¹⁰⁶.

В 42-м слове он развивает эту свою заветную мечту: «Надо взять детей у родителей, отдать их в школы, научить одних одной специальности, других — другой. Надо создать школы, надо, чтобы учились все, даже девушки»¹⁰⁷.

Высмеивая тех, кто не стремится к знанию, а изучает русский язык, думая лишь о корыстных целях, о продвижении по службе в колониальном аппарате, Абай Кунанбаев с горечью говорит:

О, невежды! Что для вас
Салтыков или Толстой?
Вам бы только в адвокаты,
Лев Толстой — вам звук пустой!¹⁰⁸

В этой связи интересно сопоставить названные стихи с материалами второй книги эпопеи, где Абай показан, как отмечалось выше, опекающим казахских мальчиков, обучающихся в русских школах Семипалатинска.

Известно, что в конце XIX века в русские школы стали отдавать своих детей и представители господствующего класса. Это также отражено в романе. Дети Азимбая и Какитая учатся в гимназии г. Семипалатинска.

¹⁰⁶ Там же, стр. 316.

¹⁰⁷ Там же, стр. 326.

¹⁰⁸ Там же, стр. 66.

тинска. Абай с тревогой думает о них. Они — Кунанбаевы, как бы из них не выросли «чванливые степные баре, хозяева драчливых и задиристых богатых аулов. Станут бедой для народа».

Исходя из творчества Абая и роли поэта в жизни казахского народа, в гуще которого он всегда находился, М. О. Ауэзов создает образ просветителя, имевшего влияние на народ прежде всего через свои стихи, близкие и понятные поэтической душе казаха.

С другой стороны, опираясь на содержание самой абаевской поэзии, с такой полнотой отразившей все противоречия его времени, М. О. Ауэзов стремился не только воссоздать образ поэта, мыслителя, борца, но и отразить в нем народную идеологию, народный талант, его развивающийся исторический характер, саму судьбу народа в этот переломный момент в истории Казахстана.

Произведения Абая зрелых лет полны горьких и тревожных раздумий о тяжелой доле угнетенного, бесправного, отсталого народа.

В монологах-раздумьях поэта о судьбе народа в эпосе явственно звучат мотивы известного стихотворения Абая:

О, казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет...
Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В униженье, в страхе ты будешь всегда ¹⁰⁹.

Используя поэзию Абая как важнейший первоисточник в воссоздании образов его современников, М. О. Ауэзов в первую очередь художественно раскрыл поэтические характеристики и оценки, данные Абаем реально существовавшим личностям, которые стали героями творений поэта.

Это прежде всего относится к его сыновьям Абдрахману и Магавье. М. О. Ауэзов писал, что «Абиш — воплощение всего нового — даже в сравнении с самим Абаем»¹¹⁰. Такую же характеристику Абдрахману дает

¹⁰⁹ Там же, стр. 48.

¹¹⁰ Архив ЛИММА, папка № 394, л. 18.

и сам Абай в стихах, вызванных болезнью и преждевременной смертью сына, оборвавшей все высокие надежды, которые возлагал Абай на этого одаренного, образованного, передового молодого человека :

Знали мудрые, что нет
Лучше юноши у нас...
Он без устали всегда
Был в науку погружен.
Все постигнув, лишь тогда
Успокаивался он...
Жизнь его кратка совсем,
Все же светом залита.
Озарял он светом тем
И родимые места...
Он был вестник новых лет —
Старый век кончаю я.
Не сбылись надежды, нет!
Участь горестна моя.
Как мне смерть твою постичь!
Жить в отчаяньи таком!
По глазам хлестнул мне бич,
Все шатается кругом!¹¹¹

Безысходное, глубокое горе Абая, его страдания, его тоска по Абишу, в котором Абай, как это воспроизведено в романе, видел «человека будущего, носителя и поборника всего передового, своего духовного наследника», целиком построены на подлинных переживаниях Абая, с такой силой выраженных в его поэзии.

В воссоздании образа Оспана, живой, яркой и самобытной фигуры, также использованы характеристики, данные ему Абаем. При всех недостатках Оспана, связанных с его необузданной натурой, Абай все же отмечал в нем душевную доброту, прямоту, щедрость.

Наряду с конкретными историческими личностями, которым Абай посвящал свои стихи, высмеивая их пороки, такими, как Кулембай, Кожекбай, Дутбай и др., в его поэзии присутствует много безымянных представителей народа — табунщиков, пастухов, земледельцев, ремесленников. Как верно заметила литературовед Е. Лизунова, М. О. Ауэзов наделил характерными чертами абаевских образов «многих из созданных им вы-

¹¹¹ Абай Кунанбаев. Избранное, стр. 189.

мышленных персонажей, носителей типических черт своего класса, своей эпохи»¹¹².

Выступая обличителем морали господствующего класса, отсталых норм жизни, Абай противопоставлял им новую мораль, воспитывающую любовь к знаниям, труду, стремление к свободе, к улучшению жизни народа.

Само собой разумеется, что высказывания поэта, его раздумья-монологи, отражающие внутренний мир прогрессивного мыслителя, раскрытие формирования его как поэта, психологии его творчества, истории рождения его отдельных произведений — все это также основывается на поэтическом творчестве Абая, послужившем для М. О. Ауэзова главным источником в создании образа великого казахского поэта.

Таким образом, все черты духовного облика Абая в эпопее имеют свои основы в самой его поэзии, порожденной противоречивой исторической действительностью, в которой жил и творил поэт. Отсюда и противоречия в творчестве Абая, диалектика развития его образа, величие поэта, так образно и точно определенное, например, в следующем высказывании виднейшего советского писателя Леонида Леонова: «Нужно поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о делах, видных с поднебесной высоты, и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетие назад... Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа»¹¹³.

Используя в романе-эпопее «Путь Абая» факты действительности, обобщенные Абаем в его творчестве, М. О. Ауэзов в своей работе над образом поэта стремился наиболее мотивированно и правдиво воспроизвести психологию его творчества, отыскать жизненные истоки его поэзии. В тезисах к лекции «Об Абае» и «Путь Абая» М. О. Ауэзов писал: «Как во всей книге, так и в каждой главе опять даются жизненные, реалистиче-

¹¹² Е. Лизунова. Современный казахский роман. Алма-Ата, 1964, стр. 305.

¹¹³ «Русские о казахской литературе». Алма-Ата, 1957, стр. 87—88.

ские основы, жизненные истоки его творчества». Далее писатель говорил, что эти жизненные предпосылки распадаются на «факты: 1) строго личные, интимные, 2) на семейные, 3) на общественные, 4) на народные, иначе исторические события. Часто они даются в переплетении, как и должно быть в любом произведении или реалистическом романе»¹¹⁴.

Среди жизненных истоков поэзии Абая, как отмечает М. О. Ауэзов, «есть биографически точные и дополненные воображением»¹¹⁵.

В романе можно проследить воссоздание авторской фантазией тех жизненных обстоятельств, которые способствовали рождению определенных стихов Абая. Так, в первой книге романа всей логикой развития событий, пройдя через личные страдания, Абай оказывается психологически подготовленным к выступлению против «степных, волчьих законов».

Находясь в гуще народной жизни, будучи свидетелем бедствий народа, особенно жатаков, преследуемых баями, безжалостно губящими плоды их трудов, Абай становится на сторону народа. Отсюда рождение стихов «о зле волостных, чиновников, баев, о страдании бедноты». На жизненно убедительном материале показано рождение песни «протеста социального, песни осуждения, борьбы»¹¹⁶.

Любовь Абая к Тогжан, а впоследствии к ее двойнику — певице Айгерим, вдохновила его на создание самых задушевных лирических стихов.

Особенно убедительно, на наш взгляд, М. О. Ауэзов отображает связь художника с действительностью, рисуя творческое отношение Абая к наследию А. С. Пушкина. «Моей целью в романе была не простая иллюстрация деятельности Абая-поэта, но раскрытие общественно-исторических, философских, жизненных основ его творчества. Особый интерес в этом смысле для меня представляло обращение Абая к наследию Пушкина».

В главе «На вершине» Абай читает «Евгения Онегина» и, созерцая степную природу глазами человека, испытавшего много бед и несчастий, близко столкнув-

¹¹⁴ Архив ЛММА, папка № 394, л. 10.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, л. 14.

шегося с горькой долей казахской женщины, видит в образе пушкинской героини не только Татьяну Ларину, но и общечеловеческий идеал женщины. «Душевная исповедь Татьяны зазвучала для него голосами близких ему людей. Перед его взором возникают образы Тогжан, Айгерим, Салтанат, Салихи. И он не только воспроизводит Пушкина на казахском языке в своем переводе письма Татьяны, но воплощает в нем и свои переживания, переживания своих соотечественников»¹¹⁷.

Однако необходимо оговориться, что, хотя большинство действующих лиц эпопеи и имеет своих жизненных прототипов, тем не менее каждое из них благодаря типизации, творческому воплощению автором обобщает в себе многие черты, присущие представителям его класса, а не является лишь носителем известных по историческим источникам качеств прообраза.

Нам думается, что М. О. Ауэзов сумел наделить такими достоверными, жизненными чертами представителей, скажем, господствующего класса с их жестокостью, алчностью, корыстолюбием, показанными с исключительной убедительностью и точным отражением духа эпохи, благодаря и личным наблюдениям, ибо детство и юность автора прошли в казахском дореволюционном ауле.

Но не только эти личные впечатления помогали М. О. Ауэзову так развить в себе чувство истории, что он ощущал целостную и полную картину далекой исторической эпохи во всей ее конкретности и объемности. Большое значение здесь кроме его художественного дарования, несомненно, имел и тот огромный взыскательный труд, которым он занимался много лет на подступах к эпопее и в период ее создания, изучая историю, этнографию, экономику, обычное право дореволюционного Казахстана.

Историческая конкретность и достоверность изображаемой эпохи являются важнейшим критерием при рассмотрении исторического романа, так как от этого в прямой зависимости находится художественная трактовка образов и исторических героев, и вымышленных персонажей. На эту важнейшую особенность исторического романа не раз обращала внимание литературная

¹¹⁷ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев, стр. 367.

критика. Так, Н. Асеев в рецензии на роман Ю. Тынянова «Кюхля» отмечал: «Восстановленный по письмам, дневникам, архивным документам быт эпохи дает необходимую реальную ткань романа, на которой только и может ожить судьба ее персонажей. Эта ткань узаконивает личную судьбу героев, оживляет их речь, восстанавливает их жест, превращает их из «исторических личностей» в живых людей, облеченных плотью и кровью, дорогих и близких нам. Она, эта ткань, приближает к нам этих людей, бывших до сих пор далекими от нашего внимания, вплотную перенося их живые черты, их страдания и восторги к нашим близоруким глазам»¹¹⁸.

Обладая широкими и разносторонними знаниями об эпохе и будучи вооруженным марксистско-ленинским учением о закономерностях развития общества, М. О. Ауэзов сумел в эпическом повествовании о жизненной и творческой судьбе выдающегося деятеля казахской культуры Абая Кунанбаева, его окружения и жизни народа в целом необычайно сильно и полно обобщить и типизировать прогрессивные тенденции в полувековой истории казахского общества второй половины XIX века. Приведенные выше отдельные примеры убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют, что стремление к максимальной исторической точности и достоверности в воссоздании рассматриваемой эпохи не только не ограничивало творческую фантазию автора, а, наоборот, придавало ей особую жизненность, поскольку она была органично связана с верно истолкованной исторической действительностью.

М. О. Ауэзов говорил, что считал своей задачей наиболее полно показать вехи пути Абая, «воплотившего в себе передовое, исторически-прогрессивное начало жизни казахского народа в последней четверти XIX века»¹¹⁹.

Таким образом, объединив все сферы народного бытия во всех его связях и противоречиях целостной концепцией истории казахов второй половины XIX века, М. О. Ауэзов показывает перспективу дальнейшего развития народа. В этом и проявляется сам метод со-

¹¹⁸ Цитир. по кн.: М. С. Петров. Советский исторический роман. М., стр. 469.

¹¹⁹ М. Ауэзов. Указ. статья. «Вопросы литературы», 1959, стр. 104.

циалистического реализма — показ жизни в движении к будущему.

На эту основную особенность советских исторических романов обратил внимание и А. Фадеев, отметивший, что «советские исторические романисты утверждали в нашем сознании роль прогрессивных сил в историческом развитии нашего государства и показали лучшие передовые черты русского национального характера, как и других народов СССР»¹²⁰.

¹²⁰ «Литература и искусство», 1943, 16 октября.

РУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ —
ДРУЗЬЯ АБАЯ

Важную роль в духовном росте, формировании мировоззрения Абая сыграла его дружба с политическими ссыльными.

Достоверно известно, что у Абая установились многочисленные дружеские связи с ссыльным студентом Петербургского университета, шестидесятником Е. П. Михаэлисом, народолюбцами Н. Долгополовым, С. Гроссом, А. Блеком, П. Лобановским, А. Леонтьевым, Н. Коншиным. Все они отбывали ссылку в Семипалатинске.

Эти связи Абая нашли преломление в романе прежде всего в образах русских друзей его — Михайлова и Павлова. Их реальными историческими прототипами были Е. П. Михаэлис и Н. Долгополов, но М. О. Ауэзов, учитывая более широкие связи Абая с представителями русского революционно-демократического движения, делает эти образы собирательными. Для того чтобы с достаточной полнотой и исторической конкретностью судить о том, какое влияние политические ссыльные могли оказать на Абая в жизни, какие их черты нашел нужным обобщить и выделить М. О. Ауэзов, необходимо рассмотреть суть их революционно-демократической деятельности и того идейного и культурного багажа, с которым прибыли в Семипалатинск прототипы героев романа.

Надо сказать, что появление политических ссыльных в Казахстане связано с различными этапами истории революционного движения в России. Так, деятель-

ность Евгения Михаэлиса, первого политического ссыльного, с которым сблизился Абай Кунанбаев, была тесно связана с революционно-демократическим движением в России 60-х годов.

Евгений Петрович Михаэлис происходил из обедневшей дворянской семьи. В 1859 г. он поступает в Петербургский университет для изучения естественных наук. Обучение Михаэлиса в университете совпадает с периодом подъема революционно-демократического движения, временем возникновения первой революционной ситуации в России (1859—1861 гг.).

Крепостное право тормозило дальнейшее развитие экономики России; в стране назрел общий социально-политический кризис, усугубленный позорным поражением царизма в Крымской войне; царское правительство вынуждено было пойти на проведение реформы, освобождавшей крестьян от крепостной зависимости. Однако антинародный характер реформы, фактически не давшей крестьянству ни земли, ни действительной свободы, сразу же привел к еще большему обострению революционной ситуации в стране.

Исключительно широкий размах, который приняла крестьянская борьба за землю, явился основой для усиления деятельности революционной разночинной интеллигенции, разоблачавшей крепостнический характер реформы и выступавшей в защиту интересов крестьян.

«Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»¹.

Реформа была подвергнута уничтожающей критике представителями демократических сил страны на страницах легальной и нелегальной печати.

Массовые крестьянские волнения в ответ на провозглашение реформы привели революционно-демократические круги к убеждению, что уже недостаточно одной литературной агитации, нужно стать на путь сближения революционной интеллигенции с народом, нужно искать новые формы революционной пропаганды.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

Говоря о непримиримых классовых противоречиях в русском обществе, Н. Г. Чернышевский обосновал необходимость его революционного переустройства силами крестьянской революции, конечной целью которой являлось построение социализма на основе крестьянской общины. Но Н. Г. Чернышевский «был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»².

Эта агитация, представлявшая собой революционную программу освобождения страны от крепостничества, нашла благодатную почву в среде учащейся молодежи. Особенно активно включались в революционно-демократическое движение студенты университетов Петербурга, Москвы, Казани и Харькова.

Характерной особенностью студенческих волнений 60-х годов была тесная связь их с общим политическим движением в стране и распространением революционно-демократической пропаганды.

Не случайно такие революционеры-демократы, как Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, М. А. Антонович, М. Л. Михайлов и др., поддерживали самый непосредственный контакт с вожаками студентов Петербургского университета, приобщая передовую молодежь к революционно-демократическим идеям.

«Исключительно велик был авторитет Н. Г. Чернышевского среди студентов. Документально установлены его сношения с рядом влиятельных студенческих деятелей, его забота об организации помощи репрессированным участникам студенческих волнений»³.

В воспоминаниях П. Л. Лаврова, Л. Ф. Пантелеева неоднократно упоминается о прекрасной осведомленности Н. Г. Чернышевского о жизни студентов Петербургского университета этой поры. Л. Ф. Пантелеев говорит, что Чернышевский своими советами непосред-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

³ Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958.

ственно руководил ходом студенческих волнений в университете ⁴.

Один из ближайших сподвижников Н. Г. Чернышевского, активный участник революционного движения начала 60-х годов Н. В. Шелгунов отмечал исключительную роль Н. Г. Чернышевского в формировании мировоззрения передовой части студенчества: «Чернышевский и Добролюбов были пророками университетской молодежи, приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками. Чем крайнее и сильнее были статьи, тем они сильнее действовали на студентов» ⁵. К. Маркс и Ф. Энгельс также указывали, что «теоретиком этого движения был Чернышевский» ⁶.

Таким образом, Н. Г. Чернышевский и его соратники стремились к тому, чтобы направить передовую часть молодежи, объединенную в тайные кружки, на нужное дело, определить для нее цели борьбы.

Особый интерес при изучении этой эпохи русской истории М. О. Ауэзов проявлял, судя по кругу его чтения, к тем историческим личностям, которые сформировались как революционеры-демократы под непосредственным воздействием Н. Г. Чернышевского.

Его интересуют ближайшие сподвижники Н. Г. Чернышевского Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. Л. Михайлов, А. и Н. Серно-Соловьевичи и др., с которыми был связан Е. Михаэлис. Будучи близким человеком в семье Шелгуновых (Людмила Петровна Шелгунова, жена Н. В. Шелгунова, была родной сестрой Е. П. Михаэлиса) и живя в их доме в период обучения в университете, он оказался в самой гуще революционно-демократической борьбы того времени.

Как известно, деятели 60-х годов большое внимание уделяли агитации среди народа. Н. Г. Чернышевский и его единомышленники приняли решение «обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля. Крестьяне, солдаты, раскольники... здесь три страдающих группы.

⁴ «Литературное наследство», т. VII—VIII. М., 1933, стр. 115.

⁵ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М., 1923, стр. 36.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 596.

Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель»⁷.

Н. В. Шелгуновым были написаны прокламации «К солдатам» и «К молодому поколению». Последняя была отпечатана Герценом в Лондоне по инициативе друга Н. В. Шелгунова, поэта и общественного деятеля М. Л. Михайлова, им же доставлена в количестве 600 экземпляров в Петербург и распространена в сентябре 1861 г.

Политическое значение прокламации «К молодому поколению» было исключительно велико. Автор ее открыто и резко обличал царя, дворянство, говорил о неизбежности революции и горячо призывал молодое поколение к собиранию сил для борьбы, к сближению с народом. Она, несомненно, явилась важной составной частью той революционно-демократической пропаганды, которую возглавил и идейно вдохновил Н. Г. Чернышевский. Вся петербургская полиция была брошена на поиски революционных пропагандистов, но найти их не удавалось. Лишь предательство В. Костомарова, которому М. Михайлов доверил ее распространение в Москве, помогло III отделению напасть на след.

М. Л. Михайлов был арестован, он назвал себя автором и единственным распространителем прокламации⁸, скрыв от следствия своих помощников — Н. В. Шелгунова, Е. П. Михаэлиса, А. Серно-Соловьевича и Л. П. Шелгунову. Он пожертвовал собой, чтобы его ближайшие друзья и соратники оставались на свободе и могли продолжать революционную борьбу. Даже в своих воспоминаниях он не упоминает их. Об этой жертве Михайлова знал только очень узкий круг людей — Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарев, братья Серно-Соловьевичи⁹.

Действительная история этой прокламации оставалась тайной до тех пор, пока Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях, опубликованных в 1905 г., не рассказал о том, что «автором воззвания «К молодому поколению» был Шелгунов»¹⁰. Данные Пантелеева вскоре

⁷ М. Лемке. Политические процессы в России. М. — Пг., изд. 2, 1923, стр. 318.

⁸ ЦГА СССР, ф. 1405, оп. 59, д. 6618, лл. 76 об., 77, 77 об.

⁹ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I, М., 1967, стр. 484.

¹⁰ Там же, стр. 17.

были подтверждены впервые опубликованным полным текстом воспоминаний Шелгунова, где он прямо писал: «Распространить прокламацию было, конечно, рискованнее и труднее, чем ее напечатать, потому что вдвоем сделать это было почти невозможно. Мы посвятили в нашу тайну брата моей жены, студента Петербургского университета Михаэлиса и Александра Серно-Соловьевича»¹¹.

М. Л. Михайлов был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на каторжные работы сроком на 12 лет с поселением затем на жительство в Сибири навсегда¹².

Насколько опасным государственным преступником считался М. Л. Михайлов, говорят архивные документы, связанные с пересылкой его на каторгу и временным пребыванием в Тобольском тюремном замке.

Из сострадания к тяжелой участи известного поэта и общественного деятеля отдельные административные лица брали М. Л. Михайлова к себе в дома из-под тюремного заключения на обеды и встречи с прогрессивно настроенной частью интеллигенции Тобольска. Такое сочувственное отношение к «преступнику, осужденному за тягчайшее государственное преступление», вызвало возмущение в петербургских правящих кругах. По личному указанию царя все должностные лица Тобольска, виновные в таком попустительстве, были смещены за это с должности и преданы суду¹³.

Воссоздавая образ русского политического ссыльного Михайлова, М. О. Ауэзов прослеживает в романе его деятельность, начиная со студенческого периода, с которым связано формирование его революционно-демократических воззрений. Фактический материал, характеризующий участие Михаэлиса, прототипа Михайлова, в студенческом движении 60-х годов, почерпнутый М. О. Ауэзовым главным образом из мемуарной литературы того времени, полностью подтверждается и изученными нами архивными источниками из фонда Министерства юстиции ЦГИА СССР, содержащего следственные дела студентов Петербургского университета,

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 59, д. 6618, лл. 127 об., 129—130.

¹² «Каторга и ссылка», 1927, № 4 (33), стр. 35—36.

¹³ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 6464, л. 1—19.

заключенных в Петропавловскую крепость и впоследствии сосланных.

Формальным поводом для студенческих волнений в Петербурге осенью 1861 г. было введение новых правил, существенно ущемлявших права студентов университета.

Волнения студентов Петербургского университета начались со студенческих сходок, в результате которых 25 сентября лекции были прекращены и здание университета закрыто. Тогда студенты — 1500 человек — собрались около университета, организовали демонстрацию и двинулись к дому попечителя. У дома попечителя студентов и присоединившуюся к ним толпу окружила конная и пешая полиция, сюда же были вызваны войска. Однако столкновения с войсками не произошло, так как попечитель согласился выслушать демонстрантов в университете. Вернувшись туда, студенты избрали для переговоров своих депутатов — Михаэлиса, Гена и Стефановича¹⁴, передавших попечителю требования студентов, которые тут же были отвергнуты, а прибывший на переговоры военный генерал-губернатор объявил, что если собравшиеся не разойдутся, то он «вынужден будет употребить войска для их разогнания»¹⁵.

В ночь на 26 сентября 1861 г. наиболее революционно настроенные студенты были брошены в Петропавловскую крепость. Главными руководителями этого движения следствие называет Е. Михаэлиса и Н. Утина.

Ознакомление с историей студенческих волнений в Петербургском университете в 1861 г. представляло для М. О. Ауэзова несомненный интерес: оно раскрывало роль Михаэлиса в этом движении, давало писателю возможность составить представление о его личности и взглядах.

В делах следственной комиссии III отделения Е. Михаэлис безоговорочно назван в «числе зачинщиков»¹⁶.

Архивные документы и воспоминания современников говорят о большом авторитете Михаэлиса среди студентов. Он выбирается депутатом для отстаивания интересов студентов перед университетским начальст-

¹⁴ ЦГА СССР, ф. 1405, оп. 59, д. 6627, л. 276.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, д. 6640, л. 14 об.

Е. П. Михаэлис.

вом, к его речам прислушиваются студенты и в основной массе поддерживают его предложения. Л. П. Шелгунова — активная участница революционного подполья 60-х годов, находясь в курсе всех конспиративных дел мужа и М. Михайлова, дополняет наше представление о самой личности Михаэлиса следующей интересной деталью: «У меня в ту зиму жил брат-студент, Михаэлис... Должно быть, он пользовался в университете значением, потому что раз вечером пришел к Михайлову Добролюбов и сказал, что пришел познакомиться со студентом Михаэлисом, о котором много слышал. Добролюбов, услышав, что в университете есть умный студент, не ждал, чтобы он пришел к нему на поклон, а сам пришел его разыскивать»¹⁷.

Н. В. Шелгунов не раз с большой теплотой говорил о Евгении Михаэлисе: «Это был замечательно дарови-

¹⁷ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. II. М., 1967, стр. 116.

тый, энергичный и глубоко нравственный юноша, каких в то время, богатое людьми, было немного. Он-то был тем нервом, через который мы чувствовали биение университетского пульса. Пылкий, умный и смелый Михаэлис, несмотря на свои 18 лет, сумел выделиться настолько, что был выбран в депутаты, имел влияние и, к сожалению, попал в категорию первых пяти»¹⁸.

Как один из главных руководителей студенческого движения в Петербурге, Е. Михаэлис был сослан в г. Петрозаводск Олонецкой губернии, а в августе 1863 г. после самовольной отлучки из города был выслан в г. Тару Тобольской губернии под строгий надзор полиции¹⁹.

В 1869 г. Михаэлис получает разрешение на переезд в Семипалатинск, где поступает на службу в Семипалатинское областное правление на должность помощника делопроизводителя. С 1870 г. он становится младшим чиновником особых поручений этого учреждения. Выполняя служебные поручения, Е. Михаэлис нередко совершал поездки по области. Интересно отметить, что в 1871 и 1872 г. он был дважды командирован в Кызыл-Кокше-тобыктинскую волость для проведения следствия по одному из уголовных преступлений. Как известно, знакомство Абая с Михаэлисом состоялось ранее, в 1870 г., и вполне вероятно, что Михаэлис мог посетить аул Абая.

В 1882 г. Е. Михаэлис, освобожденный в 1878 г. от полицейского надзора, переезжает в Усть-Каменогорск, где и остается до конца жизни.

Находясь в Семипалатинске, Е. Михаэлис внес серьезный вклад в культурную жизнь города. Будучи секретарем Статистического комитета, основанного в 1878 г. при областном правлении, он приложил много усилий для того, чтобы приступить к серьезному изучению природных условий, хозяйства, культуры Семипалатинской области. Несмотря на то, что его обучение в университете было рано прервано, он благодаря хорошей подготовке, широкой эрудиции, достигнутой самообразованием, становится серьезным исследователем

¹⁸ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I. М., 1967, стр. 155.

¹⁹ ЦГА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 102, л. 204 об.

края. Его труды получили заслуженное признание научной общественности Сибири.

В 1880 г. Е. Михаэлис избирается в члены Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Заслуги его в разностороннем изучении края, круг его научных интересов убедительно характеризуют приводимый ниже перечень его основных работ.

В 1871 г. им были открыты залежи каменного угля в Зайсанском уезде, запасы которого определялись в то время в 10 миллиардов пудов. В 1879—1880 г. Е. Михаэлис предпринял исследование верховьев Иртыша от Семипалатинска до озера Зайсан на протяжении более 700 километров и «признал его пригодным к пароходству». Кроме того, он составил навигационную карту этого участка и собрал значительный материал экономического и географического характера, который был принят во внимание при окончательном разрешении вопроса об организации в верхних плесах Иртыша пароходства, связавшего огромную приграничную с Монголией часть Семипалатинского края с Сибирью²⁰.

Интересны работы Е. Михаэлиса в области изучения алтайских ледников, причем им впервые были установлены границы прежнего мощного оледенения Алтая.

Е. Михаэлису принадлежат труды и в области конхиологии²¹ Сибири, где он обследовал огромный район от г. Тары Тобольской губернии до Северной Джунгарии. Совместно с проф. В. А. Обручевым Е. Михаэлис заинтересовался происхождением глубоких семипалатинских песков, пришел к выводу об их наносном характере и разработал ряд мер борьбы с ними. Им был изучен золотоносный Колбинский хребет в восточной части Семипалатинского округа и точно указаны районы предстоящих разработок, что вскоре нашло применение при работах по добыче золота в этом районе.

Основная часть трудов Михаэлиса была опубликована в периодических изданиях Академии наук и Русского географического общества.

В эпопее «Путь Абая» показано, какое большое значение в судьбе Абая сыграло его сближение с поли-

²⁰ Архив Семипалатинского краеведческого музея, д. № 11400, стр. 1.

²¹ Конхиология — отдел зоологии, изучающий раковины моллюсков.

тическим ссыльным Михайловым, образ которого во-
брал в себя многие стороны биографии и черты харак-
тера Евгения Петровича Михаэлиса.

Это родство художественного образа со своим прото-
типом заметно уже в портретном сходстве Михайлова
с Михаэлисом. «Это был человек лет за тридцать, с ши-
рокой темной бородой, с большим открытым лбом, ко-
торый еще увеличивался залысинами, с мужественным
и вдумчивым лицом»²².

Знакомство Абая с Михайловым в эпопее, как и в
действительности с Михаэлисом, произошло в семипа-
латинской общественной библиотеке.

«Познакомившись с Кунанбаевым и заметив его не-
дюжинные способности, Михаэлис обратил на его вос-
питание серьезное внимание. В продолжение несколь-
ких лет Абай имел самое тесное общение с Евгением
Петровичем. Ежегодно Абай гостил в г. Семипалатинске
с декабря по март, проводя все вечера в беседах с Ми-
хаэлисом», — писал Б. Герасимов, известный семипала-
тинский исследователь-краевед²³.

Интерес Абая к Михайлову, показанный в романе,
не случаен: Михайлов был, «пожалуй, самый умный и
образованный человек во всем Семипалатинске». В
суждениях и взглядах Михайлова легко прослеживается
связь его с главным жизненным прототипом. Миро-
воззрение Михайлова так же, как и революционно-де-
мократический образ мыслей Е. П. Михаэлиса,
обусловлено его идейной близостью к соратникам Н. Г.
Чернышевского.

Вполне закономерно, например, приписываемое Ми-
хайлову в романе резко отрицательное обобщающее
суждение о царских чиновниках, когда он в беседе с
Абаем говорит, что все они одинаковы, как семена чер-
тополоха, и посеяла их одна рука — царский строй.

Подробное изучение активного участия Е. П. Ми-
хаэлиса в революционном движении 60-х годов, проде-
ланное автором эпопеи, дало писателю все основания
воспроизвести беседы Михайлова с Абаем о революци-
онном движении в России, его идеологах, о чем в жиз-

²² М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 546.

²³ «Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отдела
Русского геогр. общества», 1914, вып. VIII, стр. 6.

ни (это исторически достоверно) впервые поведал поэту Е. Михаэлис.

Оттолкнувшись от конкретного жизненного материала, связанного с Михаэлисом, М. О. Ауэзов с помощью своего творческого воображения раскрывает, как Абай услышал от Михайлова о роли Чернышевского в революционном движении России, его аресте, гражданской казни, ссылке. В романе Абай узнает от Михайлова о содержании известных революционных прокламаций 60-х годов, написанных Н. Г. Чернышевским и его сподвижниками.

Так, он знакомит Абая с содержанием прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», что вполне правомерно, если учесть, что его прототип Е. Михаэлис не только был знаком с этими прокламациями, но и принимал деятельное участие в их распространении.

Увидев большой интерес Абая к общественной жизни, Михайлов знакомит его с историей революционной мысли в России. Он «рассказывал ему об истоках борьбы против самодержавия, говорил о Пушкине, Белинском, Герцене, о новом подъеме революционного движения, вызванном Чернышевским. О нем он отзывался с особой теплотой и уважением, и Абай решил, что именно Чернышевский был учителем его друга»²⁴.

Между прочим, Михайлов рассказывает Абая, что, находясь в Петрозаводске, он направил прошение царю с просьбой разрешить ему возвратиться в Петербург для завершения образования. На листе прошения случайно расплылось чернильное пятно, которому молодой студент не придал значения. Царь же, оскорбившись при виде чернильной кляксы, дал указание сослать его в Сибирь.

Основанием для воссоздания этой детали в биографии Михайлова явились воспоминания Н. Шелгунова, с которыми М. О. Ауэзов был знаком, судя по сохранившимся обширным выпискам, сделанным им из указанного труда.

Н. Шелгунов вспоминает, в частности, что однажды ему пришлось беседовать с князем А. Суворовым —

²⁴ М. Ауэзов, Абай, кн. 1, стр. 667.

петербургским военным губернатором в 1861—1866 гг.: «Когда мы вспомнили о Михаэлисе, Суворов рассказал мне историю о злополучном чернильном жиде²⁵, изменившем всю судьбу Михаэлиса. Не явись случайно этот жид, Михаэлис был бы возвращен в Петербург и не попал бы в Тару. Михаэлис и Ген написали из Петро-заводска письмо государю с просьбой о позволении вступить снова в университет и, по торопливости или небрежности, сделали в конце письма чернильное пятно, вместо того, чтобы переписать письмо, они слизнули пятно языком. Прочитав письмо и увидев в конце его пятно, государь остался недоволен и не дал просьбе движения.

— Государь не привык получать такие письма, — заметил Суворов серьезно»²⁶.

Вся семья Михайлова — семья революционеров. Абай узнает, что сестра Михайлова Мария бросила Н. Г. Чернышевскому букет цветов как вызов палачам, царским чиновникам и полицейским, окружавшим место казни. Как известно, этот факт действительно имел место. Букет цветов был брошен на эшафот Чернышевскому сестрой Е. П. Михаэлиса Марией Петровной, за что она была взята под надзор полиции.

Мария Петровна Михаэлис (в замужестве Богданович) и в дальнейшем принимала активное участие в народнической агитации среди крестьян.

Ранняя ссылка в Сибирь оторвала Михайлова от активной политической борьбы. С горечью он говорит о себе: «Вот кабы не скосили меня под корень молодым, может быть, я и сумел бы сделать что-нибудь стоящее»²⁷.

Н. Шелгунов также отмечал блестящую подготовку и научные способности молодого Михаэлиса. Он писал, что, если бы не ранняя ссылка, «из него, несомненно, вышел бы превосходный профессор-натуралист и выдающийся ученый...»²⁸.

²⁵ Т. е. чернильной кляксе. *Жидня* — жидкость.

²⁶ Н. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I, стр. 157—158.

²⁷ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 672.

²⁸ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I, стр. 157—158.

В эпосе Михайлов оказывает Абаю помощь в самообразовании. М. О. Ауэзов и здесь основывался на широко известных фактах биографии поэта, сохранившихся в памяти его близких. Известно, что Михаэлис познакомил Абая с творчеством Пушкина, Лермонтова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Белинского, Чернышевского и др. Таким образом, в изображении М. О. Ауэзовым общения Абая к русской и западноевропейской литературе, трудам русских революционеров-демократов нет авторского вымысла. Воссоздание этих фактов биографии Абая строится на исторически достоверном, зафиксированном круге чтения Абая, нашедшем отражение и в его творчестве.

Михайлов в эпосе говорит: «Русские книги вам... помогут, они будут самыми верными вашими друзьями... А я с удовольствием буду вашим, так сказать, советником по самообразованию, благо у меня есть кой-какой собственный опыт в этом деле»²⁹.

Очень верно в романе раскрыты причины привлечения в ряде случаев на службу в государственные учреждения Семипалатинска политических ссыльных. Так, Михайлов говорит: «На службе-то меня держали не по своей охоте, а поневоле. Года два назад губернатор получил из Петербурга предписание создать здесь статистический комитет, а что такое статистика, с чем ее кушают, как поставить это дело по-научному, здешние чиновники и слыхом не слыхали... А я еще в студенческие годы в погоне за знаниями увлекался и статистикой. Ну вот, не найдя никого, для начала взяли на эту должность с малой властью и большими хлопотами меня. Но, видно, жизнь привила мне болезнь, Ибрагим Кунанбаевич: не могу я никакого дела делать по-казенному. Так и тут: увлекся статистикой, начал уже понимать всю сложность народного хозяйства в ваших условиях»³⁰.

Вся огромная и разносторонняя краеведческая работа Михаэлиса в Казахстане стоит за словами Михайлова: «...теперь я не брошу начатого дела, может быть, мне удастся принести какую-нибудь пользу этому краю».

²⁹ М. Ауэзов. Абай, кн. 1, стр. 571.

³⁰ Там же, стр. 666.

Таким образом, беседы Абая с Михайловым имели огромное значение в его духовном развитии, в приобщении к русской культуре.

Направляя просветительскую деятельность Абая, Михайлов советует ему: «Передавайте вашему народу все, что прочли сами, чему научились, что узнали... Пусть будет это слабый светильник в одинокой руке, но надо нести его в темноту!»³¹

Однако М. О. Ауэзов подчеркивал, что Михайлов — собирательный образ. Основываясь на реальных фактах биографии исторически достоверного лица — Михаэлиса, состоявшего в дружбе с Абаем, автор, пользуясь своим правом художественного вымысла, показывает этот образ в развитии, привносит в него черты революционных деятелей 80-х годов.

В 80-х годах XIX века Абай Кунанбаев, расширяя свои связи с русскими политическими ссыльными, сближается с представителями народолюбцев, выступление которых относится к периоду второй революционной ситуации в России (1879—1880 гг.), когда значительно обострилась общественно-политическая борьба. Народничество представляло новый этап в разночинском освободительном движении. Считая своей целью свержение самодержавия путем всеобщего вооруженного восстания, народники стремились, приблизившись к народу, революционизировать его, поднять на борьбу. Однако это движение «хождения в народ» не могло иметь успеха в тех исторических условиях. Деятельность народников и отдельные разрозненные протесты крестьян жестоко подавлялись царскими властями.

В этих условиях в августе 1879 г. произошел раскол народнической организации «Земля и воля» на две новые организации — «Народная воля» и «Черный передел».

С «Народной волей» связаны имена выдающихся деятелей русского революционно-демократического движения А. И. Желябова, А. Д. Михайлова, С. Перовской, В. Фигнер и др., входивших в Исполнительный комитет организации. Главной целью своей борьбы «Народная воля» считала государственный переворот, свержение самодержавия и установление демократиче-

³¹ Там же, стр. 673—674.

ской республики, предоставление трудящимся политических свобод, передачу земли крестьянам, заводов и фабрик — рабочим. Народовольцы впервые поставили вопрос о необходимости политической борьбы и в дальнейшем сосредоточили на ней всю свою деятельность, занимаясь революционной пропагандой среди студенческой молодежи, военных и частично рабочих.

Несмотря на исключительный героизм и самоотверженность членов «Народной воли», им не удалось вызвать народную революцию в силу того, что ни социальное, ни экономическое развитие России того периода еще не создали условий, когда эту борьбу мог бы возглавить пролетариат. Отсутствие широких связей народовольцев с народными массами обусловило историческую обреченность их деятельности, которая свелась к заговорщической тактике и индивидуальному террору. Вся практическая работа народовольцев сосредоточилась в конечном счете на организации покушения на царя Александра II, после осуществления которого организация была разгромлена, а ее руководители казнены.

Другая организация революционных народников — «Черный передел» — первоначально оставалась верна программе «Земли и воли», члены ее выступали с критикой террористической деятельности народовольцев. Однако вопреки их программе, в основе которой лежала идея борьбы за революционизирование крестьянства, чернопередельцы после безуспешной агитации в деревне постепенно переклЮчили свою деятельность на рабочих.

После событий 1 марта 1881 г. часть чернопередельцев сливается с «Народной волей», а наиболее подготовленные в теоретическом отношении члены ее порывают с народничеством и, пересмотрев свои прежние идейные позиции, эволюционируют в сторону марксизма. Наиболее видные чернопередельцы — Плеханов, Дейч, Засулич, Аксельрод и др.— создают в 1883 г. в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда».

В. И. Ленин указывал на теоретические ошибки народников, проистекающие из их идеи крестьянской демократии и индивидуального террора, заговорщической борьбы, оторванной от рабочего движения, но при этом

отдавал должное их мужеству, героизму, организационному таланту, смелой политической борьбе.

Высоко оценивая демократическую революционность «блестящей плеяды революционеров 70-х годов» и их важную роль в русском освободительном движении, В. И. Ленин называл народовольцев предшественниками русской социал-демократии³².

Среди ссыльных народовольцев, с которыми был дружен Абай Кунанбаев в 80-х годах, наиболее яркой фигурой был Н. Долгополов.

Нифонт Иванович Долгополов родился в 1857 г. в г. Бирюче Воронежской губернии в семье канцелярского служащего. Будучи студентом медицинского факультета Харьковского университета, Н. Долгополов становится активным участником возникшего там народовольческого кружка.

Члены кружка вели революционную пропаганду среди учащейся молодежи, интеллигенции, рабочих. По сведениям департамента полиции, Н. Долгополов «неоднократно обращал на себя внимание инспекции университета и полиции своим участием в распространении среди учащейся молодежи социальных идей... Долгополов принадлежал к революционному кружку, существовавшему в 1878—1879 гг. в г. Харькове, члены которого устраивали сходки, на коих читались запрещенные и преступные издания, в том числе их журнал «Земля и воля»³³. Поводом для ареста и ссылки Н. Долгополова в Сибирь послужило его активное участие в крупных студенческих волнениях в Харькове осенью 1878 г. Причем он был арестован в числе семи других «главных руководителей волнений в Харькове»³⁴ и приговорен к пяти годам ссылки под гласным полицейским надзором. В сентябре 1880 г. он прибыл в г. Курган Тобольской губернии.

Н. Долгополов, исключенный из университета с 5-го курса, был хорошо подготовленным врачом, знания его решил использовать курганский городской врач Головкин, с сочувствием относившийся к политическим ссыльным города. Под свою ответственность он разрешил Долгополову практиковать в городской больнице.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 331.

³³ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 88, л. 1.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1282, д. 425, л. 63.

Долгополов работал, как он сам писал, «до забвения», не щадя своего здоровья и сил, «произвел... много трудных операций, принесших радикальную помощь для страдающих»³⁵.

Курганская больница находилась в полнейшем упадке, ни о какой квалифицированной помощи больным не могло быть и речи. С огромной энергией, работая по 18 часов в сутки, Н. Долгополов взялся за приведение больницы в должное санитарное состояние. Вскоре им впервые в практике местных врачей был введен ежедневный бесплатный амбулаторный прием, открыто хирургическое отделение со стационаром, где Н. Долгополов провел много успешных операций, в частности возвращал зрение, удаляя катаракты у больных. Особенно эти последние операции бескорыстного доктора снискали ему славу далеко за пределами Кургана. К нему приезжали лечиться из Ишимского и Ялуторовского округов, Петропавловского, Шадринского и Челябинского уездов.

В феврале 1881 г. Министерство внутренних дел в ответ на ходатайство тобольского генерал-губернатора дало разрешение Н. Долгополову работать в городской больнице. Однако, когда Н. Долгополов в числе других политических ссыльных Западной Сибири, проявив принципиальность и верность своим убеждениям, публично отказался принести верноподданническую присягу при вступлении на престол Александра III, Министерство внутренних дел отменило свое прежнее решение, запретив ему практику в больнице, как лицу, проявившему «полнейшую неблагонадежность в политическом отношении, распространяя безверие и недовольство существующим порядком»³⁶. Ввиду отказа Н. Долгополова от принятия присяги новому царю срок ссылки его был увеличен на год, считая с сентября 1881 г. Лишенный возможности работать в больнице Н. Долгополов, уже завоевавший среди населения репутацию прекрасного врача, продолжал нелегально оказывать медицинскую помощь приезжавшим к нему больным³⁷. За нарушения строжайшего запрещения заниматься

³⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 16690, л. 175.

³⁶ Там же, лл. 157, 157 об.

³⁷ Там же.

врачебной практикой он подвергался арестам на несколько суток и другим взысканиям³⁸.

Осенью 1882 г. Н. Долгополов был выселен из Кургана и временно водворен на жительство в г. Тюкалинск, где он «не только не оставил своих прежних склонностей, но, вообще, старался, как оказалось, более нарушать правила о полицейском надзоре, занимаясь, между прочим, и здесь врачебною практикой»³⁹.

В июне 1884 г. Н. Долгополов прибыл в Семипалатинск, где оставался до конца ссылки под гласным надзором полиции. Именно в эти годы, с 1884 по 1886 г., он близко познакомился с Абаем Кунанбаевым. Их дружескую связь подтверждают как широко известные воспоминания современников Абая и первых его биографов, так и целый ряд архивных документов из фондов Семипалатинского областного правления. Заболев летом 1885 г., Н. Долгополов просит разрешения у семипалатинского генерал-губернатора выехать для лечения в аул Абая. «Здоровье мое крайне расстроено — от страдания лихорадкою и грудною болезнью, мне для поправления его необходимо выехать из города на летние месяцы в степь для пользования кумысом и чистым воздухом. Вследствие чего я прошу вас, ваше превосходительство, разрешить мне поездку в Чингизскую волость — в аул Кунанбая Ускенбаева — впредь до 15 августа. 4 июня 1885 г. Н. Долгополов»⁴⁰.

Однако, разрешив поездку, генерал-губернатор уведомлял об этом семипалатинского уездного начальника «для сведения и надлежащих распоряжений об учреждении за Долгополовым в означенной местности полицейского надзора»⁴¹.

Ознакомившись с жизнью и деятельностью политических ссыльных женщин Семипалатинска, М. О. Ауэзов обобщил их характерные черты в образе жены Павлова Саши. Непосредственным же прототипом Саши была Александра (Шейна) Шур, также связанная в своей революционной деятельности с «Народной волей».

³⁸ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 88, л. 69.

³⁹ Там же, стр. 95.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

Дочь могилевского купца А. Шур, по данным ее следственного дела, была хорошо образована, свободно владела немецким и французским языками, подолгу жила за границей (в Берлине, Лондоне, Швейцарии), где занималась естественными науками. Во время пребывания за границей А. Шур находилась в тесном контакте с эмигрантской учащейся молодежью. На это обстоятельство обращалось внимание в секретном донесении министру юстиции: «В настоящее время за границую сгруппировалось весьма значительное количество русских подданных — евреев, уроженцев Западного края, к которым принадлежит и Шур, играющих видную роль в революционной ситуации не только в России, но даже в Германии и Австрии»⁴².

В сентябре 1878 г. А. Шур при переезде через границу (она возвращалась из Швейцарии в Россию) была арестована по подозрению в исполнении важного поручения «от русских эмигрантов-социалистов»⁴³. При обыске у нее были обнаружены письма, шифрованные записи, различные шифры. Интересно отметить, что в записной книжке А. Шур, в списках различной политической литературы, как отмечено в следственном деле, были названы сочинения Лассалья и известная работа Ф. Энгельса «О положении рабочего класса в Англии»⁴⁴.

Тщательное изучение деятельности А. Шур привело следственные органы к выводу о ее принадлежности к партии «Народная воля», поручения которой она выполняла, совершая поездки из-за границы в Россию, а следовательно, и ее «крайней политической неблагонадежности»⁴⁵. А. Шур была выслана в административном порядке на жительство в Курган Тобольской губернии с установлением за ней гласного полицейского надзора.

В 80-е годы Абай сблизился в Семипалатинске с ссыльным поляком Северином Гроссом, широко образованным человеком, кандидатом прав, окончившим в 1877 г. Петербургский университет. Гросс был сослан

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7651, л. 5.

⁴³ Там же, л. 8.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 7.

С. Гросс.

в Западную Сибирь за участие в тайной революционной организации польской молодежи, возникшей в середине 1880 г.

Основа этой организации была заложена еще в 1878 г. в Петербурге в связи с созданием группой студентов-поляков кружка самообразования, который уже в начале 1880 г. становится центром петербургского польского революционного землячества так называемой гмины.

Подобные же организации усилиями передовой польской молодежи сложились в начале 1880 г. в Москве, Киеве, Вильне.

Программа гмины не была четко определена, но, судя по сохранившемуся тексту черного варианта «Программы действий польских социалистов», можно увидеть, что «польские революционеры в 1880 г. находились под влиянием народнических идей, причем в большей степени «Черного передела»⁴⁶. Не случайно они уделяли большое внимание пропаганде в рабочей среде.

В следственных материалах III отделения делается попытка выявить программу организации и ее задачи: «Польская социально-революционная партия имеет цель отделения Польши от России и устройство первой в виде федерации отдельных гмин, в экономическую основу которых должны лечь рабочие корпорации, владеющие промышленными предприятиями на правах собственности, и общинное землевладение как идеал аграрного устройства»⁴⁷.

Несмотря на расхождения в тактике борьбы между отдельными группами в гминах, все они сходятся в одном, что «конечное средство осуществить идеал партии есть революция, первыми жертвами которой должны пасть нынешние владельцы промышленных предприятий и крупных земельных участков, как нетерпимые при новом экономическом строе»⁴⁸.

Главными органами пропаганды этих идей и были так называемые «социальные гмины» — Виленская, Киевская и пр., возникавшие преимущественно в городах, где была учащаяся молодежь, которая вовлекалась в кружки и составляла основной объект агитации»⁴⁹.

В июне 1880 г. в Варшаве состоялся съезд представителей различных гмин для выработки программы партии, на котором присутствовал Северин Гросс.

Существование этой тайной революционной организации царские власти обнаружили в начале 1881 г. Немедленно последовали ее разгром и репрессии. В марте того же года С. Гросс и другие руководители Виленской гмины были арестованы и подвергнуты годичному тюремному заключению.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, л. 7 об.

⁴⁸ С. С. Волк. «Народная воля». М., 1966, стр. 406.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, д. 8126, л. 7 об.

С. Гроссу предъявили обвинение в руководстве Виленской гминой, участии в ее тайных собраниях и съездах в Варшаве, установлении связей с польскими социалистами за границей, предоставлении материальных средств организации⁵⁰.

По царскому повелению дело С. Гросса и других руководителей Виленской гмины в январе 1882 г. было разрешено в административном порядке, причем С. Гросса выслали в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири для водворения на жительство под гласным надзором полиции сроком на 5 лет⁵¹.

Первоначально С. Гросс поселился в г. Ишиме, куда его доставили под полицейским конвоем⁵².

В 1882 г. в Ишиме С. Гросс женился на политической ссыльной, также находившейся под надзором полиции, Анне Скалацкой, высланной из Киева в 1880 г. «за политическую неблагонадежность и принадлежность к преступной пропаганде»⁵³.

В 1883 г. С. Гросс с женой переселились в Семипалатинск, где над ними также был установлен гласный полицейский надзор. При переводе Гросса с женой в Семипалатинск тобольский генерал-губернатор характеризовал их следующим образом: «Состоявшие под надзором полиции в г. Ишиме политические ссыльные Северин Гросс и его жена Анна, во время проживания в месте водворения, хотя в особых предосудительных поступках замечены не были, но оба в политическом отношении неблагонадежны, и Гросс в особенности обрза мыслей вредного»⁵⁴.

Абай был хорошо знаком и с сосланным в Семипалатинск студентом Петербургского университета Александром Блеком, которого американский журналист Джордж Кеннан выделял среди семипалатинских ссыльных как исключительно яркую личность⁵⁵.

А. Блек принадлежал к передовой части оппозиционно настроенных студентов Петербургского университета, был одним из организаторов его тайного револю-

⁵⁰ ГАОО, ф. 3, д. 18676, лл. 1—3.

⁵¹ Там же.

⁵² ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 63, лл. 3—4.

⁵³ ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18671, лл. 15 об., 16.

⁵⁴ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 63, л. 51.

⁵⁵ Д. Кеннан. Сибирь, т. I. СПб., 1906, стр. 100—102.

ционного кружка. В 80-е годы на центральный университетский кружок в Петербурге, тесно связанный с Исполнительным комитетом «Народной воли», большое влияние оказывали и чернопередельцы. Среди молодежи, на которую опирались чернопередельцы в Петербургском университете, в первую очередь был назван студент юридического факультета Александр Блек.

В феврале — марте 1880 г. в Петербурге создается самостоятельный революционный кружок чернопередельческого направления, объединивший около 40 человек. В кружок вошел и А. Блек. Наиболее влиятельными членами кружка стали А. П. Буланов, П. Б. Аксельрод, М. Решко, возглавившие всю организационную работу⁵⁶. Петербургские чернопередельцы оказывали материальную поддержку своим единомышленникам, находившимся в эмиграции, снабжали их нужной информацией и распространяли в России нелегальные издания чернопередельцев, получаемые из-за границы. Они также поддерживали тесную связь с революционными кружками Москвы, Казани, Одессы, Симбирска и других городов.

Основной задачей чернопередельцев в 80-х годах XIX века была организация пропаганды среди рабочих, в которых они видели единственный класс, способный в тех условиях к организованной борьбе и более восприимчивый к революционной пропаганде, чем крестьянство. Активным пропагандистом в рабочих кружках Петербурга был и А. Блек.

В связи с разгромом Исполнительного комитета «Народной воли» после событий 1 марта 1881 г. оставшаяся на свободе часть народовольцев ищет сближения с чернопередельцами. Их объединение произошло в ноябре 1881 г., причем среди чернопередельцев, пошедших на объединение с народовольцами, упоминается А. Блек. Однако, объединившись с народовольцами, чернопередельцы в своей практической деятельности продолжали в основном заниматься пропагандой среди рабочих⁵⁷.

Петербургская организация чернопередельцев поддерживала тесную связь с тайным революционным

⁵⁶ «Общественное движение в пореформенной России» (сб. статей). М., 1965, стр. 140.

⁵⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV. М., 1926, стр. 157.

кружком в Гельсингфорсе, который оказывал серьезную помощь чернопередельцам Петербурга в перепечатке нелегальной литературы. Связь с кружком осуществляли Кланг, Марковский и А. Блек.

А. Блек совершил последнюю поездку в Гельсингфорс летом 1882 г. специально для приобретения гектографа. Благодаря содействию гельсингфорского кружка он достал два гектографа, но вывезти их в Петербург не представилось возможности: финским жандармам удалось напасть на след организации и она была разгромлена. А. Блек был арестован в сентябре 1882 г. и препровожден под стражу в жандармское управление Петербурга⁵⁸.

Таким образом, А. Блек, судя по его деятельности и найденным у него документам, находился в тесной связи с руководством «Народной воли» и был послан в Гельсингфорс для установления контакта с местной организацией, расширения ее пропагандистской деятельности. Из материалов дознания вытекает, что петербургская полиция и ранее подозревала Александра Блека в распространении изданий «Народной воли». В результате обыска, произведенного у А. Блека в начале 1882 г., были обнаружены программы «Народной воли», устав и программа рабочей кассы, «Программа Северного союза русских рабочих». Последняя была гектографирована А. Блеком с доставленного ему оригинала на приобретенном им в Гельсингфорсе гектографе.

А. Блеку было предъявлено обвинение в связях с революционным кружком в Гельсингфорсе, распространении революционных изданий главным образом в рабочей среде, приобретении гектографа для печатания прокламаций противоправительственного характера и попытках приобретения шрифтов для тайной типографии⁵⁹.

Дело А. Блека было разрешено в административном порядке — ссылкой в Западную Сибирь сроком на 5 лет под гласный надзор полиции, считая с мая 1883 г. В 1887 г. А. Блек поселяется в Семипалатинске, где работает в Статистическом комитете.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9358, лл. 4об., 5.

⁵⁹ Там же, л. 5б.

Во время пребывания С. Гросса и А. Блека в Ульбинске с ними познакомился Джордж Кеннан, писавший о них впоследствии: «Господин Гросс был красивый мужчина лет 30, с каштанового цвета волосами, большой бородой и усами, голубыми глазами и правильными чертами лица. Он говорил очень живо, с ласковой модуляцией в голосе и имел привычку, когда его что-нибудь интересовало или волновало в разговоре, широко раскрывать свои глаза. Оба молодых человека имели ученые степени, говорили по-французски и по-немецки, а господин Блек читал и по-английски; оба интересовались политической экономией и каждого из них можно было смело принять за профессора»⁶⁰.

Говоря о С. Гроссе, А. Блеке и других ссыльных Семипалатинска, Д. Кеннан отмечал: «...У всех ссыльных, какой бы жалкой ни была в остальном их обстановка, я находил письменный стол, книги и газеты, как например, «Revue des deux Mondes» и «Русский вестник». В доме господина Блека была небольшая, но тщательно подобранная библиотека, в которой кроме русских книг были стихотворения Лонгфелло, «Древнее право» и «Сельские общины» Мэна, «Логика» Бэна, «Политическая экономия» Милля, «История рационализма» Локка, «Опыты» Спенсера и его «Принципы социологии», «История английской литературы» Тэна, «История Соединенных Штатов» Лабулэ и ряд французских и немецких сочинений по юриспруденции и политической экономии. Излишне подчеркивать, что люди, читающие такие книги и везущие их с собою в Сибирь, не могут быть ни дикими фанатиками, ни «невежественными салонниками и ремесленниками», как описывал мне их один русский офицер, что это — серьезные, образованные, мыслящие люди. Если такие люди сосланы в глухую сибирскую деревню на монгольской границе вместо того, чтобы, неся государственную службу, приносить пользу своему отечеству, тем хуже для государства»⁶¹.

Д. Кеннан особенно выделял Александра Блека, о котором писал, что он сразу завоевал его сердце. «Это был мужчина лет 26—28, среднего роста и атлетического сложения, с темными волосами и глаза-

⁶⁰ Д. Кеннан. Сибирь, т. I, стр. 100.

⁶¹ Там же, стр. 102.

ми, безбородым лицом, черты которого носили печать ума, моральной строгости и энергии»⁶².

О широкой эрудиции, особенно в области политической экономии и права, и высоком интеллектуальном уровне усть-каменогорских ссыльных, Д. Кеннан судил по библиотеке А. Блека, самый подбор книг которой, как было показано выше, говорил об интересах ее владельца.

По данным архивных и литературных источников, Абай Кунаубаев был также хорошо знаком и с другими семипалатинскими ссыльными — А. Леонтьевым, П. Лобановским и Н. Коншиным.

Александр Александрович Леонтьев родился в 1858 г. в Петербурге, где закончил Пажеский корпус. В 1884 г. А. А. Леонтьев, тогда поручик запаса гвардии, был обвинен «в сношениях с лицами, содержащимися в Петропавловской крепости», и сослан на три года в Западную Сибирь. В том же году А. Леонтьев поселяется в Семипалатинске, куда к нему приезжает невеста — Е. Л. Михайлова, политическая ссыльная, сосланная в Омск на 2 года.

А. Блек, А. Леонтьев и С. Гросс помимо работы в Семипалатинском статистическом комитете много сил отдавали общественной библиотеке и созданию местного музея, сыгравшего благодаря их деятельности важную роль в разностороннем исследовании края. Кроме того, Семипалатинский уездный судья Маковецкий привлек их как лиц, имевших превосходное юридическое образование, к исследованию казахского обычного права. Плодом этой работы явились изданные в 1886 г. «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов», обобщающие большой фактический материал и до сего времени остающиеся ценным источником по дореволюционному казахскому обычному праву.

В июне 1884 г. С. Гросс получил разрешение на месячную отлучку в Чингизскую волость Семипалатинского уезда⁶³. Возможно, эта поездка была связана с посещением Абая, к которому он мог обратиться за консультацией по собиранию материалов для указанной выше работы.

⁶² Там же, стр. 100.

⁶³ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 63, л. 52 и об.

Д. Кеннан обратил внимание на увлечение А. Леонтьева антропологией и этнографией казахов. Находясь в Семипалатинске, Д. Кеннан выразил желание познакомиться с предметами казахской материальной культуры. Маковецкий рекомендовал ему своего секретаря А. Леонтьева, «который специально изучал жизнь киргизов и мог бы сообщить о них всевозможные сведения».

Исключительный интерес представляет и следующая запись в книге Д. Кеннана, позволяющая судить о круге чтения Абая, его знакомствах с политическими ссыльными. В честь приезда Д. Кеннана, желавшего познакомиться с жизнью политических ссыльных Семипалатинска, А. Леонтьев устроил у себя скромный ужин, на который была приглашена группа политических ссыльных города. В ходе живого обмена мнениями и ответов на вопросы Д. Кеннана А. Леонтьев рассказал о семипалатинской библиотеке, ее громадном значении не только для политических ссыльных, но и для местного населения. «Даже киргизы,— сказал он,— охотно пользуются ей. Я знаю здесь одного ученого киргиза, который читал Бокля, Милля и Дрепэра.

— В Семипалатинске есть старый киргиз, читающий Милля и Дрепэра!— воскликнул молодой студент.

— Да, да!— ответил Леонтьев.— Когда я его встретил в первый раз, он меня поразил своей просьбой — объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. Позднее я узнал, что он изучал английских философов и читал в русском переводе всех названных мною авторов.

— Однако уверены ли вы, что он понял что-либо из прочитанного?— спросил студент.

— Я его два вечера экзаменовал по Дрепэру «Умственное развитие Европы», — возразил Леонтьев, — и могу уверить вас, что он в нем хорошо разбирается»⁶⁴.

Как известно, автором единственного портрета Абая с натуры был политический ссыльный Павел Лобановский.

Павел Дмитриевич Лобановский был выслан без суда в марте 1884 г. за политическую неблагонадежность — распространение прокламаций и других изда-

⁶⁴ Д. Кеннан. Сибирь, т. I, стр. 84—85.

ний «Народной воли»⁶⁵ — из Ростова-на-Дону в распоряжение степного генерал-губернатора сроком на 3 года под гласный надзор полиции. Первоначально П. Лобановский был поселен в Усть-Каменогорске, затем в августе 1884 г. переведен в Семипалатинск.

Джордж Кеннан дважды посетил П. Лобановского и беседовал с ним о целях и методах борьбы народовольцев, их требованиях, причем П. Лобановский высказал свое отрицательное отношение к индивидуальному террору как методу политической борьбы.

Эта беседа Лобановского с Кеннаном, перед которым он не скрывал своих взглядов, очень важна, так как доказывает, что многие политические ссыльные, будучи оторванными от революционной борьбы, вынужденные в ссылке заниматься работой для добывания средств к существованию, сохраняли верность своим убеждениям. Кеннан вынес впечатление о Лобановском, Леонтьеве, Гроссе, как о людях с непоколебимыми идеалами, людях чести и долга.

Для М. О. Ауэзова была интересна и фигура народовольца Н. Я. Коншина, с которым Абай близко сошелся, приняв участие в работе Семипалатинского областного статистического комитета.

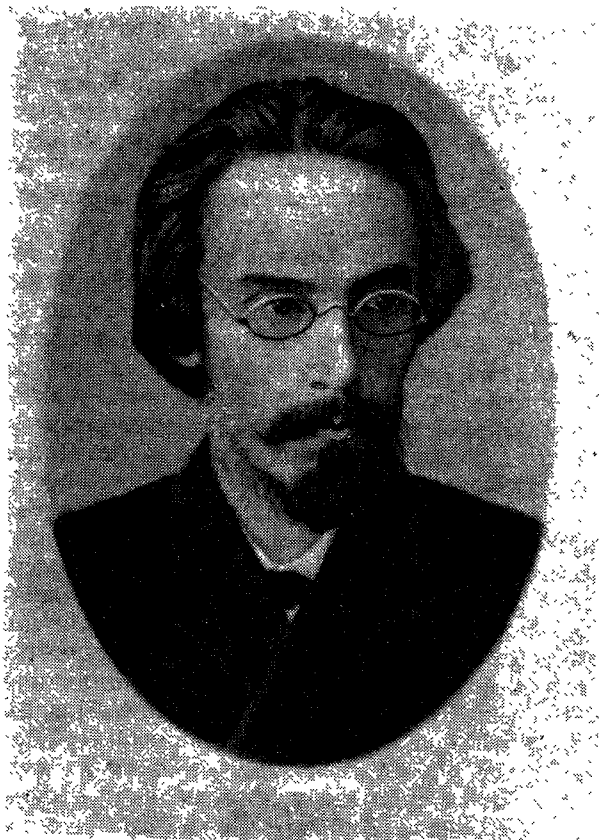
Николай Яковлевич Коншин родился в Твери в 1862 г., дворянин по происхождению, но не имел никакого состояния. Н. Я. Коншин навлек на себя подозрения в политической неблагонадежности уже в 1884 г., когда принял участие в студенческих волнениях в Московском университете. Он был исключен из университета и по распоряжению Министерства внутренних дел выслан из Москвы с учреждением за ним секретного надзора полиции⁶⁶.

В 1886 г. Н. Я. Коншин — студент Ярославского Демидовского лицея — был арестован за участие в революционном кружке, созданном студентами лицея. Этот кружок, объединявший часть учащейся молодежи Ярославля, был тесно связан с организацией «Народной воли» в Москве⁶⁷. При обыске у Н. Я. Коншина и других участников кружка были обнаружены различные публикации «Народной воли».

⁶⁵ Там же, стр. 81.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10212, л. 303.

⁶⁷ Там же, л. 168.

Н. Я. Коншин.

Следствие установило, что члены кружка занимались чтением таких революционных работ, как «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Программа социал-демократической группы освобождения труда», «Социализм и политическая борьба» Плеханова и пр.⁶⁸

По делу о революционном кружке Демидовского лица было привлечено к судебной ответственности 27

⁶⁸ Там же, л. 216.

человек, причем Н. Я. Коншин назывался одним из первых.

Народоволец Н. Я. Коншин прибыл в Семипалатинск в ноябре 1890 г., до этого он отбывал ссылку в Зайсанском посту. Гласный надзор полиции сохранился за ним и в Семипалатинске, где Н. Я. Коншин выполнял обязанности секретаря межевого отделения при Областном правлении.

После окончания срока ссылки Н. Коншин навсегда остался в Западной Сибири. В течение многих лет он был секретарем Областного статистического комитета и руководителем Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Ему принадлежит большое количество трудов по экономике, истории и этнографии казахов, которые до сих пор не потеряли своего значения в историографии Казахстана⁶⁹.

Американский журналист Д. Кеннан пришел в изумление, узнав о существовании в таком провинциальном захолустье, каким был Семипалатинск, краеведческого музея и общественной библиотеки с читальным залом, со всевозможными русскими журналами и газетами и отличным подбором книг, насчитывавшим около тысячи томов. Он писал: «С удивлением я увидел сочинения Спенсера, Бокля, Льюиса, Милля, Тэна, Леббока, Тэйлора, Гексли, Дарвина, Лайеля, Тиндаля, Альфреда Рюссель Уэллес, Мэкензи Уэллес и сэра Генри Мэна, романы и повести Скотта, Диккенса, Мариэтта, Жоржа Элиота, Жоржа Мак-Дональда, Антония Троллоп, Жюстины Ме-Carthy, Эркман-Шатриана, Эдгара По и Брет-Гарта. Особенно много было научных сочинений и преимущественно по политической экономии; подобный подбор книг делает высокую честь интеллигентности и вкусу тех, кто его произвел и кто пользовался этими книгами. Благодаря книгам, у меня

⁶⁹ Н. К о н ш и н. Краткий исторический очерк Семипалатинского края и «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской обл.». В «Памятной книжке Семипалатинской обл. на 1901 г.», вып. 5; его же. К вопросу о переходе киргизов Семипалатинской области в оседлое состояние. В «Памятной книжке Семипалатинской обл. на 1898 г.»; его же. Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской обл. за 1880—1894 гг. и пр.

составилось лучшее мнение о Семипалатинске, чем на основании того, что я до сих пор видел и слышал»⁷⁰.

Таким образом, Семипалатинская общественная библиотека, к фондам которой постоянно обращался Абай, благодаря усилиям политических ссыльных города содержала наиболее передовые для того времени труды по истории, философии, лучшие образцы русской и западноевропейской литературы и периодической печати.

Можно смело сказать, что культурно-просветительская деятельность политических ссыльных придала Семипалатинску такие черты, которые несколько отличали его от других захолустных городов Западной Сибири.

Большое значение в культурной жизни города имело создание в 1878 г. Статистического комитета. Его главным назначением были обработка и обобщение статистических сведений по Семипалатинской области. Силами политических ссыльных Статистический комитет возглавил и краеведческую работу, которая объединяла изучение географии, истории, экономики, этнографии, духовной культуры края.

Правила полицейского надзора за ссыльными запрещали им работу по специальности. Однако некоторые исключения были сделаны генерал-губернатором Семипалатинской области Цеклинским, разрешившим отдельным ссыльным работу в Статистическом комитете, письмоводительство в Областном правлении и пр. Эти отклонения объясняются не столько гуманным отношением к ссыльным со стороны губернатора, сколько потребностью Статистического комитета в квалифицированном труде.

Для таких широко образованных людей своего времени, как названные выше политические ссыльные Семипалатинска, жаждавших практического применения своим знаниям, общественно полезного труда, вполне закономерным явился и интерес к истории, культуре казахского народа, изучению природных богатств края.

Особенно значительную исследовательскую и просветительскую работу, как отмечалось выше, провел в Семипалатинске Евгений Петрович Михаэлис. В услови-

⁷⁰ Д. Кеннан. Сибирь, т. I, стр. 68—69.

ях всяческих препятствий и ограничений, чинимых представителями царской власти на местах, эта работа потребовала от него исключительного упорства, энергии и целеустремленности. Он был первым секретарем Статистического комитета, с большим знанием и пониманием дела возглавившим собирательскую и исследовательскую работу его. При нем комитет стал первым подлинно научным учреждением Семипалатинска.

На основе собранных Михаэлисом экспонатов при комитете в 1883 г. был открыт музей, состоявший первоначально из археологических и зоологических коллекций. Впоследствии он пополнялся разнообразными научными материалами, собранными в области, среди которых большое место занимали экспонаты, относящиеся к этнографии казахов. Как было установлено литературоведом К. Мухамедхановым, целый ряд образцов прикладного искусства казахов был передан музею через Н. Долгополова Абаем Кунанбаевым, что документально засвидетельствовано в описях коллекций музея.

В 1886 г. по представлению Е. Михаэлиса членом Семипалатинского областного статистического комитета становится Абай Кунанбаев.

В апреле 1902 г. на базе Статистического комитета, давно переросшего в серьезное научное краеведческое учреждение, имевшее свои периодически издававшиеся труды — «Памятные книжки Семипалатинской области», был создан Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. С этого времени значительно расширяется круг научно-исследовательских работ Семипалатинского подотдела РГО. Общество организует историко-этнографические, археологические и географические экспедиции, которые собирают интересные, неизвестные ранее материалы, ставшие предметом изучения исследователей края. В работе общества принимали участие Г. Н. Потанин, В. А. Обручев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и др. Почетными членами его были академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, Ю. М. Шокальский, а из местных ученых — Е. П. Михаэлис, Н. Я. Коншин, Б. Г. Герасимов и Абай Кунанбаев⁷¹.

⁷¹ А. Жиренчин. Абай и его русские друзья. Алма-Ата, 1949, стр. 78.

Таким образом, хотя большинство ссыльных Семипалатинска постепенно отходили от практической революционной деятельности, будучи оторванными от революционного движения в Европейской России, тем не менее часть их приняла активное участие в просветительской работе среди местного населения, что в условиях крайней отсталости колониальных окраин России, безусловно, играло положительную роль.

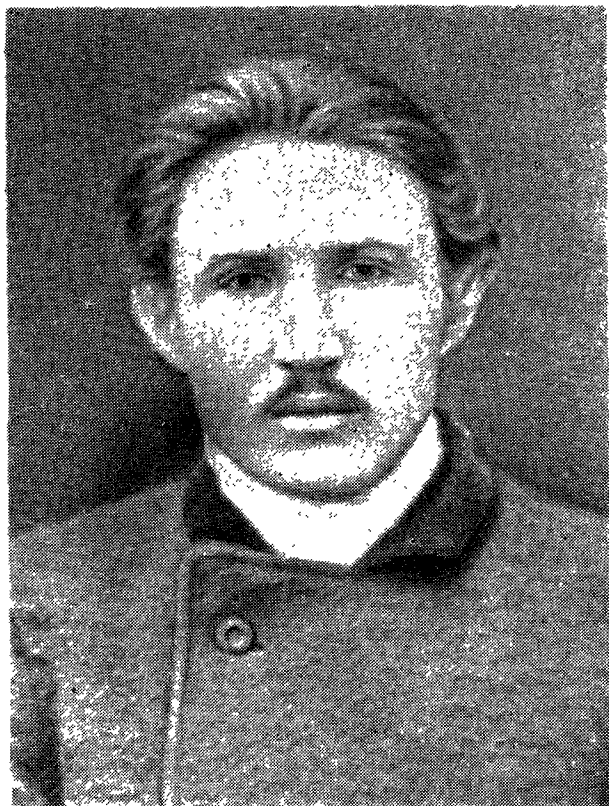
В эпопее «Путь Абая» выведен образ русского адвоката Андреева, с сочувственным вниманием относившегося к делам Абая и его друзей, подвергавшихся преследованию властей.

Прототипом этого либерального русского чиновника вполне мог быть семипалатинский уездный судья Маковецкий, в течение ряда лет возглавлявший Семипалатинский статистический комитет и занимавшийся исследованием юридических обычаев казахов.

В романе Андреев показан человеком, серьезно увлекающимся сбором материалов о жизни и обычаях казахов, а также горячим сторонником просвещения, который, увидев в Абае жажду знаний, показывает ему путь к самообразованию. Он объясняет Абаю, как можно учиться, не поступая в школу. «Андреев дал ему слово, что найдет для него учителя. Абай должен твердо решиться засесть за книги и работать: если он готов на это, двери науки распахнутся перед ним».

Эти обстоятельства, безусловно, являются авторским домыслом, но они вполне закономерны и обоснованы, тем более, если учесть, что при встрече Абая с Михаэлисом в общественной библиотеке Семипалатинска поэт уже свободно читал литературу на русском языке. Писатель показывает, как закладывались основы самообразования Абая, и эти детали, будучи вымышленными, помогают заполнить белые пятна в биографии казахского просветителя, воссоздать последовательное развитие его личности.

В архиве М. О. Ауэзова, как отмечалось ранее, имеются выписки из различных архивных и литературных источников, содержащих сведения о политических ссыльных — друзьях Абая. Рассмотрение в свете этого материала такой важной в идейном отношении фигуры эпопеи, как Михайлов, показывает, что М. О. Ауэзов не задавался целью воспроизвести его жизнен-

Н. И. Долгополов.

ный прототип, а стремился создать типический образ, обобщающий характерные черты представителей русских революционеров-демократов 60—80-х годов.

Михайлов в эпопее, безусловно, собирательный образ, объединивший в себе черты деятеля освободительного движения 60-х годов и черты политических ссыльных, связанных с движением народovolьцев. Недаром в эпопее Михайлов знакомит Абаю с их идеалами и борьбой. Он рассказывает Абаю о Каракозове, кружке Ишутина, убийстве царя.

Образ же другого политического ссыльного в романе — Павлова — имеет своим главным прототипом уже

упомянутого выше Н. Долгополова, дальнейший жизненный путь которого дал автору возможность создать на его основе вымышленный образ одного из участников первых марксистских кружков в России.

В отличие от большинства политических ссыльных, с которыми был связан Абай Кунанбаев в Семипалатинске, оторванных от революционной борьбы в России и занявшихся культурно-просветительской работой главным образом в области краеведения (Е. Михаэлис, Н. Коншин и др.), Н. Долгополов по возвращении из ссылки продолжал принимать активное участие в политической борьбе.

В 1887 г. Н. Долгополов поступил на последний курс медицинского факультета Харьковского университета и с отличием его окончил. Получив диплом, он работал некоторое время врачом на сахарном заводе в Екатеринославской губернии. В 1893—1895 гг. Н. Долгополов — хирург в земской больнице Курска. В 1896 г. он с семьей ненадолго поселяется в Туле, где произошло его знакомство с Л. Н. Толстым, которого он посещал в Ясной Поляне. В 1898 г. Н. Долгополов переехал в Нижний Новгород, где вскоре стал главным врачом Бабушкинской больницы в рабочем районе Кунавино. Здесь он близко сошелся с А. М. Горьким. «В Нижнем, около 1898 года и позже Горький дружил с Нифонтом Ивановичем Долгополовым, врачом Кунавинской больницы... Ежегодно в день рождения Т. Г. Шевченко Н. И. Долгополов устраивал у себя собрания, посвященные памяти поэта, Горький всегда бывал на них»⁷².

В гостях у Н. Долгополова в Нижнем бывали проездом В. Г. Короленко, А. П. Чехов, С. Г. Скиталец, Н. А. Семашко и др.

Н. Долгополов вел в Нижнем Новгороде совместно с Горьким агитационную работу среди рабочих. В одном из полицейских донесений того времени прямо говорится: «Горький ведет дело подпольно, снабжая рабочих деньгами и книгами. Доктор Долгополов — его главный помощник».

Во время революционных выступлений в Нижнем Новгороде в период революции 1905 г. Н. Долгополов,

⁷² Н. К. Пиксанов. Горький и национальные литературы. М., 1946, стр. 30.

организовав специальный санитарный отряд, спасал раненных в столкновениях с казаками и полицией рабочих, последних прямо с баррикад доставляли к нему в больницу. Оказав помощь раненым, он помогал им уходить от преследований полиции.

За активную помощь восставшим Н. Долгополов в январе 1906 г. был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Ему вновь угрожала ссылка в Сибирь, но дело закончилось высылкой в Астрахань.

В Астрахани Н. Долгополов, которому вновь было запрещено работать в больнице, оказывал бесплатную помощь многим обратившимся к нему беднякам. Дом его и в Астрахани становится центром притяжения политических ссыльных города.

В 1907 г. Н. Долгополов был избран во II Государственную думу от партии эсеров. На одном из заседаний думы он выступил со смелой речью, в которой говорил о необходимости отмены смертной казни за политические убеждения.

Н. Долгополов опубликовал свыше 10 трудов, причем его интересы выходили за рамки собственно медицинских проблем, он решительно и с большой трибуны (например, на Пироговских съездах) ставил вопросы об улучшении медицинского обслуживания рабочих на фабрично-заводских предприятиях. После Октябрьской революции Н. Долгополов был избран в состав первого Астраханского городского исполнительного комитета, начал читать лекции в только что открывшемся в городе медицинском институте.

В конце 1921 г. в Астрахани разразилась эпидемия сыпного тифа. Немолодой уже (65 лет) доктор Н. Долгополов все свои силы отдавал лечению больных. В январе 1922 г. он сам заразился тифом и не смог побороть болезнь.

В некрологе, напечатанном в Астраханской газете «Коммунист» 26 января 1922 г., говорилось: «Кто из рабочих Астрахани не знал Нифонта Ивановича, кто не видел почтенного старца, пробирающегося к больным по самым отдаленным окраинам, невзирая на время дня и ночи.

Рабочий, обращавшийся к доктору Долгополову, никогда не получал отказа. Старый революционер, общественный деятель Нифонт Иванович до последних

дней своей жизни сохранил чисто юношескую живость и энергию»⁷³.

Гроб с телом Н. Долгополова по разрешению Ф. Э. Дзержинского был перевезен в Москву и погребен на Ново-Девичьем кладбище.

Именем Н. Долгополова названы больницы в Нижнем Новгороде, улица в Астрахани.

Умным, сильным духом, деятельным человеком предстает в романе Федор Иванович Павлов, политический ссыльный, друг Абая. В основу его образа М. О. Ауэзов положил черты реального человека — ссыльного народовольца Нифонта Ивановича Долгополова, который был связан с Абаем большой дружбой.

В романе находят отражение основные факты биографии Н. Долгополова, уже отмеченные выше: ссылка в Западную Сибирь за студенческие выступления в Харьковском университете, демонстративный публичный отказ от принятия присяги Александру III, увеличивший срок его ссылки; совпадают и факты его личной жизни: женитьба на политической ссыльной Саше-Александр (Шейне) Шур, многочисленные препятствия, чинимые их браку властями, не признававшими их семьи и часто расселявшими их по разным пунктам.

Павлов бывал гостем в ауле Абая, как и Долгополов.

В долгих беседах с Абаем Павлов говорил о политической жизни в России, о рабочем движении.

После борьбы из-за дела Макен, в которую включился рабочий люд Затона, Павлов говорил о том, что это был повод для выступления рабочего класса города. Такого рода высказывания для Павлова не случайны.

В эпопее Павлов появляется на смену шестидесятникам и народовольцам, и автор пишет о нем: «Этот представитель революционной русской молодежи того времени мыслится мне как один из участников группы русских марксистов конца 80-х годов»⁷⁴.

Говоря о предстоящем падении самодержавия, о революционной борьбе русского народа, Павлов показывает Абаю «отрывки из статьи подпольной газеты, тайно распространяемой среди рабочих самой сильной и

⁷³ «Памяти замечательного русского врача-революционера Н. И. Долгополова». «Советская медицина», 1957, № 6, стр. 137.

⁷⁴ М. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967, стр. 371.

смелой из российских революционных партий», датированной декабрем 1899 г.

Образ Павлова — собирательный образ; один из его реальных прототипов — Н. Долгополов — покинул Семипалатинск в 1886 г. Павлов же остается с Абаем до конца его жизни. Он раскрывает ему характер начавшейся русско-японской войны, объясняет, что поражение в ней России, как всякое ослабление самодержавия, будет способствовать росту сил революции, т. е. излагает ленинскую оценку войны.

Образ Павлова в романе знаменует собой преемственность в истории революционного движения в России, когда разночинский буржуазно-демократический период освободительной борьбы, продолжавшийся с 1861 по 1895 г., сменяется пролетарским. Исторический прототип Павлова — ссыльный народоволец Н. Долгополов — не был социал-демократом, но его активное участие в революционной борьбе, тесная связь с рабочим движением, честное служение народу до конца дней своих давали основание М. О. Ауэзову создать образ ссыльного революционера, деятельность которого была уже связана с распространением марксизма в России, возникновением «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Кроме того, введение автором в роман образа социал-демократа Павлова вполне оправдано реальными событиями: в 90-х годах были разгромлены первые марксистские организации в России и большая группа русских марксистов сослана в Сибирь и Казахстан.

Таким образом, названные выше политические ссыльные, с которыми был связан Абай, принимали самое активное участие в революционном движении России и явились в известной мере непосредственными проводниками передовых идей своего времени.

Исходя из известных связей Абая с политическими ссыльными М. О. Ауэзов показал в романе, как тесное общение Абая с передовыми людьми того времени способствовало глубокому усвоению поэтом идей русского революционно-демократического просветительства, формированию его мировоззрения и творческому росту.

Для политических ссыльных, высокообразованных, прогрессивно настроенных людей своего времени, недавних активных борцов против царского самодержавия за

освобождение угнетенного народа было совершенно закономерно стремление рассказать угнетенному царизмом казахскому народу в лице его лучших представителей правду о русском народе, пропагандировать демократическую русскую литературу и освободительные идеи революционно-демократического движения в России.

Изучение взаимоотношений Абая Кунанбаева с политическими ссыльными показывает, что они с большим вниманием относились к его духовным запросам, помогали ему в подборе книг, давали ответы на многие его пытливые вопросы. Благодаря ссыльным Абай, далеко обогнав средневековую отсталость своей среды, достиг высот мировой духовной культуры, ближе узнал другую Россию — Россию Белинского, Пушкина, Герцена и Чернышевского, Россию свободолюбивого русского народа.

Таким образом, не будучи крупными фигурами в революционно-демократической борьбе (в общероссийском масштабе), политические ссыльные оказали столь важное влияние на Абая Кунанбаева прежде всего как распространители передовой для того времени мировой общественной мысли и литературы. Сближение с ними, несомненно, ускорило знакомство Абая с русской культурой, правильно ориентировало его на изучение творений Пушкина, Лермонтова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Белинского, Чернышевского и др.

Абай глубоко воспринял эстетические заветы Белинского и Чернышевского о назначении и долге поэта — выражать запросы, сокровенные думы и чаяния народа. *«Исследуя формирование духовного облика Абая, писатель, которому в высшей степени был свойствен историзм художественного мышления, эта важнейшая принадлежность метода социалистического реализма, ... показывает, как, следуя велениям духа времени, Абай ищет и находит в передовой русской общественной мысли опору собственным поискам путей освобождения народа, облегчения его участи (курсив наш. — Л. А.)»*⁷⁵. В романе показано, что обращение к русской литературе во многом определило

⁷⁵ Б. С у ч к о в. Исторические судьбы реализма. М., 1967, стр. 373.

формирование и развитие поэтического творчества и мировоззрения классика казахской литературы.

Не принимая в целом революционного учения о переустройстве общества, Абай воспринял у русских ссыльных веру в светлое будущее народа. В суровую эпоху безвременья эта вера помогала Абаю правильно ориентировать свой народ на сближение с русским народом и его демократической культурой.

* * *

Последовательный историзм эпопеи «Путь Абая» дает представление и о важнейшей новаторской черте советского исторического романа — связи истории с современностью.

В основу творческого решения этой задачи в эпопее «Путь Абая» положен образ Абая Кунанбаева, который выступает как выразитель передовых тенденций своего времени, объективно находившихся в соответствии с прогрессивным историческим развитием казахского общества.

Художественно воспроизведя в романе жизнь и деятельность Абая, его борьбу с реакционными силами, его стремление к приобщению казахского народа к русской революционно-демократической культуре, к сближению с русским народом, писатель тем самым определил четкую историческую перспективу, придав эпопее глубоко современное звучание.

В выступлении по радио в 1949 г. в связи с завершением работы над первой книгой романа М. О. Ауэзов говорил именно об этой задаче: «Абай был одним из тех великих поэтов, которые, по определению Белинского, создавали бессмертные произведения о своей эпохе, а своими идеалами и устремлениями уходили в будущее. Этим будущим для Абая стала наша эпоха раскрепощения и великого возрождения народов. Показать Абая глубоко созвучным нашей эпохе, понятным и близким нашим поколениям, т. е. таким, как он есть в своих бессмертных творениях, — самая благородная и ответственная задача моего творческого обращения к его личности»⁷⁶.

⁷⁶ Архив ЛММА, папка № 395, стр. 100.

На современное звучание эпопеи «Путь Абая» особо обращала внимание и литературная критика:

«Отображение исторической правды жизни и в соответствии с ней обрисовка характера главного героя эпопеи Абая в процессе постепенного развития, изменения, в сочетании с революционной перспективой — самое большое достоинство эпопеи Ауэзова»⁷⁷.

Следовательно, уже с этой концепцией автора в роман приходит современное переосмысление прошлого народа, которое и делает созвучной нашему времени главную его идею.

Современное звучание романа, написанного об историческом прошлом народа, придает ему активный идеологический характер, служащий нашему времени, так как без глубокого и достоверного знания истории трудно со всей полнотой оценить великие свершения настоящего.

Вместе с тем эпопея «Путь Абая» подтверждает необходимость подхода к оценке явлений прошлого с позиций сегодняшнего дня. Исторический роман должен быть освещен прогрессивными идеями нашего времени, придающими ему подлинную актуальность, которая, разумеется, не должна иметь ничего общего с модернизацией истории.

Проблема связи прошлого и настоящего в советском историческом романе была со всей полнотой определена А. М. Горьким: «Для того чтоб ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понятна, необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего»⁷⁸.

Современное звучание романа о прошлом тесно связано с так называемым активным художественным историзмом советского исторического романа, когда и понимание, и изображение минувшего пронизаны идейными концепциями нашего времени, которые не могут оставить автора бесстрастным объективистом в показе борьбы прогрессивных и реакционных сил истории.

⁷⁷ М. К а р а т а е в. Первая казахская эпопея. В сб.: «Рожденная Октябрем». Алма-Ата, 1958, стр. 30.

⁷⁸ М. Г о р ь к и й. О литературе. М., 1961, стр. 389.

Эпопея «Путь Абая» также вся проникнута заинтересованным авторским отношением к судьбе Абая, его борьбе с темными силами времени.

«Освещение прошлого в романе М. Ауэзова воспроизведено с позиций сегодняшнего дня,— пишет Г. Ломидзе,— с наших, советских позиций, с высоты современности. Это позволило писателю показать выдающуюся личность — могучую фигуру Абая — не в виде смелого одиночки, «выпрыгнувшего» из рамок своего времени, а как человека, воспитанного народными массами, движимого ими. М. Ауэзов всем ходом повествования обосновывает важную мысль о решающей роли народа в истории... Социалистический идеал, с позиции которого подошел писатель к фактам минувшего, помог ему правильно оценить прошлое, раскрыть его сущность, отделить главное от малосущественного и случайного, дать верное представление о движущих силах исторического развития»⁷⁹. Причем наиболее существенным для нашего времени является воспроизведение освободительных устремлений народа, его борьбы за свободу, социальную справедливость.

Глубокая связь с современностью в эпопее заключается и в художественном воспроизведении тех прогрессивных явлений в прошлом, которые получили полное развитие в настоящем, будучи принятыми как ценное достояние нашей эпохой.

Таким ценным наследием для нас явились первые проявления дружбы казахских и русских трудящихся, передовых деятелей казахской культуры, в данном случае Абая, и представителей русской революционно-демократической интеллигенции.

На большом историческом материале раскрыта в эпопее «Путь Абая» идея дружбы народов, выявлены наметившиеся уже в эпоху Абая основы единения угнетенных народов России, общности их интересов в предстоящей совместной освободительной борьбе.

Прогрессивная для эпохи Абая ориентация на сближение с революционно-демократической культурой России и ее трудовым народом, которая находит живой отклик в идеях нашего времени, когда дружба на-

⁷⁹ Г. Л о м и д з е. Единство и многообразие. М., 1957, стр. 44—45.

родов расценивается как одно из важнейших завоеваний социализма, придает эпопее остро современное звучание.

Изучение советских исторических романов, в ряду которых стоит и эпопея «Путь Абая», обнаруживает, что их характерной чертой является стремление выявить в прошлом определенные начала прогрессивных исторических тенденций, в том числе и тех ценностей в духовном наследии предков, которые понятны и дороги нашему настоящему.

Такой огромной ценностью в культурном наследии прошлого для казахского народа, обогатившей и многонациональную советскую литературу, явилась поэзия Абая Кунанбаева, сумевшего отразить в своем творчестве важнейшие черты исторического характера казахского народа с его стремлением к социальной справедливости, просвещению, глубокой поэтичностью, любовью к своей родной земле.

«Связь с современностью писателя, обращающегося к прошлому, должна осуществляться путем правдивого, исторически верного изображения прежде всего тех страниц национальной жизни, тех событий и деятелей истории, которые были выражением ее поступательного движения и до сих пор несут в себе прогресс, подлинно патриотические национальные традиции общества, идеалы, отражающие свободололюбивое стремление и чаяния масс, всего передового и прогрессивного человечества»⁸⁰.

Особо подчеркивая успех автора в решении этой проблемы, И. Т. Дюсенбаев и Е. Лизунова говорят об эпопее «Путь Абая» как о произведении, открывшем новый этап в литературном процессе нашего времени, поднявшем «на новую ступень всю многонациональную литературу в изображении народа как творца национальной культуры»⁸¹.

На эту важнейшую отличительную черту романа об Абае не раз обращала внимание зарубежная критика, которая отметила, что знакомство с эпопеей М. О. Ауэзова явилось для нее подлинным открытием незнако-

⁸⁰ С. М. Петров. Советский исторический роман. М., 1958, стр. 482.

⁸¹ Е. Лизунова, И. Дюсенбаев. Мухтар Ауэзов. Алма-Ата, 1957, стр. 46.

мого ранее народа с его своеобразной историей, экономикой, духовной культурой.

Так, канадский журнал «Northern neighbours», говоря об эпопее М. О. Ауэзова, писал: «Это наш первый автор казах. Читатели наши, мы с гордостью предлагаем вам впервые изданную нами на английском языке первую книгу чудесного романа «Абай» о великом поэте казахского народа Абае. Какой смелый, какой великодушный, какой талантливый народ эти казахи! И как жаль, что мы раньше почти ничего не слышали о них».

Или французский автор Жан Спангарро («Летр франсез») также говорил со всей определенностью: «Это не историческая и не географическая книга — это роман, но в нем встает перед нами целый незнакомый народ... Здесь одновременно и приключенческий роман, и эпос о жизни народа... До краев напоенный горькими колдовскими ароматами минувших времен роман М. Ауэзова целиком обращен в сторону будущего. И в этом метод социалистического реализма»⁸².

Башкирский писатель Мустай Карим, верно почувствовавший эту связь советского исторического романа с современностью, в 1958 г. писал М. О. Ауэзову: «Я люблю ваш «Абай», восхищаюсь им. Он поэтически открыл казахский народ. Роль любой великой книги не исчерпывается тем, что она отражает лучшие черты народного характера, но и создает новые высокие черты, которые могли бы быть присущи этому народу. По таким книгам народ воспитывает в себе эти новые черты. В моем понимании таков ваш «Абай». «Абай» мне дорог еще тем, что он зовет меня. Зовет, чтобы я шире, глубже, смелее говорил миру о моем народе»⁸³.

Подобных высказываний о романе М. О. Ауэзова много. Различные по эмоциональной настроенности, по характеру анализа, все они единодушны в одном: воспроизведенное писателем историческое прошлое казахского народа служит нашей современности, ибо вскрывает те основы национального характера казахского

⁸² Ж. Спангарро. Юность Абая. «Летр франсез», 1959, № 714. Пер. Б. Невской в статье «Салем от Абая». «Простор», 1962, № 8, стр. 103—110.

⁸³ Архив ЛММА, папка № 396, стр. 2.

народа, те его возможности, которые ярко проявились тогда в могучей фигуре Абая — поэте, просветителе, демократе, выразителе дум народа — и которые после революции за короткий срок позволили ему вырваться из темноты и невежества и влиться в ряды строителей коммунизма.

Таким образом, эпопея М. О. Ауэзова «Путь Абая» — яркое свидетельство того, что советские исторические романы характеризуют не уход от нашей современности, а, наоборот, страстное, заинтересованное служение ей.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
<i>Глава I.</i> Историческая действительность в эпопее «Путь Абая»	21
<i>Глава II.</i> Социально-экономические изменения в казахском обществе на рубеже двух веков и их отображение в эпопее	123
<i>Глава III.</i> Абай Кунанбаев и его среда	201
<i>Глава IV.</i> Русские политические ссыльные — друзья Абая	268

894.342.092

А-938 *Ауэзова, Лейля Мухтаровна.*
**Исторические основы эпоса «Путь
Абая».** Алма-Ата, «Наука», 1969.
315 с. (АН КазССР. Ин-т литературы
и искусства им. М. О. Ауэзова).
1 р. 30 к.

894.342.092

*Утверждено к печати Ученым сове-
том Института литературы и ис-
кусства им. М. О. Ауэзова Акаде-
мии наук Казахской ССР*

Редактор *З. Н. Пальгова*
Худож. редактор *И. Д. Сузих*
Техн. редактор *П. Ф. Алферова*
Корректор *Г. А. Сулейманова*

Сдано в набор 22/IX 1969 г. Подпи-
сано к печати 26/XI 1969 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 16,19. Уч.-изд. л. 17,5.
Тираж 3400. УГ08114. Цена 1 р. 30 к.

Типография издательства «Наука»
КазССР, г. Алма-Ата, ул. Шевчен-
ко, 28. Зак. 132.